

№ 4 (53)
2020

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А. В. Рябцев,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь

Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:
Е. Ю. Антонова,

д-р юрид. наук, профессор;

А. М. Баранов,

д-р юрид. наук, профессор;

А. С. Бахта,

д-р юрид. наук, профессор;

С. С. Безруков,

д-р юрид. наук, доцент;

В. А. Болдырев,

д-р юрид. наук, доцент;

С. И. Давыдов,

д-р юрид. наук, доцент;

В. В. Денисенко,

д-р юрид. наук, профессор;

А. Н. Древаль,

д-р юрид. наук, профессор;

Н. Н. Егоров,

д-р юрид. наук, профессор;

В. П. Камышанский,

д-р юрид. наук, профессор;

С. М. Кузнецова,

канд. юрид. наук, доцент;

Ю. И. Кулешов,

д-р юрид. наук, профессор;

В. Н. Лисица,

д-р юрид. наук, доцент;

Н. Е. Мерецкий,

д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Иванов П. И. Уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника: понятие, признаки и закономерности / 5

Кузнецова С. М. Использование систем видеоконференцсвязи в до-судебном производстве как мера противодействия распространению коронавирусной инфекции / 14

Хайдаров А. А. Понятие и система признаков целеполагания и методологические подходы к их реализации в процессе судебного следствия / 19

Уголовное право и криминология.

Уголовно-исполнительное право

Никитенко И. В., Подгорная Н. В. Преступления против правосудия: к вопросам о правовых дефинициях и систематизации / 27

Ишигеев В. С., Романова Н. А., Лапша В. А., Бондарь А. Я. Обоснованный риск: вопросы правовой оценки с позиции уголовного закона / 37

Кобец П. Н. О комплексной межотраслевой природе института возмещения преступного вреда / 42

Власенко В. В. Возмещение преступного вреда как условие освобождения от уголовной ответственности: теоретические и практические аспекты / 47

Замалеева С. В. Ответственность медицинских работников по уголовному законодательству Кыргызской Республики / 55

Швейгер А. О. Сотрудник органов внутренних дел как субъект не оказания помощи больному и оставления в опасности / 60

Долинко В. И. Правовое обеспечение противодействия злоупотреблениям при закупках для государственных и муниципальных нужд / 66

Мячин Н. В., Шумилин О. В. Группировка показателей социальных и экономических факторов преступности / 70

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность

Михайлова А. В. Оптимизация методики расследования контрабанды древесины / 79

Серебрянникова М. В. К вопросу об участии специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации / 85

Янгаева М. О. Методы (техники) социальной инженерии, используемые при совершении преступлений в сфере компьютерной информации / 92

И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
В. Н. Шмаков,
канд. юрид. наук, доцент;
Н. Г. Шурухов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**
А. В. Ковалев

Корректор
Н. Б. Хохлова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-77679 от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 23.12.2020.
Дата выхода в свет 25.12.2020.
Бум. офис. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 16,74.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 1–80 экз.)
Заказ № 55.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46–52–17
Тел./факс: (4212) 46–52–06
© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2020

Кузнецов А. В., Пудовиков А. С., Петров В. В. Отдельные особенности назначения и производства пожарно-технических экспертиз при расследовании преступлений, связанных с возгоранием автотранспортных средств / 97
Жердев П. А., Тайнов С. В. Особенности назначения судебно-строительной экспертизы / 103
Ярошенко С. А. Особенности совершения преступлений экономической направленности в сфере строительства на транспорте / 111
Иванов С. И. Принципы осуществления оперативно-розыскных операций / 118

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право

Шмаков В. Н. К вопросу о возмещении вреда, причиненного действием ограничительных мер чрезвычайного характера в условиях борьбы с COVID-19 в России / 125
Кулицкая А. И. Правовые гарантии обеспечения обязанности наследников возместить затраты на уход, лечение и погребение наследодателя / 132
Кудряшова В. В. Объекты культурного наследия: проблемы легальной терминологии / 138

Информация для авторов / 143

№ 4 (53)
2020

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
A. V. Ryabtsev,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:
E. Yu. Antonova,
Doctor of Law, Professor;
A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;
A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;
S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. A. Boldyrev,
Doctor of Law, Associate Professor;
S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. V. Denisenko,
Doctor of Law, Professor;
L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;
V. P. Kamyshanskii,
Doctor of Law, Professor;
S. M. Kuznetsova,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
Yu. I. Kuleshov
Doctor of Law, Professor;
V. N. Lisitsa
Doctor of Law, Associate Professor;
N. E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure

- Ivanov P. I.** Criminal procedural legal relations between the investigator and the defender: concept, signs and regularities / **5**
Kuznetsova S. M. Use of videoconferencing systems in pre-trial proceedings as a measure to counter the spread of coronavirus infection / **14**
Khaydarov A. A. The concept and system of goal setting features and methodological approaches to their implementation in the process of judicial investigation / **19**

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

- Nikitenko I. V., Podgornaya N. V.** Crime against justice: questions about definitions and legal systematization / **27**
Ishigeev V. S., Romanova N. L., Lapsha V. L., Bondar A. Ya. Reasonable risk: questions legal assessment with the position of the criminal law / **37**
Kobets P. N. On the complex intersectoral nature of the institute of criminal damage compensation / **42**
Vlasenko V. V. Compensation of criminal harm as a condition for exemption from criminal liability: theoretical and practical aspects / **47**
Zamaleeva S. V. Responsibility of medical workers by criminal legislation Kyrgyz Republic / **55**
Shveyger A. O. Law officer as subject of failure to provide assistance to the patient and abandonment in danger / **60**
Dolinko V. I. Legal support for countering abuses in procurement for state and municipal needs / **66**
Myachin N. V., Shumilin O. V. Grouping indicators of social and economic factors of crime / **70**

Criminalistics. Forensic expertise activity. Operative search activity

- Mikhailova L. V.** Optimization of methods of investigation of wood smuggling / **79**
Serebryannikova M. V. To the question of the participation of the specialist in the investigative actions related to the removal of electronic media of information / **85**
Yangaeva M. O. Methods (techniques) of social engineering used in the commission of crimes in the field of computer information / **92**
Kuznetsov A. V., Pudovikov A. S., Petrov V. V. Problematic issues that arise during production fire-technical examinations prescribed for the investigation of criminal cases on the facts of ignition of cars / **97**
Zherdev P. A., Tainov S. V. Features of appointment of forensic construction expertise / **103**

I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor;
V. N. Shmakov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
A. V. Kovalev

Proofreader
N. B. Khokhlova

Yaroshenko S. A. Features of commitment of economic crimes in the sphere of construction by transport / **111**
Ivanov S. I. Principles of conducting operational investigative operations / **118**

Civil law. Business law. Family law. Private international law

Shmakov V. N. On the issue of compensation for damage caused by the action of restrictive measures of an emergency nature in the fight against COVID-19 in Russia / **125**

Kulitskaya L. I. Legal guarantees of ensuring the obligation of heirs to reimburse the costs of care, treatment and burial of the testator / **132**

Kudryashova V. V. Cultural heritage sites: application problem of the legal notion / **138**

Information for authors / 143

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties: 12.00.03 – Civil law; business law; family law; private international law, 12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal-executive law, 12.00.09 – Criminal procedure, 12.00.12 – Criminalistics; forensic expertise activity; operative search activity.

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-77679 of February, 10, 2020.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 23.12.2020.
Issue: 25.12.2020.
Format 60×84¹/₈. Size 16,74 printer sheets. Circulation 300 copies. (1–80 copies).
Order № 55. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Пётр Иванович Иванов, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: ivanovPI1952@yandex.ru

Данная статья посвящена рассмотрению уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника через призму раскрытия их понятия, совокупности признаков и закономерностей проявления. Обосновывается тезис о том, что на эффективность предварительного следствия влияет установление конструктивных взаимоотношений между следователем и защитником.

Ключевые слова: следователь; защитник; уголовно-процессуальные правоотношения.

CRIMINAL PROCEDURAL LEGAL RELATIONS BETWEEN THE INVESTIGATOR AND THE DEFENDER: CONCEPT, SIGNS AND REGULARITIES

Petr Ivanovich Ivanov, chief researcher at the Research Center Merited Law Expert of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation

This article is devoted to the consideration of criminal procedural legal relations between the investigator and the defender through the prism of disclosure of their concept, set of signs and patterns of manifestation. The thesis that the effectiveness of preliminary investigation affects the establishment of a constructive relationship between the investigator and defender.

Keywords: investigator; defender; criminal procedural legal relations.

На изучение уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника подтолкнуло наличие проблемы, заключающейся в разрешении существующих противоречий между потребностью в повышении эффективности предварительного следствия и неполнотой современных научно обоснованных представлений о возникновении и развитии названных видов отношений.

Выборочное изучение юридической литературы показывает, что такого рода правоотношения и связанные с ними закономерности незаслуженно обойдены вниманием ученых-процессуалистов [6, с. 4]. Эти отношения и закономерности при всей актуальности не стали объектом углубленного специального изучения.

Решая указанную проблему, на наш взгляд, следует постараться ответить, по крайней мере, на три вопроса:

1) какова природа уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника;

2) каким образом можно добиться делового (конструктивного) взаимоотношения между следователем и защитником;

3) какие изменения и дополнения целесообразно внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, чтобы исключить на стадии предварительного следствия неправомерные действия со стороны как следователя, так и защитника?

В юридической литературе существует мнение о необходимости закрепления в УПК РФ положения, регулирующего их взаимодействие. Со своей стороны полагаем, что данное предложение, безусловно, заслуживает определенного внимания, но предварительно следует научно обосновать, насколько его реализация объективно продиктована потребностями практики.

Проблема, которая затронута нами в настоящей статье, как видно из приведенных вопросов, многоплановая. Учитывая это, возникает невольный вопрос: неужели на сегодня эта проблема настолько актуальна, что она объективно нуждается в теоретическом осмыслении? Как нам представляется, на этот вопрос можно ответить утвердительно хотя бы в силу следующих взаимосвязанных между собой обстоятельств, а именно:

– недостаточной научной ее разработанности с позиции установления нормальных взаимоотношений между двумя субъектами уголовного судопроизводства;

– несовершенства действующего уголовно-процессуального законодательства в части преодоления возможных конфликтов между указанными участниками уголовного процесса, а также объективной необходимости поиска научно обоснованных предложений и рекомендаций по повышению эффективности предварительного следствия.

К тому же нельзя не учесть то, что на сегодняшний день в теории уголовно-процессуального права нет единства мнений о сущности и содержанию уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника. Высказаны различные точки зрения по этому поводу.

Следует несколько слов сказать о месте и роли уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника в системе, представляемой нами в виде следующей схемы: общественные отношения – правоотношения – уголовно-процессуальные правоотношения – уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника. Каждое звено этой цепи имеет свои особенности, тенденции развития и закономерности, при этом все они тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга, т. е. образуется некая система. В ней наглядно просматривается природа их происхождения, что является весьма важным при изучении генезиса и эволюции уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника.

Что же мы понимаем под уголовно-процессуальными правоотношениями следователя и защитника?

Изучение уголовно-процессуальной литературы показало, что одним из первых на основе углубленного исследования проблемы сформулировал понятие «уголовно-процессуальное отношение» профессор В. П. Божьев [2, с. 140–148]. По его мнению, «уголовно-процессуальное отношение представляет собой средство реализации нормы права и является связующим звеном между нормой и тем результатом, для достижения которого она принята. Основываясь на конструкции правоотношения, разработанного в науке общей теории права, уголовно-процессуальные правовые отношения можно определить как общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права и возникающие, развивающиеся и прекращающиеся при решении вопросов возбуждения дела, в процессе производств по уголовному делу, а также в связи с исполнением приговора» [11, с. 118]. Автор обращает внимание на три принципиально важных положения, а именно: 1) нормы уголовно-процессуального права служат предпосылкой возникновения и развития отношений в уголовном судопроизводстве; 2) юридические факты (преступное деяние) – основа возникновения уголовно-правовых отношений, а вот само применение материально-правовых санкций предполагает приведение в действие норм уголовно-процессуального права; 3) нормами уголовно-процессуального права обозначены юридические факты (круг обстоятельств,

подлежащих установлению по делу), от которых во многом зависит *возникновение, изменение, развитие и прекращение правоотношений*.

В настоящей статье мы ведем речь не просто об уголовно-процессуальных правоотношениях, а о таких же отношениях, но возникающих между следователем и защитником, что в итоге гораздо эже.

Основываясь на концептуальных положениях, нашедших отражение в понятии «правоотношения», которое сформулировано профессором В. П. Божьевым, мы предприняли попытку дать свое определение понятия «уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника». На наш взгляд, это такие правоотношения, которые возникают между следователем и защитником в процессе предварительного следствия и выступают средством реализации норм уголовно-процессуального права, регулирующих взаимоотношения между указанными участниками уголовного судопроизводства, в целях создания предпосылок для достижения *объективной истины* по уголовному делу.

Из приведенного определения попытаемся вычленить признаки рассматриваемых правоотношений:

– указанные виды правоотношений – предмет познания теории уголовно-процессуального права. При этом следует иметь в виду, что помимо правоотношений в содержание предмета входят и закономерности, о которых будем говорить чуть ниже. В таком понимании речь идет о теоретическом аспекте анализируемых правоотношений;

– это общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права в части, касающейся поводов и оснований их возникновения и прекращения, полномочий следователя и защитника. Уголовно-процессуальный закон определяет следователя (ст. 38 УПК РФ) как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, а защитника (ст. 49 УПК РФ) – как участника уголовного судопроизводства со стороны защиты. Отсюда нетрудно понять, что их уголовно-процессуальный статус не может не накладывать своего отпечатка на анализируемые нами правоотношения;

– это такие правоотношения, которые служат связующим звеном между нормой уголовно-процессуального права и конечным ее результатом;

– рассматриваемые виды правоотношений возникают между двумя относительно самостоятельными участниками уголовного судопроизводства. Мы полагаем, что это весьма важное условие для их возникновения;

– наличие своего рода адресности анализируемых видов правоотношений. Данный признак означает принадлежность их только сфере уголовного судопроизводства. В теории уголовно-процессуального права доказано, что сама среда в обязательном порядке накладывает свой отпечаток на характер и содержание возникающих правоотношений, в том числе на права и обязанности сторон.

Уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника обладают определенными *закономерностями*, т. е. присущими им повторяющимися существенными особенностями, отражающими их связи с иными видами уголовно-процессуальных правоотношений.

К закономерностям данных правоотношений относятся: их объективный характер; зависимость от состояния развития теории уголовно-процессуального права, от существующих в ней противоречий; усложнение правоотношений в связи с развитием научно-технического процесса, компьютеризации.

Отсюда следует, что уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника подвержены качественным и количественным изменениям.

Закономерности, циркулирующие в сфере уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника, условно могут быть классифицированы по различным основаниям. Например, по временным параметрам их можно сгруппировать на *возникновение, изменение, развитие и прекращение*.

К числу юридических фактов (действий), влекущих *возникновение* указанного вида правоотношений, могут быть отнесены:

– неразрывная связь между нормами уголовно-процессуального права и отношениями, возникающими в уголовном судопроизводстве. Таковую взаимосвязь мы усматриваем следующим образом: если правоотношения выступают в качестве средства, приводящего в действие сами нормы, то последние по существу моделируют возможные в ходе производства по уголовному делу общественные отношения, которые, как нам представляется, служат связующим звеном между нормой и ее результатом. Отсюда следует, что нормы уголовно-процессуального права обеспечивают реализацию уголовным правом охранительной функции, то есть защиту прав и свобод участвующих в судопроизводстве граждан;

– одновременное применение норм уголовного и уголовно-процессуального права. Что это означает? Это означает прежде всего их сопряженность. Нормы уголовного права могут быть применены только в рамках уголовного процесса. Тем самым прослеживается взаимообусловленность уголовно-процессуального и уголовного права. При этом следует учесть, что субъектом применения норм уголовного права является прежде всего суд, так как уголовно-правовые нормы не применяются до вынесения приговора;

– взаимосвязь между правом и обязанностью. Следователь и защитник, реализуя свои права и обязанности, содержащиеся в нормах уголовно-процессуального права, вольно или невольно вступают в уголовно-процессуальные отношения. Однако при этом реально они осуществимы лишь в том случае, когда права одного из них (например, следователя) корреспондируются с обязанностями другого участника уголовного судопроизводства – защитника, или наоборот.

Обобщая вышеизложенное, считаем необходимым привести типичные признаки (черты), которые во многом характеризуют рассматриваемые нами виды правоотношений. К их числу, на наш взгляд, следует отнести:

– обусловленность возникновения названных правоотношений субъектами уголовно-процессуального права, реализующими свои права и обязанности;

– распространение общетеоретических положений о правоотношениях на анализируемый вид правоотношений;

– обеспечение реализации этих правоотношений наличием механизма государственного принуждения;

– существующую неразрывную связь между теорией уголовно-процессуального права и судебно-следственной практикой, иными словами, связь между методологической и прикладной основой;

– диалектическую связь между содержанием и формой уголовно-процессуальных правоотношений. Содержанием уголовно-процессуальных правоотношений являются действия (юридический факт), а формой – права и обязанности;

– модернизацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства и ее влияние на уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника;

– организацию предварительного расследования уголовного дела, предполагающую упорядочение процесса расследования;

– то, что участие в уголовном деле в качестве защитника возможно лишь по предъявлении удостоверения и ордера (ч. 4 ст. 49 УПК РФ). Следовательно, не каждый адвокат может быть защитником, если он не отвечает названным общеобязательным требованиям;

– появление таких участников процесса, как подозреваемый и обвиняемый, автоматически влечет за собой возникновение рассматриваемого вида правоотношения;

– то, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения (презумпция невиновности) (ст. 14 УПК РФ);

– реализацию принципа объективной истины.

В юридической литературе называются и иные признаки. В частности, «1) возможность их существования только в форме правовых отношений; 2) выполнение ими служебной роли по отношению к уголовным материальным правовым отношениям; 3) применение в процессе их функционирования норм не только процессуального, но и материального (уголовного) права; 4) обусловленность состава правоотношения существующими компонентами уголовного материального правового отношения; 5) непрерывность системы отношений; 6) сочетание двустороннего характера отношений с их многосубъектностью» [11, с. 123–124].

Что же касается закономерностей, связанных с *изменением* названных правоотношений, то их проявление находит свое выражение:

– в тех случаях, когда следователем использованы недопустимые доказательства (ст. 75 УПК РФ), которые положены в основу обвинения;

– в сборе доказательств защитником в соответствии со ст. 86 УПК РФ «Собирание доказательств»;

– в создании «привилегированного» положения подозреваемого (обвиняемого) вопреки нормам уголовно-процессуального закона;

– в обязанности рассмотрения следователем ходатайств (ст. 159 УПК РФ), имеющих значение для уголовного дела.

Что же касается ходатайств, как показывает судебно-следственная практика, нередко защитники из числа недобросовестных, преследуя цель выявления оправдывающих его подзащитного либо смягчающих ответственность обстоятельств, умышленно затягивают ознакомление с материалами уголовного дела. Между тем ознакомление с материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ) для обвиняемого и его защитника – это право, а не обязанность. Полагаем, что указанная норма нуждается в теоретическом осмыслении. На это обстоятельство также обращают свое внимание процессуалисты.

Мы исходим из того, что своевременное завершение предварительного следствия создает необходимую предпосылку для назначения виновным справедливого наказания.

Закономерности, проявляющиеся на этапе *прекращения* уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника, находят отражение:

– в связи с прекращением уголовного преследования;

– в связи с исполнением приговора.

Даже неполный перечень закономерностей характеризует его широкий спектр, многогранность связей и зависимостей.

Суммируя изложенное, следует подчеркнуть, что уголовно-процессуальные правоотношения в целом, в том числе такая их разновидность, как уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника, существуют и развиваются по сугубо своим закономерностям. Учет при организации предварительного следствия познанных закономерностей уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника позволяет избежать ошибок.

Одним из условий повышения эффективности предварительного следствия является установление деловых взаимоотношений между следователем и защитником, поскольку, как отмечается, «на сегодняшний день следователи склонны видеть в защитнике не столько лицо, реализующее законные интересы доверителя и способствующее правосудию, сколько процессуального противника, с которым необходимо соперничать» [3, с. 76–77].

Не вдаваясь в глубину затронутого нами вопроса, остановимся на раскрытии его содержания лишь в общих чертах. Так, по мнению А. А. Сморгочкова, нормальные взаимоотношения следователя и защитника могут быть достигнуты при соблюдении двух условий: а) действующее законодательство должно соответствовать современным реалиям; б) наличие отработанного годами механизма, позволяющего реализовать права и обязанности участников уголовного судопроизводства [10, с. 20–21]. Разделяя эту точку зрения, мы полагаем, что такое взаимоотношение может быть установлено в том случае, если права и обязанности следователя

и защитника четко и недвусмысленно прописаны в самом уголовно-процессуальном законе. В этих же целях хорошо бы продумать, с учетом накопленного опыта судебно-следственной практики, механизм воплощения в жизнь реальных полномочий участников уголовного судопроизводства. Разумеется, задача эта не из легких, но она разрешимая. Только надо двигаться в этом направлении.

Взаимоотношения следователя и защитника наглядно проявляются при их взаимодействии, понимаемом нами как совместная, согласованная по целям, месту и времени, основанная на законе и подзаконных актах деятельность. Однако цели деятельности следователя и защитника не всегда совпадают, но вместе взятые, они способствуют достижению общей цели уголовного процесса. Столкновение же противоположных целей и интересов, как правило, приводит к конфликту между следователем и защитником, вследствие чего возникает противостояние (противоборство). В связи с изложенным заслуживает определенного внимания мнение О. И. Локтевича, который отмечает, что «в процессе расследования следователь и защитник не находятся в иерархической взаимозависимости, а существуют как независимые субъекты, и их интересы, убеждения и стремления могут как совпадать, так и не совпадать, но обязательно пересекаются. Осуществляя свою деятельность на основе сложившейся следственной ситуации, каждый из них определяет свою наиболее целесообразную линию поведения (тактику своих действий), которая позволяет каждому достичь поставленной цели (для следователя – раскрытие и расследование преступления, а для защитника – обеспечение интересов своего доверителя)» [7, с. 379].

Назовем несколько причин, приводящих к конфликту [10]: защитник в ходе допроса вместо обвиняемого (подозреваемого) сам отвечает на вопросы следователя; он рекомендует допрашиваемому отказаться отвечать на те или иные вопросы; неоднократно в течение допроса ходатайствует о предоставлении ему свидания с подзащитным наедине. Как-то пресечь со стороны защитника подобного рода действия следователь пока что в соответствии со ст. 189 и 190 УПК РФ не может. Законодатель почему-то в свое время должным образом не принял во внимание возможные подобного рода случаи, когда действия защитника явно противоречат закону. Как нам представляется, законодатель при формулировании норм уголовно-процессуального закона не мог учесть то, что в соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката, принятым Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г., адвокатское сообщество обязуется соблюдать корпоративную дисциплину и профессиональную этику, заботясь о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры. Помимо юридической, адвокат-защитник несет и нравственную ответственность перед обществом [5, с. 35–41].

Существуют и другие конфликтные ситуации между следователем и защитником, например при предъявлении обвинения, когда обвиняемому необходимо разъяснить суть обвинения (ч. 5 ст. 172 УПК РФ) [10].

Судебно-следственная практика выработала множество способов разрешения конфликта. Укажем отдельные из них:

- поиск компромисса между следователем и защитником (например, следователь идет на уступки обвиняемым (подозреваемым) *);
- обжалование действий и решений сотрудника правоохранительных органов прокурору, в суде (ст. 123–125 УПК РФ);
- рассмотрение жалобы руководителем следственного органа (ст. 124 УПК РФ).

* В юридической литературе, как правило, выделяют три группы типичных уступок обвиняемым (подозреваемым), а именно: 1) уступки, имеющие уголовно-правовые последствия: исключение из обвинения отдельных эпизодов преступной деятельности; переквалификация содеянного на более мягкую статью (пункт, часть) УК РФ; 2) уступки процессуального характера: изменение меры пресечения (заключение под стражу на подписку о невыезде); исключение из списка свидетелей (подлежащих вызову в суд) отдельных граждан; 3) уступки непроцессуального характера: предоставление сверх лимита свидания (в кабинете следователя, в помещении ОВД, прокуратуры и т. д.); предоставление возможности обвиняемому по пути в следственный изолятор заехать домой повидать семью, переодеться, принять душ [см.: 1].

А. А. Брестер, А. С. Белецкая констатируют, что уголовно-процессуальный закон нацеливает на взаимоотношения по модели взаимодействия, предполагающей выстраивание институциональных механизмов таким образом, чтобы максимально преодолеть односторонность субъекта доказывания [3, с. 82].

Сравнительный анализ двух моделей – противоборства и взаимодействия – позволил выделить преимущества (достоинства) последней, суть которой заключается в следующем:

- в отсутствии противоположных целей как у следователя, так и у защитника;
- в создании необходимых условий для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела посредством слаженных, согласованных действий между следователем и защитником, разумного обеспечения публичного их предназначения;
- в недопущении в состязательном и публичном процессах односторонности;
- в наличии уголовно-процессуальных механизмов, способных «уравновесить» односторонность субъектов взаимодействия, что может исключить, например, обвинительный уклон в деятельности того же следователя;
- в активном осуществлении познавательной деятельности, сохраняя при этом равенство прав и возможностей субъектов и участников уголовно-процессуальной деятельности.

Что же касается модели противоборства, то специалисты справедливо отмечают, что не существует сегодня механизма реализации модели противоборства следователя и защитника. Между тем среди ученых-процессуалистов активно обсуждается эта модель. Есть предложения претворить ее в жизнь путем возрождения института следственных судей. Сторонники этой концепции исходят из наличия сторон и говорят о необходимости обеспечить им равенство возможностей*.

Из истории известно, что российскому уголовному процессу не чужда идея о противостоянии следователя и защитника, но высказывалась она в трудах дореволюционных ученых исключительно в контексте невозможности обеспечить и санкционировать обязанность следователя осуществлять расследование по уголовному делу, устанавливая обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого [4, с. 10–13]. Как видим, проблема противостояния следователя и защитника возникла не сегодня – она существовала давным-давно. В настоящее время теоретики уголовно-процессуального права с новой силой поднимают ее в своих научных работах. Новая постановка этого вопроса продиктована прежде всего изменениями и дополнениями, внесенными за последние годы в уголовно-процессуальный закон, а также судебно-следственной практикой.

Отметим, что современные процессуалисты держат в центре своего внимания проблему противостояния. Так, например, С. А. Шейфер подмечает обязанность современного следователя «устанавливать факты, не совместимые с обвинением, опровергающие его», но вместе с тем «следователь не может не испытывать чувства раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, обвинителем, а с другой – лицом, обязанным опровергать себя как обвинителя, собирая и исследуя оправдывающие обвиняемого доказательства» [12, с. 111–119].

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что следователь в пределах своей компетенции, осуществляя предварительное следствие по уголовному делу (ст. 38 УПК РФ), обязан строго соблюдать все требования, указанные в ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию», в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

С моделью противоборства мы связываем такой негативный и нежелательный для расследования преступления фактор, как противодействие со стороны защитника. Такую точку зрения отстаивают многие исследователи. По мнению А. А. Павловой, адвокат-защитник, формально соблюдая нормы уголовного и уголовно-процессуального законов, на деле всячески противодействует расследованию преступления. Следователи сталкиваются с этим по большинству уголовных дел [9, с. 173–174]. Речь идет о воспрепятствовании установлению

* URL: <https://alex-brester.livejournal.com/tag/следственный%20судья> (дата обращения: 05.08.2020).

объективной истины по уголовному делу. Как известно, преодоление противодействия расследованию преступления отнимает у следователя много времени, которого у него и так не хватает.

Противодействие может быть оказано в различных формах. В юридической литературе различают три формы: *правовую, противоправную и пограничную*. Отсюда следует, что противодействие, по большому счету, бывает законное и противоречащее закону. Вместе с тем нельзя согласиться с устоявшимся мнением о том, что цель адвокатов-защитников – «развалить уголовное дело» любой ценой. Как известно, адвокат-защитник реализует свои права через принцип состязательности. Подавляющее большинство стремится поступать только в пределах дозволенного, не злоупотребляя своим правом. Однако пока что приходится говорить и о способах противодействия расследованию преступлений. Обозначим их:

- использование в этих целях родственников и друзей лица, проводящего расследование уголовного дела;
- подключение подзащитным и его родственниками коррумпированных представителей правоохранительных органов;
- отвлечение следователя необоснованными и трудоемкими для выполнения ходатайствами;
- умышленное создание конфликтных ситуаций;
- отказ свидетелей от своих прежних показаний.

Разумеется, судебной-следственной практике известны и иные приемы противодействия.

Говоря о способах противодействия, обратим внимание на точку зрения П. В. Мальшкина, утверждающего, что «противодействие расследованию преступлений может оказываться и в рамках действующего закона. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 15 УПК РФ провозглашается принцип состязательности сторон, согласно которому стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Данный принцип, по существу, является нормативной основой противодействия расследованию преступлений, которое, правда, ограничено вполне определенными рамками закона. Профессионализм адвоката-защитника часто определяется именно его способностью максимально использовать в интересах своего подзащитного принцип состязательности, который позволяет противодействовать расследованию преступлений на законных основаниях. Ведь сама суть принципа состязательности предполагает то, что сторона обвинения действует, а сторона защиты ей противодействует. Следовательно, противодействие расследованию преступлений можно также рассматривать как элемент реализации принципа состязательности» [8, с. 14].

Отчасти мы согласимся с этим мнением. Однако в условиях правового государства, к чему сейчас стремится Российская Федерация, недопустимы факты такого противодействия, тем более, когда оно совершается в противоправной форме.

Подводя итог, считаем важным отметить следующее.

Во-первых, уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника – составная часть уголовно-процессуальных правоотношений.

Во-вторых, под уголовно-процессуальными правоотношениями следователя и защитника нами понимаются отношения, возникающие между следователем и защитником в процессе предварительного следствия и выступающие средством реализации норм уголовно-процессуального права.

В-третьих, уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника характеризуются совокупностью признаков, отражающих их особенности по сравнению с иными разновидностями уголовно-процессуальных правоотношений и тенденций их развития.

В-четвертых, уголовно-процессуальные правоотношения следователя и защитника обладают определенными закономерностями, то есть присущими им повторяющимися существенными особенностями, отражающими их связи с иными разновидностями уголовно-процессуальных правоотношений.

В-пятых, повышение эффективности предварительного следствия зависит от многих обстоятельств, в том числе от своевременного преодоления противодействия со стороны защитника.

Литература

1. Аликперов Х. Д., Зейналов М. А. Компромисс в борьбе с преступностью: пособие для прокуроров. М.: Ин-т повыш. квалиф. рук. кадров Ген. прокуратуры РФ, 1999.
2. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1975.
3. Брестер А. А., Белецкая Л. С. Модели взаимоотношений следователя и защитника на стадии предварительного расследования // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 67. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015.
4. Даневский В. П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895.
5. Калинин В. Н. Этические основы взаимоотношений адвоката и следователя в уголовном судопроизводстве // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 1 (2).
6. Лобанов А. П. Правоотношения адвоката-защитника со следователем и лицом, производящим дознание. Тверь: Юрид. лит., 1993.
7. Локтевич О. И. Виды взаимоотношений между следователем и защитником в процессе расследования преступлений // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов VI междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могилевского ин-та МВД. Могилев: Могилевский ин-т МВД Республики Беларусь, 2018.
8. Малышкин П. В. Понятие и сущность противодействия расследованию преступлений со стороны адвоката-защитника // Мир науки и образования. 2015. № 4 (4).
9. Павлов А. А. Формы противодействия расследованию преступлений со стороны защитника // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: сб. ст. в 3-х ч. Ч. 2. Вопросы современной криминалистики. М.: Академия управления МВД России, 2004.
10. Сморгачев А. А. Конфликтные ситуации между следователем и защитником на досудебных стадиях производства по уголовному делу: причины, пути разрешения // Наука и образование сегодня. 2017. № 9 (20).
11. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2011.
12. Шейфер С. А. Следственная власть: история и современность // Уголовная юстиция: связь времен: избр. мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–8 октября 2012 г.). М.: Акцион-Медиа, 2012.

УДК 343.133

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Светлана Михайловна Кузнецова, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: s.m.kuznecova@mail.ru

В статье анализируются предлагаемые проектом Федерального закона № 434998–7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» нововведения, предусматривающие производство допроса свидетеля (потерпевшего) посредством видеоконференцсвязи в ходе предварительного расследования. Вносятся предложения, направленные на совершенствование указанного законопроекта. Предлагается алгоритм действий следователя при производстве допроса посредством видеоконференцсвязи.

Ключевые слова: допрос свидетеля; очная ставка; досудебное производство; видеоконференцсвязь.

USE OF VIDEOCONFERENCING SYSTEMS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS AS A MEASURE TO COUNTER THE SPREAD OF CORONAVIRUS INFECTION

Svetlana Mikhaylovna Kuznetsova, head of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article analyzes the innovations proposed by the draft Federal Law N434998–7 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation», providing for the interrogation of a witness (victim) through videoconferencing during a preliminary investigation. Proposals are being made to improve the bill. The algorithm of the investigator's actions during interrogation by videoconferencing is proposed.

Keywords: witness interrogation; confrontation; pre-trial proceedings; videoconferencing.

В ходе досудебного производства часто складывается ситуация, когда место расследования уголовного дела и местонахождение свидетелей (потерпевших) не совпадают, указанные участники могут находиться за несколько тысяч километров, а иногда и за пределами Российской Федерации.

В силу принципа публичности обязанность осуществления доказывания по уголовному делу лежит на следователе, при этом он должен полно и всесторонне изучить все обстоятельства совершенного преступления. Сделать это без допросов свидетелей (потерпевших) практически невозможно.

Дача показаний – это личная обязанность участника уголовного судопроизводства, переадресовывать ее кому-либо он не имеет права. Даже если свидетель не желает давать показания против самого себя или близких родственников (ст. 51 Конституции РФ), он обязан явиться по вызову и сообщить об этом лицу, производящему расследование.

Однако, несмотря на прямое указание закона о том, что свидетель не вправе уклоняться от явки для дачи показаний, проведенное интервьюирование следователей позволяет констатировать, что на практике такая ситуация, к сожалению, является довольно распространенной. Среди прочих наиболее характерными причинами неявки были названы: занятость; отсут-

ствие материальных средств на проезд, если лицо, вызываемое на допрос находится в другом городе либо регионе; нежелание, вызванное отвлечением от работы и привычных занятий; состояние здоровья или преклонный возраст, в силу которых свидетель не может преодолевать дальние расстояния; опасение за свою безопасность; сомнения в целесообразности участия в досудебном производстве [2].

К вышеперечисленным традиционным причинам неявки, в связи со сложившейся с марта 2020 г. в Российской Федерации ситуацией пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19), прибавилось правомерное желание свидетелей и потерпевших защитить себя от риска заражения и не являться по вызову органов предварительного расследования для участия в следственных и процессуальных действиях в регионы со сложной эпидемиологической ситуацией.

В соответствии с пп. «в» п. 2 Указа Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» нормативными актами субъектов РФ в регионах был установлен особый порядок передвижения граждан и транспортных средств, включая авиа- и железнодорожный транспорт. На всей территории государства губернаторами и главами городов введены режимы жесткой самоизоляции субъектов РФ. В частности, предусмотрены карантинные двухнедельные изоляционные меры для граждан, прибывающих из регионов с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, однако связанные с этим расходы участников уголовного судопроизводства в перечень процессуальных издержек не входят, следовательно, и возмещению не подлежат. В ряде субъектов РФ приняты дополнительные меры административной ответственности за нарушение установленных ограничений.

Сложившаяся ситуация самым неблагоприятным образом отразилась на сроках и качестве расследования уголовных дел.

Приостановить осуществление предварительного расследования допустимо лишь в случае невозможности участия в деле подозреваемого (обвиняемого) по основаниям, предусмотренным ст. 208 УПК РФ.

В настоящее время большинство уголовных дел в период действия карантинных мер, связанных с противодействием распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), приостанавливается по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ по основанию, когда местонахождение подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность их участия в уголовном деле отсутствует.

Однако уголовно-процессуальный закон не регламентирует ситуацию, когда свидетели и потерпевшие, в силу сложившихся обстоятельств, не могут в полной мере реализовать принадлежащие им процессуальные права и исполнять возлагаемые на них обязанности, включая явку для участия в следственных действиях и предварительном расследовании. Также отсутствуют и указания о применении в уголовном судопроизводстве аналогии закона или аналогии права.

Как в этой непростой обстановке найти баланс между качеством и сроками производства предварительного расследования и правом на сохранение жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства?

Уголовно-процессуальный закон позволяет поручить производство допроса участников, которые находятся вне места расследования уголовного дела, другому следователю или органу дознания (ч. 1 ст. 152 УПК РФ), однако, как показывает анализ изученных уголовных дел, поручения следователя не всегда выполняются качественно. Проведенный допрос часто оказывается неполным, что влечет за собой направление повторного запроса с перечнем уточняющих вопросов, а это требует дополнительного времени и влечет затягивание срока расследования.

Следователь, который принял уголовное дело к производству, знает содержание всех его материалов и доказательств, может ориентироваться в нем лучше, чем кто-либо другой. К тому же, в ходе допроса могут быть получены совершенно новые сведения, содержание которых заранее предугадать и, соответственно, отразить в отдельном поручении невозможно. Только следователь, обладающий полной информацией по уголовному делу, лично производя допрос, может сориентироваться в возникшей следственной ситуации.

Нестандартность ситуации и меры, направленные на предотвращение коронавирусной инфекции, позволили по-новому взглянуть на необходимость внедрения информационных технологий в досудебное производство и вновь обратиться к проекту Федерального закона № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Согласно проектному закону, в УПК РФ предлагается ввести ст. 189.1, предусматривающую в ходе предварительного расследования осуществлять допрос свидетеля с использованием систем видеоконференц-связи.

Возможность производства допроса свидетелей посредством видеоконференцсвязи в ходе судебного разбирательства была закреплена Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 39 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». При изменении территориальной подсудности уголовного дела обвиняемый по решению суда также имеет право участвовать в судебном заседании при помощи видеоконференцсвязи (ч. 6 ст. 35 УПК РФ).

Помимо непосредственного присутствия осужденного, содержащегося под стражей, в судебном заседании при рассмотрении апелляционной или кассационной жалобы или представления предусмотрено его участие и посредством видеоконференцсвязи (ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ). Данная процедура может использоваться судом и в целях обеспечения безопасности участников судебного разбирательства (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ).

В соответствии с ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом в судебном заседании вправе участвовать потерпевший, его законный представитель и (или) представитель либо непосредственно, либо по видеоконференцсвязи.

Опыт применения видеоконференцсвязи в судебных стадиях уголовного судопроизводства свидетельствует о его высокой эффективности, что позволяет рассматривать возможность его использования и в ходе досудебного производства.

Прежде всего следует подчеркнуть, что при проведении допроса посредством видеоконференцсвязи, следует соблюдать принцип сбалансированности публичных интересов, выражающихся в экономии материальных и временных затрат на проведение указанного следственного действия и в соблюдении процессуальных прав допрашиваемых. Следователь должен выполнять все требования закона по допросу лиц, обладающих дополнительными правами и гарантиями, в частности, особые правила, которые касаются допроса несовершеннолетних; лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства; лиц, обладающих свидетельскими привилегиями в соответствии со ст. 51 Конституции РФ.

При обсуждении названного законопроекта Государственной Думой в первом чтении П. Крашенинников совершенно справедливо обратил внимание на то, что предлагаемая норма о допросе посредством видеоконференцсвязи касается только свидетеля, ограничивая тем самым других участников уголовного судопроизводства, и в связи с этим предложил проработать вопрос о расширении круга лиц, в отношении которых может применяться указанная процедура.

Данное замечание является, на наш взгляд, обоснованным. Представляется верным включить в перечень участников, допрос которых возможен посредством производства видеоконференцсвязи, также потерпевших, экспертов, специалистов.

* URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7> (дата обращения: 18.06.2020).

В законе также следует закрепить и полномочия следователя по месту нахождения допрашиваемого, ведь его роль не ограничивается только техническим обеспечением проведения следственного действия. Требуется целый комплекс организационно-правовых действий и мероприятий. Прежде всего, необходимо согласовать время допроса со следователем, который будет его проводить. Далее в установленном законом порядке вызвать на допрос свидетеля (потерпевшего, эксперта), принять меры по привлечению специалиста, оказывающего техническую помощь по проведению видеоконференцсвязи. По прибытии допрашиваемого удостовериться в его личности.

Допрашиваемому свидетелю (потерпевшему) должно быть обеспечено право на получение квалифицированной юридической помощи (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), предусматривающее возможность являться на допрос с адвокатом. Следователю по месту нахождения допрашиваемого необходимо убедиться в наличии документов, удостоверяющих право адвоката на участие в уголовном судопроизводстве.

В случае участия в допросе переводчика и специалиста, следователь по месту нахождения допрашиваемого обязан удостовериться в их компетентности.

Перед началом допроса следователю по месту нахождения допрашиваемого нужно предупредить лицо о том, что допрос проводится посредством видеоконференцсвязи.

При составлении протокола допроса должны учитываться общие требования, предусмотренные ст. 166, 167, 190 УПК РФ. Однако в силу специфики производства данного следственного действия, необходимо закрепить в законе и связанные с этим особенности. В частности, дополнить ст. 190 УПК РФ указанием на то, что протокол допроса составляется следователем по месту нахождения допрашиваемого. В протоколе указывается, что следственное действие проводилось посредством видеоконференцсвязи, в нем отражаются сведения о технических средствах, при помощи которых допрос осуществлялся. После этого протокол передается для ознакомления допрошенному лицу, специалисту, который осуществлял техническое сопровождение видеоконференцсвязи, адвокату и переводчику, если они принимали участие в производстве следственного действия. Затем содержание протокола зачитывается вслух следователем по месту нахождения допрашиваемого. При наличии замечаний к протоколу следственного действия со стороны участвующих лиц, они записываются в протокол, включая замечания, сделанные следователем, производящим допрос.

Далее протокол следственного действия на бумажном носителе вместе с приложениями к нему (схемы, чертежи, рисунки, диаграммы и т. д.), если они были сделаны в ходе допроса, а также ордер адвоката, если он участвовал в следственном действии, вместе с сопроводительным письмом, в котором указываются наименование передаваемых документов и количество листов, передаются (пересылаются) следователю, в чьем производстве находится уголовное дело. При получении перечисленных документов следователь, производивший допрос, удостоверяет протокол допроса своей подписью и приобщает их к материалам уголовного дела.

С. П. Щерба и Е. А. Архипова указывают на необходимость включить в число следственных действий, проводимых посредством видеоконференцсвязи, также очную ставку, освидетельствование (с согласия освидетельствуемого), следственный эксперимент, проверку показаний в различных местах, удаленных от следственного органа [3].

В контексте рассматриваемой темы вызывает интерес мнение, высказанное Р. Р. Байбиковым, который предлагает закрепить в УПК РФ использование возможностей видеоконференцсвязи при допросе свидетелей и потерпевших, находящихся за пределами Российской Федерации, в рамках международного сотрудничества [1]. Так, закрытие межгосударственных границ, связанное с предотвращением распространения коронавирусной инфекции, делает невозможным вызов свидетелей (потерпевших), находящихся за пределами РФ, для участия в следственных действиях на территории Российской Федерации. Поэтому предложение уважаемого автора является более чем актуальным.

Представляется, что активное использование во время пандемии информационно-коммуникационных технологий во всех сферах общественной жизни: перевод сотрудников на удаленную работу и, как следствие, массовое внедрение дистанционных рабочих мест, применение возможностей телемедицины по диагностике и оказанию консультаций больным, дистанционное обучение – может касаться и области досудебного производства.

Предложение о проведении посредством конференц-связи допроса, а также ряда других следственных действий с участием свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов, которые в силу уважительных причин не могут явиться по вызову должностных лиц для производства следственных действий, вне всякого сомнения, будет способствовать не только эффективному расследованию уголовного дела, но и являться действенным способом профилактики распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Эпидемия – это лишь импульс к дальнейшей информатизации предварительного расследования, требуется нормативное закрепление многих технологических новаций, их внедрение в уголовно-процессуальную деятельность неизбежно.

Литература

1. Байбиков Р.Р. Допрос в сфере международного сотрудничества при оказании взаимной правовой помощи // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3.
2. Кузнецова С.М. Об использовании видеоконференцсвязи при проведении допроса в ходе предварительного расследования // Практика и проблемы реализации российского уголовно-процессуального законодательства: сб. мат-лов межрегион. науч.-практ. конф.: в 2-х т. (Хабаровск, 26 марта 2020 г.). Хабаровск, 2020. Т. 2.
3. Щерба С. П., Архипова Е. А. Правовые основы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4.

УДК 343.1

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРИЗНАКОВ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Альберт Анварович Хайдаров, профессор кафедры Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: skywriter_al@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы целеполагания в судебном следствии. Автор приходит к выводу о взаимообусловленности цели и целеполагания. Без цели не может быть целеполагания, а без целеполагания – нет цели. Важным элементом целеполагания является активность деятельности участника. Реализация целеполагания в судебном следствии предусматривает соблюдение общих условий судебного разбирательства. В формировании целеполагания важная роль принадлежит назначению уголовного судопроизводства. Исходя из текста ст. 6 УПК РФ, направленность целеполагания предусмотрена для каждого из участников судебного следствия.

Для формирования целеполагания участников судебного следствия большое значение имеет наличие у них сведений об имеющихся доказательствах по уголовному делу. Автором выделяются условия эффективности целеполагания для достижения поставленной участниками судебного следствия цели. Целеполагание является сложным процессом и не может проходить одновременно. В статье выделяются этапы целеполагания участников судебного следствия

Ключевые слова: цель; целеполагание; судебное следствие; внутреннее убеждение; объективная истина.

THE CONCEPT AND SYSTEM OF GOAL SETTING FEATURES AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THEIR IMPLEMENTATION IN THE PROCESS OF JUDICIAL INVESTIGATION

Albert Anvarovich Khaydarov, professor of the Department of Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article deals with the issues of goal-setting in the judicial investigation. The author comes to the conclusion that the goal and goal-setting are mutually dependent. Without a goal, there can be no goal – setting, and without goal-setting, there is no goal. An important element of goal setting is the activity of the participant. The implementation of goal-setting in the judicial investigation provides for compliance with the general conditions of the trial. In the formation of goal-setting, an important role belongs to the purpose of criminal proceedings. Based on the text of art. 6 of the Code of criminal procedure of the Russian Federation the goal setting direction is provided for each of the participants in the judicial investigation.

To form the goal-setting of participants in the judicial investigation, it is of great importance that they have information about the available evidence in a criminal case. The author highlights the conditions for the effectiveness of goal setting to achieve the goal set by the participants of the judicial investigation. Goal setting is a complex process and cannot take place simultaneously. The article highlights the stages of goal setting of participants in the judicial investigation

Keywords: goal; goal-setting; judicial investigation; internal conviction; objective truth.

Любая человеческая деятельность, в том числе и производство судебного следствия, характеризуется сложной системой целеполагания. Целеполагание обладает сложной структурой и выполняет в процессе осуществления субъектами деятельности множество различных функций, связанных с опредмечиванием и мотивированностью действий участников судебного следствия по уголовному делу.

Поскольку в философском смысле целеполагание есть прежде всего готовность к деятельности, когда у человека имеются представления о личных и общественных целях, то для определения природы целеполагания необходимо использовать такое понятие, как «цель деятельности».

Без цели не может быть целеполагания, а без целеполагания – нет цели. Эта связь взаимобусловлена характером деятельности человека, его социальной активностью, включая производство по уголовному делу. В процессе рассмотрения дела в суде каждый из участников выполняет свои полномочия согласно законодательным установлениям и цели, которая опосредована процессуальными интересами и рамками целеполагательных установок.

Более глубокое исследование указанных вопросов возможно, только исходя из различных теоретических философских трактовок понимания процесса судебного следствия как части судебного разбирательства. В связи с этим целесообразно рассмотреть названные категории через принцип иерархии систем, представляя судебное следствие как часть большой системы уголовного судопроизводства и вместе с тем как самостоятельную систему судебного разбирательства, отвечающую всем требованиям, включая собственное целеполагание.

Можно выделить ряд основных моментов, которые необходимо учитывать при определении целеполагания в процессе производства судебного следствия.

В первую очередь целеполагание тесно связано с такой дефиницией, как потребность субъекта выполнять свою функцию в уголовном судопроизводстве. В данном случае речь идет о потребностях, которые реализуются в судебном следствии его участниками в зависимости от интересов. Например, подсудимый имеет свои потребности, которые выражаются в уходе от ответственности за содеянное либо смягчении возможного наказания. Такие потребности носят неосознанный, инстинктивный характер и присущи человеку на уровне самосохранения.

Осознанные потребности являются вторым важным моментом целеполагания, которые определяют мотивацию деятельности участников судебного следствия и в конечном итоге образуют окончательные цели для каждого из них. Здесь цель выступает как сознательное и рациональное явление, обеспечивающее ее субъективный характер, отражающий различные функциональные обязанности участников судебного следствия.

Когда цель определена, она позволяет участнику представить внутренний образ процесса ее осуществления. Этот процесс характеризуется планированием предстоящей деятельности участника судебного следствия. Здесь на первый план выходит стратегическое целеполагание, которое базируется на систематизации, последовательности и рациональности человеческого мышления.

Само планирование может основываться как на процессуальном порядке судебного следствия, так и на отдельных его составляющих. Но в то же время планирование представляет собой последовательный процесс прогнозирования, исследования сложившейся судебной ситуации и принятия альтернативных решений.

Способность человека к прогнозированию развития события основано, как полагают ученые, на таком психическом феномене, как антипация. Антипацией считается врожденная способность опережающего восприятия, предвидения изменения значимой ситуации и возможность подготовиться к ней.

Другим основным моментом целеполагания является активность деятельности участника по ее достижению. В силу вступает закон градиента цели, который заключается в том, что

чем ближе запланированный результат, тем больше сила мотивации участника обеспечивает активность его деятельности. Деятельность носит сознательный и целенаправленный характер.

Теория деятельности была сформулирована немецким философом И. Г. Фихте (1762–1814). В России основы данной теории разрабатывались С. А. Рубинштейном, и она была связана с такими понятиями, как отражение и познание. Он писал, что, «формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности и проявляется. Деятельность и сознание – не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое, не тождество, но единство» [7, с. 131].

Активность деятельности участников судебного следствия способствует реализации поставленных целей каждого из них и обеспечивает достижение одной из целей самого судебного следствия – установление обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела. Вместе с тем реализация в процессе судебного следствия одномоментно всех целеполагающих участников не способствует формированию ключевой цели, поскольку они по своей сути могут быть различны. Например, сторона обвинения и защиты имеют свои целеполагания, и они не могут накладываться друг на друга.

А. Н. Конев данную мысль выражает через задачи уголовного судопроизводства и пишет: «Каждая из сторон, а также суд имеют свои функции и, соответственно, задачи, которые они должны достичь. Эти задачи и должны быть отражены в соответствующей норме уголовно-процессуального закона» [4, с. 162].

Поэтому, говоря о целях судебного следствия по рассмотрению уголовного дела, законодатель должен учесть данное обстоятельство и обеспечить выражение целевых интересов каждого участника.

Теоретически целеполагание обладает свойствами конкретности и исчислимости. Конкретность судебного следствия заключается в том, что в соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство по уголовному делу проводится только в отношении обвиняемого и только по предъявленному ему обвинению, а также обвинению, сформулированному в жалобе потерпевшего по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20, ст. 318 УПК РФ). Такое положение закона имеет и политическую составляющую, поскольку при этом реализуется назначение уголовного процесса – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Как правильно указывает Е. А. Бравилова, устанавливается «равновесие между соблюдением интересов потерпевшего и подсудимого с тем, чтобы при изменении обвинения в суде подсудимый не был лишен возможности защищаться предоставленными ему законом средствами и способами, и в то же время гарантия права на защиту не превратилась в формальный запрет на любое изменение обвинения в суде» [2, с. 9].

Исчислимость судебного следствия связана с рядом его характеристик. Во-первых, это формирование в процессе судебного следствия внутреннего убеждения его участников и прежде всего суда о доказанности обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела. Внутреннее убеждение суда, в этой части судебного разбирательства, является закономерным этапом в цепочке, ведущей к итоговому процессуальному решению – приговору суда. На каждом этапе судебного разбирательства должна реализоваться своя система целеполагания, которая в конечном итоге обеспечит правильное разрешение уголовного дела.

Во-вторых, свойство исчислимости целеполагания в процессе судебного следствия базируется на определенном круге участников, установленном уголовно-процессуальным законом (гл. 35 УПК РФ). Их участие подчинено строгому порядку процедуры рассмотрения уголовного дела в судебном следствии. Процессуальные интересы и целеполагания каждого участника реализуются последовательно, и нарушение в исчислении этого порядка приводит в дальнейшем к принятию неправосудного решения.

В-третьих, реализация процесса целеполагания должна происходить в разумные сроки. Закон не устанавливает конкретного срока судебного следствия, однако, исходя из ст. 6.1 УПК РФ, затягивание судебного процесса, в том числе и судебного следствия, запрещается. Целеполагание участников процесса при нарушении разумного срока приводит к затруднению его реализации, что негативно влияет на защиту прав и законных интересов заинтересованных лиц.

Для формирования целеполагания участников судебного следствия большое значение имеет наличие у них сведений об имеющихся доказательствах по уголовному делу и других предметах и документов, которые могут быть представлены суду в процессе судебного следствия.

Реализация целеполагания в судебном следствии предусматривает, в любом случае, соблюдение общих условий судебного разбирательства, предусмотренных гл. 35 УПК РФ. Данные условия оказывают влияние на целеполагание в двух моментах: 1) в формировании цели участия в конкретном судебном разбирательстве; 2) при реализации целеполагания в процессе судебного разбирательства.

Это выражается в том, что общие условия судебного разбирательства структурируют цели деятельности каждого из участников, позволяют сконцентрировать внимание на основных задачах, определить их стратегию и тактику. Кроме того, общие условия формируют правоотношения участников, складывающиеся при рассмотрении уголовного дела в суде.

Реализация целеполагания в процессе судебного разбирательства, включая судебное следствие, не может не учитывать общих условий, поскольку они в первую очередь определяют ее пределы и обеспечение соблюдения принципов уголовного судопроизводства. Например, принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) тесно связан с таким общим условием судебного разбирательства, как равенство прав сторон. Это означает, что при производстве судебного следствия стороны обвинения и защиты имеют равные возможности в осуществлении своих процессуальных функций. Целеполагание участников процесса реализуется на основе общего распорядка судебного следствия, предоставляющего равные возможности в реализации целеполагания сторон.

В формировании целеполагания важная роль принадлежит назначению уголовного судопроизводства. Исходя из текста ст. 6 УПК РФ, направленность целеполагания предусмотрена для каждого из участников судебного следствия. Одна из составляющих направленности целеполагания на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, присуща таким участникам, как потерпевший, государственный обвинитель, частный обвинитель, гражданский истец, представитель потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя.

В целеполагание защитника обязательной составляющей должна входить защита личности от незаконного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Направленность целеполагания суда включает назначение виновному справедливого наказания, освобождение от наказания невиновного, реабилитацию каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Назначение уголовного судопроизводства вкупе с другими принципами уголовного процесса оказывает большое влияние на определение роли каждого участника (а через нее и в целеполагании) в процессуальном порядке судебного следствия.

Эффективность целеполагания для достижения поставленной участниками судебного следствия цели зависит от следующих условий.

1. Определяя цель участия в судебном следствии, необходимо стремиться, чтобы результат и деятельность по его достижению не противоречили друг другу и находились во взаимозависимости.

2. Целеполагание должно предусматривать, что для реализации промежуточной цели должны соблюдаться временные рамки процесса судебного следствия.

3. Целеполагание должно учитывать цели, поставленные другими участниками.

4. Целеполагание должно предусматривать условия, при которых цель может быть достигнута.

5. Целеполагание как процедура постановки целей должно быть основано на функциональной деятельности участника. Кроме того, оно должно отвечать требованиям морально-этических норм и принципов, а также ценностям, принятым в обществе.

Целеполагание является сложным процессом и не может проходить одномоментно. Можно выделить несколько этапов целеполагания участников судебного следствия: 1) определение цели; 2) анализ возможности достижения цели; 3) уточнение и конкретное формулирование цели.

Реализация целеполагания участников судебного следствия предполагает выработку определенной методологии, которая обеспечит ее процессуальность и правильность постановки целей каждого из участников. Это достаточно сложная задача для ученого-исследователя, поскольку она тесно связана с уголовно-процессуальной политикой законодателя и может претерпевать существенные изменения в зависимости от социально-экономического состояния общества и его направленности в развитии, включая институты права. Поэтому уместно говорить именно о методологических подходах, которые остаются более статичными и являются базовыми в обеспечении научности, законности и справедливости правового явления, в данном случае – судебного следствия.

Представитель русской философии права И. В. Михайловский писал, что ученые должны искать объективные начала, «которые могли бы служить прочной основой и для науки права, и для руководства законодателю» [6, с. 34]. В настоящее время его слова являются особо актуальными, поскольку расширяются философско-правовые исследования, происходит отказ от устаревших представлений, в том числе и в обеспечении философского начала судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве. С учетом этого необходимо выстраивать методологические подходы к получению знаний судом в процессе судебного следствия.

На первый план выступает учение о познании – гносеология, которая рассматривает знание во всех его структурных компонентах, уровнях и типах. Условием познавательного процесса всегда является тесное взаимодействие субъекта и объекта познания. В идеале один субъект познания передает свое знание об объекте как фрагменте объективной действительности другому субъекту различными вербальными или невербальными способами.

В процессе судебного следствия основным субъектом познания является суд. Другие субъекты должны донести до него необходимые знания об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и других обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. В связи с этим можно выделить ряд уровней познания: суд – подсудимый; суд – свидетели; суд – государственный обвинитель; суд – защитник подсудимого и т. д.

Объем знаний в структуре такого познания будет зависеть не только от указанных обстоятельств, но и процессуальной формы судебного разбирательства. Для суда меняются объем и объект познания, например, при производстве судебного следствия в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Исследование таких особенностей познания возможно только с применением специальных методов познания. Философская наука выделяет несколько таких методов.

Гносеология учит, что процесс познания – это взаимосвязанный комплекс чувственного и рационального, когда чувственные восприятия субъекта проходят через рациональное, логическое упорядочение и получается внешний образ объекта, знания о нем. Единство чувственного и рационального в теории познания является обязательным актом любого познания, поскольку на всех его уровнях присутствуют чувства и мышление.

В роли чувственного в судебном следствии выступает общее условие судебного разбирательства – непосредственное исследование доказательств. Рациональным является судебное решение, в котором судом сделаны выводы о чувственном. В то же время к чувственному от-

носится и познание на теоретическом уровне. Ознакомление судьи с материалами уголовного дела тоже суть чувственное познание, которое влечет необходимое рациональное решение.

Методология познавательной деятельности, обосновывая важность рационального познания, рассматривает в качестве его форм суждение, понятие, проблемы, умозаключения, гипотезы и теории. Это продукты интеллектуальной деятельности человека, отражающие общие закономерности развития знания.

В развитии знания о судебном следствии также можно выделить определенные закономерности, которые помогут сформулировать понятия, высказать суждения, сделать умозаключения и с помощью гипотез усовершенствовать и внести новое в теорию судебного следствия. К закономерностям развития рассматриваемых знаний можно отнести:

- мировоззренческую детерминацию современного судебного следствия, определение его ценности в социально-правовой жизни общества;
- зависимость судебного следствия от исторических предпосылок развития;
- дискурс по имеющимся знаниям о судебном следствии при необходимой степени критичности;
- характеристику судебного следствия как правового явления с учетом конкретизации его основных элементов;
- применение разработанных правовыми науками лингвистических и семиотических средств при изложении и обосновании знаний о судебном следствии.

Знания теоретического уровня о судебном следствии как этапе судебного разбирательства по существу являются абстрактными, лишенными определенных конкретных фактических обстоятельств. В то же время именно они помогают уяснить особенности функционирования явлений, проследить возможное их развитие при определенных условиях.

Теоретические знания позволяют, например, исследовать понятие судебного следствия как некой совокупности признаков, благодаря которым судебное следствие выделяется в виде предмета исследования.

А. Б. Барихин определяет судебное следствие как основную часть «судебного разбирательства, в которой суд с участием обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей непосредственно исследует доказательства, собранные в стадии предварительного следствия и представленные суду участниками судебного разбирательства или собранные самим судом» [1, с. 614]. Другие авторы считают, что «судебное следствие – это этап судебного разбирательства, в ходе которого стороны последовательно излагают свою позицию по существу уголовного дела и доказывают ее путем представления доказательств и их проверки при участии суда» [8]. А. С. Кобликов представляет судебное следствие частью судебного разбирательства, «в которой суд с помощью участников судебного разбирательства исследует доказательства, необходимые для установления истины по делу в целях осуществления правосудия» [3].

Соблюдая методологию исследования, необходимо из указанных определений вычлениить признаки, которые характерны именно для судебного следствия как этапа судебного разбирательства.

Признаки судебного следствия:

1. Судебное следствие считается частью (этапом) судебного разбирательства.
2. Участниками судебного следствия являются участники судебного разбирательства: суд, обвинитель (государственный либо частный), подсудимый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители.
3. В процессе судебного следствия происходит представление доказательств сторонами защиты и обвинения.
4. Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению в совокупности, руководствуясь законом и совестью.

Если судебное следствие считается частью (этапом) судебного разбирательства, то ему присущи все основные положения, касающиеся судебного разбирательства в целом. К таким основным положениям можно отнести принципы уголовного процесса, имеющие наибольшую актуальность в данной стадии, и общие условия судебного разбирательства. К особенностям, отличающим судебное следствие от других частей судебного разбирательства, относятся особый процессуальный порядок и цели, которые ставит перед собой законодатель.

Одним из главных критериев получения знаний является историзм. В данном контексте речь идет прежде всего о его эпистемологическом значении [10, с. 21], которое учитывает научность знания, в отличие от его бытового значения. В любом случае, историзм связан с развитием знания как такового.

Если представить знания судьи по существу уголовного дела в начале судебного следствия и к его окончанию, то налицо воплощение принципа кумулятивизма – развитие знания в результате его количественного роста, нарастание новых выводов к уже имеющимся. В данном случае методологическая деятельность судьи с точки зрения историзма представляется некоторыми исследователями как определенная последовательность действий. Например, А. М. Коршунов и В. В. Мантатов [5, с. 56] считают, что судья может:

- описать и обобщить факты;
- установить математические и логические связи, применить дедукцию и индукцию законов;
- построить необходимые модели;
- объяснить и предсказать имеющие значение явления.

В практике работы судьи на этом этапе сложно соблюдать развитие объективного и системного знания по уголовному делу. Но опытный судья пытается для каждого ставшего ему известным в судебном следствии знания определить его место в соответствии с предметом доказывания. При этом он использует необходимые логические связи между обстоятельствами, установленными по делу, и они будут носить характер мыслительных выводов с учетом внутреннего убеждения суда о виновности подсудимого.

В процессе доказывания на этапе судебного следствия большое значение приобретает индуктивная логика. Здесь мы в основном согласны с авторами, считающими, что накопление большего количества доказательств увеличивает надежность вывода о доказанности (недоказанности) обвинения [9]. Тем не менее, методологической проблемой такого вывода, на наш взгляд, является определение истинности, положенное в основу индуктивного умозаключения знания об обстоятельствах дела. Количество доказательств будет увеличиваться, а на качество знания это может не повлиять. Поэтому не менее важным нужно считать дедуктивное умозаключение. Дедукция дает гарантию, что полученные в результате логического познания знания будут истинны и достоверны.

Теоретические основы философских учений о дедукции исходят из следующего: применение дедуктивного метода всегда предусматривает наличие определенной гипотезы, которая априори считается верной. Познающий проверяет ее с помощью наблюдений. Так выводится умозаключение, которое строится по законам логического мышления: от общего к частному.

Интерпретируя дедуктивный метод познания относительно познания в судебном следствии, можно сделать вывод, что роль гипотезы выполняют энтимемы обвинения и защиты. Суд в процессе доказывания приходит к необходимым выводам об истинности той либо иной гипотезы.

Таким образом, исторический и логический методы являются тесно взаимосвязанными между собой и оказывают существенное влияние на установление обстоятельств уголовного дела в судебном следствии, а значит, на целеполагание участников уголовного процесса. Другие методы познания также применимы в судебном следствии. Каждый из них имеет

свои особенности, опосредованные условиями получения знаний на данном этапе судебного разбирательства.

Литература

1. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2004.
2. Бравилова Е. А. Пределы судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
3. Кобликов А. С. Уголовный процесс: учебник. М.: НОРМА–ИНФА, 1999.
4. Конев А. Н. Идеологические основы целеполагания в современном отечественном уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34).
5. Коршунов А. М., Мантатов В. В. Диалектика социального познания. М.: Политиздат, 1988.
6. Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск: В. М. Посохин, 1914. Т. 1.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
8. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2005.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973.
10. Quine W. V. O. Epistemology Naturalised. The Psychology of Knowing. Н.-Х.-Р., 1972.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.36

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ: К ВОПРОСАМ О ПРАВОВЫХ ДЕФИНИЦИЯХ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры, доктор юридических наук, доцент;
Наталья Васильевна Подгорная, старший преподаватель
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: dfvnii@mail.ru

Актуальность выбранной темы выражается в том, что правосудие как основная из форм решения социальных конфликтов и сложнейшая область общественных отношений нередко является объектом преступных посягательств, а следовательно, нуждается в надежной правовой защите. Юридическое же содержание понятия «правосудие» толкуется весьма неоднозначно. Кроме того, в науке уголовного права ведется активная дискуссия по поводу определения наиболее корректных вариантов классификаций преступлений против правосудия, а следовательно, и их систематизации в законодательстве. Не менее актуальны вопросы толкования уголовно-правовых дефиниций, образующих смысловое содержание рассматриваемых правовых положений. Эти и многие другие вопросы, связанные с характеристикой и доктринальным толкованием преступлений против правосудия, нашли отражение в данной авторской работе.

Ключевые слова: глава 31 УК РФ; квалификация; классификация; правосудие; состав преступления; систематизация; судебная власть.

CRIME AGAINST JUSTICE: QUESTIONS ABOUT DEFINITIONS AND LEGAL SYSTEMATIZATION

Ilya Viktorovich Nikitenko, professor of the Department, Doctor of Law, Associate Professor;
Natalia Vasilevna Podgornaya, senior lecturer
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The relevance of the chosen topic is expressed in the fact that justice, as the main form of solving social conflicts and the most complex area of social relations, is often the object of criminal encroachments, and therefore needs reliable legal protection. The legal content of the concept – «justice» is interpreted very ambiguously. In addition, in the science of criminal law, there is an active discussion about the determination of the most correct options for classifying crimes against justice, and, consequently, their systematization in domestic legislation. No less relevant are the issues of interpretation of criminal-legal definitions that form the semantic content of the legal provisions under consideration. These and many other issues related to the characterization and doctrinal interpretation of crimes against justice are reflected in this author's work.

Keywords: chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation; qualification; classification; justice; corpus delicti; systematization; judicial power.

При рассмотрении правосудия как основной формы решения социальных конфликтов, становится очевидным, что эта сложнейшая область общественных отношений нередко и сама является объектом преступных посягательств, а следовательно, нуждается в надежной правовой защите.

Один из наиболее распространенных методов охраны этого важнейшего института государственной власти опирается на принудительно-властный потенциал уголовной ответственности. Известно, что формально-законодательные основания уголовной ответственности за подобные посягательства содержатся в положениях гл. 31 УК РФ, которые в совокупности и взаимодействии с иными нормами образуют уголовно-правовой механизм обеспечения надлежащего отправления правосудия. Однако юридическое содержание этого понятия весьма неоднозначно, так как подразумевает не только определенный законом порядок деятельности судов, но и многие другие формы правоприменительной деятельности, которые в своей совокупности обеспечивают реализацию судебной власти.

Из положений Основного закона РФ следует, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Основу же судебной власти составляет совокупность судебных органов различной компетенции, действующих независимо от органов представительной и исполнительной власти, что соответствует законоположению ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [1].

Таким образом, в соответствии с Конституцией РФ и указанным конституционным законом правосудие – это исключительная компетенция судов по привлечению к соответствующим видам юридической ответственности (административной, уголовной) и, напротив, к освобождению от ответственности и наказания в случаях, когда принять подобные решения могут лишь органы судебной власти. Кроме того, правосудие в конкретном (собственном) значении этого понятия включает вынесение решений по гражданско-правовым и трудовым спорам в формате искового, а в некоторых случаях и неискового производства. Сообразно смыслу нормативных правовых актов, определяющих статус и компетенцию органов судебной власти России, к функциям по осуществлению правосудия в конкретно-правовом значении этого понятия следует отнести деятельность судов вышестоящих инстанций по оценке законности и обоснованности решений судов нижестоящих инстанций.

Из всех вышеперечисленных функций органов правосудия, собственно, и определяющих суть этого правового явления, следует, что правосудие как особая область правоприменительной деятельности охватывает только лишь наиболее значимые сферы правовых отношений, регуляция которых (в случаях возникновения юридических споров, конфликтов и противоречий) невозможна без непосредственного участия органов судебной власти – федеральных судов и судов субъектов РФ.

К федеральным судам следует отнести Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, а также верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды общей юрисдикции, арбитражные суды (округов, апелляционные, субъектов РФ и специализированные суды). К судам субъектов РФ относятся конституционные (уставные) суды субъектов РФ и мировые суды.

Остается вопрос, который и сегодня вызывает активную полемику среди правоведов, можно ли считать Конституционный Суд Российской Федерации и конституционные (уставные) суды ее субъектов судами общей системы правосудия?

Обосновано мнение, что определенный отечественным законодательством статус, компетенция и деятельность Конституционного Суда РФ, а также конституционных (уставных) судов в субъектах РФ вполне соответствуют критериям правосудия и наряду с иными составляют групповой объект уголовно-правовой охраны, соответствующий положениям гл. 31 УК РФ [5, с. 176–178]. Суть же подобного взгляда заключается в том, что Конституционный Суд РФ воспринимается как «равный среди равных» [6].

Существует также мнение, что «Конституционный Суд не должен быть высшим судебным органом, поскольку других органов *конституционного правосудия* (курсив наш – авт.) просто не существует на федеральном уровне» [8, с. 71–74].

Таким образом, проблема статуса Конституционного Суда России оказалась тесно связанной с установлением взаимоотношений с правосудием в целом, что во многом определяет его место в системе.

Ответ на поставленный вопрос следует из смысла Закона «О судебной системе Российской Федерации», где в ч. 1 ст. 4 говорится об отправлении правосудия в Российской Федерации только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и согласно этому федеральному конституционному закону, ч. 3 этой же статьи содержит перечень судов, который открывают Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

Через анализ указанных законодательных предписаний можно прийти к выводу, что конституционные суды, в соответствии с определенными законом компетенциями и полномочиями, осуществляют правосудие, а следовательно, в числе прочих субъектов правосудия охватываются юрисдикцией положений гл. 31 УК РФ.

Таким образом, правосудие с позиции видового (группового) объекта уголовно-правовой охраны представляет собой одно из направлений деятельности государства, состоящее в рассмотрении и разрешении судами дел в порядке конституционного, административного, уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства. Вместе с тем следует учитывать и то, что подобная правовая дефиниция только в самом общем виде характеризует суть одной из масштабных сфер деятельности государства, заключающейся в реализации его правовой функции. Но если отправление правосудия рассматривать как целенаправленный процесс правоприменительной деятельности, который сводится лишь к принятию судебных актов во всем многообразии их форм (приговоры, судебные решения по гражданским делам, определения и постановления, судебные приказы), то другие его этапы, которые создают необходимые условия для принятия подобных решений, не учитываются.

Однако для преодоления подобных противоречий в отечественной теории права феномен правосудия рассматривают в узком (собственном), а также широком (распространительном) значениях. Подобный подход, хотя и не безупречно, но соответствует логике построения гл. 31 УК РФ, положения которой можно условно разделить на две основные группы. К первой из них следует отнести уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за нарушение установленного законом порядка деятельности судов по реализации функций органов судебной власти (например, ч. 1 ст. 294, ст. 295, 296 УК РФ). Вторую же группу составляют положения о преступлениях, посягающих на законный порядок деятельности субъектов, обеспечивающих принятие и реализацию судебных актов (например, ст. 300–304 УК РФ) [3].

Вместе с тем следует учитывать, что подобная классификация преступлений против правосудия представляется наиболее обобщенной, так как фактически не связана с общепринятым подходом к делению составов преступлений на группы и подгруппы, сообразно тем правоохраняемым отношениям, которые, собственно, и образуют групповые или видовые и даже непосредственные объекты преступных посягательств. Представляется, что именно такой взгляд на систему правосудия позволяет устранить основные противоречия, возникающие при толковании данной дефиниции в контексте имеющихся в нашем распоряжении нормативных правовых актов, содержащих юридическое описание рассматриваемого

явления. Тем более что и содержание гл. 31 УК РФ, как было отмечено, вполне соответствует представленной классификации.

Одна из особенностей уголовно-правовых норм рассматриваемой главы заключается в их сложной структуре, отличной от составов преступлений других глав разд. 10 УК РФ (Преступления против государственной власти). Так, например, две на первый взгляд во многом идентичные нормы – ст. 311 и 320 УК РФ, предусматривающие ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, но в отношении разных правоохраняемых объектов, имеют существенные различия не только по ряду квалифицирующих признаков, но и более сложной структуры первой.

Рассматриваемые нормы представляют собой уголовно-правовые запреты на разглашение сведений о мерах, принимаемых субъектами безопасности в отношении установленного круга объектов, а именно лиц, статус которых либо их деятельность связаны с определенными рисками или опасностями. Но если в положении ст. 320 УК РФ, призванной охранять интересы государственного управления, круг лиц, наделенных полномочиями, реализация которых обуславливает целесообразность принятия охранных мер, весьма ограничен, а именно должностные лица правоохранительных или контролирующих органов, то в ст. 311 УК РФ объекты безопасности представлены весьма широко – это лица, которые выполняют самые разнообразные функции при осуществлении правосудия, некоторые из них реализуют подобные функции на профессиональной основе (профессиональные судьи), а также из общественного долга (например, присяжные заседатели). При этом следует учитывать, что данные объекты безопасности являются участниками отправления правосудия в собственном (ограниченном) значении этого понятия, то есть непосредственно реализующими основные функции правосудия, состоящие в подготовке и принятии судебных актов, которые в данном составе преступления могут сводиться к уголовно-процессуальной форме в виде приговора, определения, постановления суда первой инстанции, а также решения суда апелляционной и кассационной инстанций. Кроме того, рассматриваемая диспозиция содержит перечень иных лиц, участвующих в отправлении правосудия, круг которых весьма обширен и которых часто называют иными участниками уголовного процесса. Эту категорию лиц можно условно рассматривать как участников отправления правосудия в широком (распространительном) значении. Аналогичную структуру имеют и другие нормы, предусматривающие ответственность за преступления против правосудия, а именно ст. 294–296, 298.1 УК РФ. Подобные примеры иллюстрируют одну из особенностей структурирования многих составов преступлений рассматриваемой главы, что во многом свидетельствует об их универсальной юрисдикции с точки зрения возможностей охватить самый широкий круг участников уголовного судопроизводства.

Рассмотрев наиболее общие системные характеристики положений гл. 31 УК РФ, следует перейти к анализу универсальных юридических признаков, позволяющих сформулировать и обосновать обобщающую дефиницию преступлений против правосудия, что представляет наиболее сложную методологическую задачу.

Следуя традиционному в теории уголовного права подходу к юридическому анализу отдельных составов преступлений или же их совокупностей, которые принято группировать по родовым либо более частным, видовым признакам, преступления против правосудия условно классифицируют на несколько относительно самостоятельных групп. В основе подобной классификации лежит объединение составов преступлений по общности непосредственных объектов преступных посягательств. Однако вопреки очевидности ответа на этого вопрос, именно он представляется дискуссионным. Кроме того, известно и то, что от правильности установления объекта преступления зависит не только выяснение максимально точного местоположения соответствующих правовых норм в уголовном законодательстве, но и решение прикладных задач, связанных с квалификацией преступлений.

В учебной и научной литературе представлены разные точки зрения, отражающие теоретические подходы к систематизации и классификации преступлений против правосудия.

Существует мнение, что на основе группового объекта в рассматриваемую главу следовало бы включить только те нормы, которые нацелены на охрану деятельности, непосредственно связанной с отправлением правосудия [4, с. 107–108].

Так, с опорой на различия в непосредственных объектах уголовно-правовой охраны свои варианты классификаций рассматриваемых преступлений предлагают И. С. Власов, И. В. Дворянсков, И. М. Тяжкова, А. И. Чучаев и другие исследователи. Высказываются и иные мнения о целесообразности классификаций преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ, исходя из особенностей их субъектов в связи с реализацией стоящих перед правосудием задач и функций. Некоторые исследователи предлагают варианты классификаций на основании различий и общностей признаков объективной стороны рассматриваемых преступлений.

Разнообразие теоретических подходов к классификациям, а следовательно, и возможных вариантов систематизации преступлений против правосудия в отечественном уголовном законодательстве актуализирует комплекс взаимосвязанных проблем, некоторые из которых имеют не только сугубо теоретическое значение, но часто отражаются на прикладных аспектах практического применения положений гл. 31 УК РФ. Подобные проблемы могут возникать как при решении наиболее общих задач, связанных с квалификацией преступлений (выдвижение и обоснование предположений о наличии или отсутствии признаков рассматриваемых составов преступлений), так и при ответе на вопросы, связанные с преодолением правовых конкуренций, установлением наличия признаков единичных сложных или множественных преступлений и т. п. Обобщая указанные проблемы, Л. В. Лобанова приходит к выводу, что законодательная логика в расположении составов преступлений внутри гл. 31 УК РФ не всегда понятна, а соотношение отдельных составов преступлений трудно уяснить [см.: 11].

Вероятно, что причины сложившейся ситуации не могут сводиться лишь к недостаткам законодательной техники. Возможно, что в основе этих причин лежат особенности отечественного уголовного законодательства, характерные для так называемой континентальной правовой системы, которая всегда стремится к унификации своего законодательства. Стремление же придать уголовно-правовым нормам универсальную форму приводит к усложнению их юридической структуры. Особенно это проявляется в нормах Особенной части, которые интегрируют и без того сложный комплекс объективных и субъективных признаков, способствующих установлению наличия либо отсутствия юридических составов тех или иных преступлений в исследуемых деяниях. Однако известно и то, что далеко не все составы преступлений формально наделены сложной структурой, и можно лишь предполагать, чем именно вызвана подобная неоднородность. Вместе с тем, одной из особенностей положений гл. 31 УК РФ является их усложненность сочетанием в одних и тех же составах преступлений разнообразных квалифицирующих признаков, отдельные из которых порождают правовую конкуренцию при квалификации исследуемых преступлений*. Так, фактически все из рассматриваемых преступлений являются многообъектными, способными причинять вред наряду с основными правоохраняемыми объектами, составляющими разные аспекты деятельности судебной власти в связи с реализацией ее функций, иным объектам правовой охраны. Эти дополнительные объекты могут рассматриваться как условия нормального функционирования государственной власти, например: безопасность государства и основы конституционного строя, интересы государственной службы, порядок государственного управления и т. д. В отдельных случаях среди дополнительных объектов могут выступать жизнь и здоровье личности, а также ее честь и достоинство.

* Изучение правоприменительной практики позволяет прийти к выводу о наиболее частых совпадениях признаков преступлений против правосудия с иными преступлениями против государственной власти, что может быть истолковано как конкуренция общих и специальных норм, а также конкуренция норм, относящихся к специальным.

На вопрос же «Чем в первую очередь следует руководствоваться для преодоления правовой конкуренции в правоприменительной практике?» эксперты отдавали приоритет выяснению непосредственного объекта в квалифицируемых деяниях, второе и третье места распределились относительно выбора между конкурирующими признаками объективной стороны и правильным установлением субъектов квалифицируемых деяний*. Очевидно, что по характеру преступных деяний некоторые из преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ, похожи на преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Так, налицо признаки злоупотребления должностными полномочиями, равно как и превышения должностных полномочий, в составах ст. 299–303, 305 УК РФ и иных преступлениях против правосудия, которые условно можно отнести к должностным. В связи с этим актуализируются вопросы разграничения рассматриваемых и иных конкурирующих с ними составов преступлений по субъектам. Известно, что большинством составов преступлений гл. 31 УК РФ предусмотрены специальные субъекты, наделенные различными признаками в связи и по поводу обеспечения правосудия вообще и функционирования судебной власти в частности. Среди рассматриваемых преступлений особенно выделяются деяния, субъектами которых выступают не только лица, выполняющие различные функции в связи и по поводу осуществления правосудия, но представители власти как разновидности должностного лица.

Вопреки проблемам разграничения ввиду схожести объектов рассматриваемых преступлений с иными преступлениями против государственной власти, преступления против правосудия соответствуют относительно обособленной группе уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану единого группового объекта, а именно интересов правосудия. Эти положения законодательно наделены собственным функциональным назначением в обеспечении правовых гарантий соблюдения законности на всех стадиях судебного процесса.

Непосредственные же объекты уголовно-правовой охраны обусловлены сущностью и кругом общественных отношений, которые органично связаны и в целом образуют систему условий, необходимых для нормального судопроизводства и реализации судебных актов. Вероятно, что надлежащая реализация судебных актов является заключительным этапом осуществления правосудия, а следовательно, составляет сферу его интересов.

Уголовное право обеспечивает различные аспекты деятельности судов. Так, под уголовно-правовую охрану взяты конституционные принципы отправления правосудия, в частности такие из них, как самостоятельность судов, независимость и неприкосновенность судей и др. Целью ряда норм выступают гарантии получения достоверных доказательств. Некоторые нормы предназначены для защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, поскольку эффективность судопроизводства во многом зависит от надлежащего выполнения субъектами процесса их процессуальных функций [12].

Аналитический обзор наиболее общих характеристик преступлений против правосудия позволяет рассмотреть основные теоретические подходы к их классификации и систематизации.

Одна из парадигм систематизации преступлений против правосудия сформулирована В. Н. Кудрявцевым, в соответствии с которой структура этих преступлений должна соответствовать двум основным группам, различающимся между собой по субъекту и направленности действий:

1. Преступления, совершаемые самими сотрудниками правоохранительных органов (ст. 299–302, 305, 310, 311 УК РФ).

* В экспертном опросе принимали участие специалисты правоохранительных органов, квалифицирующие преступления в соответствии с профессиональными обязанностями (дознаватели и следователи МВД России), а также ведущие преподаватели уголовного и уголовно-процессуального права ряда юридических вузов. Участвовало в интервьюировании 42 респондента, обобщенное мнение 37 из опрошенных представлено в тексте статьи.

2. Преступления, направленные против этих представителей государства, а также против нормального ведения судопроизводства (ст. 294–298, 303, 304, 306–309, 311 УК РФ). К последним можно отнести еще несколько преступлений, нарушающих исполнение принятых судебных решений [5, с. 176–178].

Рассуждая о практическом применении результатов классификации и учитывая неоднородность субъектов в преступлениях против правосудия, представляется целесообразным разграничить составы преступления, в которых законодательно предусмотрен специальный либо общий субъект. Преступлений со специальным субъектом значительно больше. К преступлениям с общим субъектом следует отнести ч. 1 и 2 ст. 294, а также ст. 295–298, 304, 309, 315 УК РФ. Подобный подход нашел отражение в классификации, предложенной А. Б. Сахаровым. Так, по мнению ученого, рассматриваемые преступления следует разделить на три группы: 1) преступления, совершаемые работниками правоохранительных органов; 2) преступления, совершаемые гражданами; 3) преступления, совершаемые осужденными и отбывающими наказание лицами [7, с. 42–54].

Однако следует учитывать, что составы со специальным субъектом могут иметь дополнительную, более конкретную классификацию, основанную на особенностях юридического и профессионального статуса (например, ст. 299, 302, 303, 305 УК РФ), а также признаках родства (см. примечание к ст. 316 УК РФ).

Детализация частных признаков специального субъекта нашла отражение в следующем варианте классификации:

- преступления, совершаемые должностными лицами и работниками правоохранительных органов, органов правосудия (ст. 299–303, 305, 311 УК РФ);
- преступления, совершаемые частными и должностными лицами, привлекаемыми к отправлению правосудия или связанными с отправлением правосудия (ст. 294–298, 304, 306, 308, 310, 312, 313, 316 УК РФ);
- преступления, совершаемые лицами, в отношении которых правосудие осуществилось, либо лицами, обязанными исполнять судебный акт (ст. 313, 315 УК РФ) [10].

Попытки сгруппировать преступления против правосудия на основе выделения особых качеств, которыми наделены их субъекты, нашли отражение в следующем варианте классификации:

- преступления, субъекты которых наделены служебными или должностными полномочиями (ч. 3 ст. 294, ст. 299–302, ч. 2 и 3 ст. 303, ст. 305, 311, ч. 1 ст. 312, ст. 315 УК РФ);
- преступления, субъекты которых относятся к должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование или правосудие (ст. 299–302, ч. 2 и 3 ст. 303, ст. 305 УК РФ);
- преступления, на субъект которого возложены обязанности исполнить приговор или иной судебный акт (ст. 315 УК РФ);
- преступления, на субъект которого возложены обязанности сохранять в тайне сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ);
- преступления, субъекты которых обладают процессуальными правами и обязанностями, не связанными или не обязательно связанными с осуществлением должностных полномочий (ч. 1 ст. 303, ст. 307–308, 310, 312–314 УК РФ), включая обязанность содействовать правосудию или осуществлению предварительного расследования (ст. 307–308 УК РФ); обладание полномочиями лица, участвующего в гражданском деле, или его представителя (ч. 1 ст. 303 УК РФ); обязанность сохранять в тайне данные предварительного расследования (ст. 310 УК РФ); обязанность обеспечивать сохранность описанного или подвергнутого аресту имущества (ч. 1 ст. 312 УК РФ); обязанность подвергнуться мерам наказания или процессуального принуждения (ст. 313–314 УК РФ). Особое место в этой группе занимает укрывательство, которое также может считаться преступлением со специальным субъектом.

Однако в данном случае признаки специального субъекта характеризуют не столько дополнительный комплекс обязанностей и прав, сколько связь между укрывающим лицом и лицом, совершившим преступление. Причем обозначены эти признаки с помощью отрицательных понятий – отсутствие родственных или супружеских отношений [9, с. 398–402].

Необходимо отметить, что разные варианты классификаций преступлений гл. 31 УК РФ на основании особенностей субъектов имеют свои достоинства, равно как и недостатки. Это обуславливает целесообразность комплексного подхода, по возможности учитывающего все многообразие системных признаков, подчеркивающих особенности каждой разновидности в рассматриваемой группе преступлений. В связи с этим предлагается разделить преступления против правосудия: на преступления общего характера; преступления, посягающие на деятельность суда; преступления, посягающие на деятельность органов предварительного расследования и прокуратуры; преступления, препятствующие реализации судебного акта [12].

В рамках комплексного подхода к классификации преступлений против правосудия представляет интерес вариант, в котором конкретизируется объект преступного посягательства:

1) преступления, посягающие на независимость судебной власти и процессуальную самостоятельность лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, на защиту их благ и законных интересов в связи с занятием этой деятельностью, а также на авторитет судебной власти и органов предварительного расследования, доверие к ним граждан;

2) преступления против нормальной деятельности лиц, содействующих правосудию и предварительному расследованию, защиту их благ и законных интересов в связи с занятием этой деятельностью;

3) преступления, посягающие на законную деятельность должностных лиц, исполняющих судебный акт, защиту их благ и законных интересов в связи с занятием этой деятельностью;

4) преступления, препятствующие исполнению лицами, не являющимися представителями правосудия, своего гражданского, служебного или общественного долга в сфере борьбы с преступностью и защите их благ и законных интересов в связи с исполнением своего долга;

5) преступления, нарушающие деятельность органов правосудия по своевременному пресечению и раскрытию преступлений;

6) преступления, препятствующие защите правосудия, прав и свобод человека от злоупотреблений или иных незаконных действий должностных лиц судебных органов и органов предварительного расследования при отправлении правосудия или предварительного расследования;

7) преступления против реализации результатов законной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц посредством исполнения обязанностей, вытекающих из судебных актов;

8) преступления, нарушающие условия принятия справедливого решения о возбуждении уголовного дела и защиту невиновных от уголовного преследования;

9) преступления против безопасности участников процессуальной и постпроцессуальной деятельности [2, с. 31–32].

На фоне всего многообразия подходов к осознанию наиболее оптимальных и в то же время отвечающих запросам теории и практики критериев классификации исследуемых преступлений не менее интересны и актуальны методики их группирования на основе результатов традиционного уголовно-правового анализа, позволяющего выявить сходства и различия в признаках объективной и субъективной сторон классифицируемых преступлений. Известно, что подобные методики широко применяются в учебном процессе юридического вуза как эффективная дидактическая форма освоения положений Особенной части уголовного права.

Ранее было отмечено, что большинство уголовно-правовых норм о преступлениях против правосудия имеют весьма сложную структуру. Это в первую очередь проявляется в законодательном способе описания объективной стороны подобных деяний и позволяет

определить сходства между их юридическими составами относительно общности признаков объективной стороны.

Известно, что большинство преступлений гл. 31 УК РФ может быть совершено действием. Однако объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 297, 300, 301, 314 и 314.1, 315, 316 УК РФ, образуют деяния как в форме действий, так и бездействия, что необходимо учитывать при толковании уголовно-правовых норм и квалификации соответствующих им преступлений. При этом предполагается, что объективную сторону многих из рассматриваемых преступлений образуют альтернативные действия, среди которых могут быть: угрозы или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия (ст. 296 УК РФ); незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ); принуждение к даче показаний через угрозы, шантаж или иные незаконные действия (ст. 302 УК РФ); растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества, подвергнутого описи или аресту (ст. 312 УК РФ); действия, направленные на уклонение от административного надзора или несоблюдение установленных судом ограничений (ст. 314.1 УК РФ).

При квалификации рассматриваемых преступлений необходимо учитывать и то, что некоторые из перечисленных альтернативных действий характерны для иных преступлений, причиняющих вред другим правоохраняемым объектам, составы которых расположены за пределами гл. 31 УК РФ. Как было отмечено, подобные обстоятельства при определенных условиях могут породить правовые конкуренции и даже коллизии, когда одни и те же деяния соответствуют признакам нескольких составов преступлений. В качестве примера можно привести конкуренцию общей и специальной норм, предусмотренных ст. 286 и 302 УК РФ, а также конкуренцию общей для подобного случая нормы, предусмотренной ст. 285 УК РФ, и двух специальных по отношению к ней составов преступлений, предусмотренных ст. 299 и 301 УК РФ. Кроме того, в некоторых источниках имеют место примеры конкуренции общей и специальной норм, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 105 и 295 УК РФ. Вместе с тем существует мнение о возможной конкуренции при некоторых казуальных условиях между двумя специальными нормами, а именно ст. 295 и 317 УК РФ и т. д.

Среди прочих системных характеристик преступлений против правосудия следует обратить внимание на законодательные конструкции объективной стороны их составов, абсолютное большинство которых являются формальными. Исключение составляют составы преступлений, заключенные в ч. 3 ст. 299, 301, 303 УК РФ, а также ч. 2 ст. 305 и 311 УК РФ. И лишь преступления, предусмотренные ст. 295 УК РФ, а также ч. 2 ст. 299 УК РФ, можно условно отнести к формально-материальным составам.

Характеризуя вредоносные последствия в материальных составах, наиболее часто законодатель применяет оценочную категорию – «тяжкие». И лишь в ч. 2 и 3 ст. 299 УК РФ в качестве возможных последствий предусмотрен «крупный ущерб», размер которого определяется в соответствии с примечанием к данной статье.

В формально-материальном составе ст. 295 УК РФ может иметь место любой вред здоровью, вплоть до причинения смерти потерпевшему или потерпевшим, если это явилось следствием посягательства на жизнь перечисленных в диспозиции нормы лиц, имеющих определенный процессуальный статус.

Обобщающий, системный анализ особенностей субъективной стороны рассматриваемой группы преступлений дает основания утверждать, что все материальные составы предполагают как прямой, так и косвенный умысел. То же можно сказать и о формально-материальном составе ст. 295 и ч. 2 ст. 299 УК РФ. Остальные преступления рассматриваемой главы могут быть совершены только с прямым умыслом. В отдельных составах в качестве квалифицирующих признаков предусмотрены специальные цели.

Литература

1. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1 ФКЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Амиров К. Ф., Сидоров Б. В., Харисов К. Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законодотворчества / под общ. ред. Б. В. Сидорова. Казань, 2003.
3. Воронин С. Э., Никитенко И. В. Диалоги об актуальных проблемах уголовного судопроизводства в России: монография. Красноярск, 2019.
4. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979.
5. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М.: Юрист, 2005.
6. Митюков М. А. К истории конституционного правосудия России. М.: АТиСО, 2002.
7. Сахаров А. Б. О классификации преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 17.
8. Собакин В., Страшун Б. В защиту Закона о Конституционном Суде // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1995. № 1 (10).
9. Стрыгина И. В. Проблемы классификации преступлений против правосудия // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12 (46).
10. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М.: Норма, 2003.
11. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2009.
12. Федоров А. В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004.

УДК 343.2

ОБОСНОВАННЫЙ РИСК: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ С ПОЗИЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Владимир Степанович Ишигеев, профессор кафедры Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия;

Нелли Львовна Романова, заведующая кафедрой Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Иркутской области;

Вадим Леонидович Лапша, аспирант Байкальского государственного университета;

Альберт Янович Бондарь, преподаватель Восточно-Сибирского института МВД России

E-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru

nellyromanova@mail.ru

ivan.2036.ivanov@yandex.ru

bond1988@mail.ru

Основываясь на положениях современного уголовного закона и практике его применения, а также опираясь на уголовно-процессуальный закон, в статье проведен анализ проблемы юридической оценки деяний в ситуациях обоснованного риска. Выявлены законодательные основы, в соответствии с которыми обоснованный риск, являясь обстоятельством как смягчающим наказание, так и в определенных случаях исключающим преступность деяния, должен учитываться в судебной практике.

Ключевые слова: обстоятельства, смягчающие наказание; обстоятельства, исключающие преступность деяния; обоснованный риск; квалификация деяния.

REASONABLE RISK: QUESTIONS LEGAL ASSESSMENT WITH THE POSITION OF THE CRIMINAL LAW

Vladimir Stepanovich Ishigeev, professor of the Department of the East Siberian Branch of Russian State University Justice, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Republic of Buryatia;

Nelli Lvovna Romanova, head of the Department of the East Siberian Branch of Russian State University Justice, *kandidat nauk*, degree in Law, honored lawyer of the Irkutsk region;

Vadim Leonidovich Lapsha, post graduate of the Baikal State University;

Albert Yanovich Bondar, lecturer of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Based on the provisions of modern criminal law in the article held analysis of the problem legal assessment acts in a situation reasonable risk. Identified legislative framework in accordance with which reasonable the risk of being a circumstance as mitigating the punishment and in certain cases, excluding crime acts should be applied in practice.

Keywords: circumstance extenuating punishment; circumstance excluding crime acts; reasonable risk; qualifications acts.

Уголовным кодексом Российской Федерации определяются противоправные и в связи с этим наказуемые деяния, а также последствия не признаваемых таковыми деяний, например, социально полезных.

После долгих научных дискуссий и обсуждений проектов уголовно-правовой регламентации такого непроступного деяния, как риск, в Уголовном кодексе РФ 1996 г. было закреплено положение об обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния (ст. 41).

Однако, как представляется, данная норма содержит спорные моменты при ее применении на практике.

Во-первых, сегодня нет правового механизма определения наказания во всех случаях обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ).

Во-вторых, в уголовном законе нет регламентации назначения наказания для всех указанных в ст. 61 УК РФ обстоятельств, смягчающих наказание, за исключением обстоятельств, указанных в п. «и» и «к» ч. 1 названной статьи.

В-третьих, в разъяснении высшей судебной инстанции по вопросу назначения наказания также не указан механизм применения иных положений ст. 61 УК РФ, кроме пунктов «и» и «к».

Относительно применения нормы об обоснованном риске следует отметить, что при фактическом его наличии в процессе квалификации деяния данное обстоятельство не учитывается, а это идет вразрез с положениями ч. 3 ст. 60 УК РФ – при назначении наказания кроме прочего учитываются и обстоятельства, смягчающие наказание.

В уголовно-процессуальном плане установление смягчающих наказание и исключающих преступность деяния обстоятельств также имеет значение для вынесения законного и справедливого решения. В частности, статья 73 УПК РФ, перечисляя обстоятельства, подлежащие доказыванию, указывает на обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1), и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (п. 6 ч. 1). При этом законодатель в ст. 60 УК РФ не двусмысленно указывает на то, что при назначении наказания соответствующие обстоятельства именно учитываются, т. е. подлежат при их наличии обязательному применению при квалификации деяния.

Позицию об обязательном применении положений уголовного закона, разъясняя положения ст. 3 УК РФ, также поддерживает А. И. Рарог, указывая следующее: «Сущность закрепленного в ст. 3 УК РФ принципа законности состоит в неуклонном соблюдении каждой уголовно-правовой нормы в точном соответствии с ее буквой и духом» [7, с. 3].

Совершенное лицом деяние должно получить соответствующую квалификацию, под которой понимают «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [5, с. 6].

Рассуждая о квалификации преступлений, Л. Д. Гаухман указывает, что «уголовно-правовая оценка содеянного складывается из двух компонентов: 1) отграничения преступного от непроступного и 2) квалификации преступного, то есть квалификации преступления» [2, с. 10].

Такое определение, данное ученым, соответствует регламентации уголовным законом общественных отношений как запрещенных под угрозой наказания, так и социально допустимых. Но, как верно указывает автор, в том и другом случае, в первую очередь, когда совершенное деяние явно не свидетельствует о преступной цели, необходимо определить его характер как умышленный (преступный), либо как социально допустимое (гл. 8 УК РФ) и соответствующее рамкам правомерности, в связи с чем исключающее преступный характер деяния, либо как имеющее своей целью общественную полезность (ст. 41 УК РФ), но вышедшее за рамки, указанные в соответствующей норме уголовного законодательства, что определяется в соответствии с его буквой и духом как обстоятельство, смягчающее наказание (ст. 61 УК РФ).

Из приведенной позиции Л. Д. Гаухмана следует вывод о наличии процессуального (процедурного) и результативного компонентов уголовно-правовой квалификации.

Квалификация осуществляется с момента обнаружения признаков нарушения уголовно-правовой нормы, что оформляется процессуально, и заканчивается соответствующим судебным решением, в котором мотивированно, согласно требованиям уголовно-процессуального закона, делается соответствующий вывод о характере деяния как преступного, непроступного или преступного, но заслуживающего смягчения при назначении наказания.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 307 УПК РФ, излагая мотивы судебного решения, в нем, в частности, следует привести указание на обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, в аспекте назначения наказания.

На необходимость мотивированной квалификации действий подсудимого в судебном решении также указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», в частности, в п. 19: «Выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом».

Согласно уголовному закону, обоснованный риск (ст. 41 УК РФ) является не только обстоятельством, исключающим преступность деяния при соблюдении условий правомерности, но и при их нарушении смягчающим обстоятельством при назначении наказания (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Исследованиями квалификации деяний, не имеющих преступной цели, в том числе и обоснованного риска, занимались многие ученые. Ими, исходя из социальной практики и законодательного регламентирования ситуаций, связанных с риском, приводились свои алгоритмы и правила квалификации риска.

Например, Е. В. Благов также оценивает риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния, при этом он обращает внимание на состав обоснованного риска. Согласно позиции ученого, его составляют несколько групп признаков: «Первую группу образуют признаки, относящиеся к необходимости риска: наличность и разрешимость. Вторую группу – признаки, относящиеся к обоснованности риска: цель достижения общественно полезного результата, невозможность обойтись без риска, осуществление достаточных мер для предотвращения вреда и отсутствие заведомой угрозы для жизни многих людей, экологической катастрофы или общественного бедствия. Третью – признаки, относящиеся к причиняемому вреду: причинение охраняемым уголовным законом интересам, предусмотренность уголовным законом и соответствие необоснованности риска» [1, с. 157–158].

Мнение Е. В. Благова о том, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, имеют свой состав, содержащий определенные признаки правомерности тех обстоятельств, при наличии которых преступность деяния исключается или смягчается наказание, с нашей точки зрения, полностью соответствует концепции уголовного закона, в котором закреплены признаки, определяющие преступное поведение и социально допустимое поведение.

Состав преступления включает в себя ряд признаков объективного и субъективного порядка, в связи с этим и состав дозволенного поведения (социально полезного), по нашему мнению, также содержит названные признаки.

При квалификации деяния, совершенного в условиях риска, имеет значение цель совершения рискованных действий, причинивших вред. В статье 41 УК РФ указывается на общую цель – «достижение общественно полезной цели», в отличие от зарубежных уголовно-правовых норм, содержащих положение о риске. Так, в ст. 13а УК Болгарии речь идет о двух целях. Это обусловлено тем, что риск имеет место в любой прикладной сфере, например, когда оказывается медицинская помощь или освобождаются заложники [3, с. 25].

Таким образом, определение цели имеет уголовно-правовое значение, в том числе еще и по той причине, что это позволяет отграничить преступное поведение от противоправного.

По поводу имеющих значение для квалификации объективных признаков деяния, связанного с риском, имеются разные мнения ученых. Так, например, некоторые ученые считают,

что «объектом правомерного деяния при обоснованном риске являются правоохраняемые интересы (ценности), которым причиняется вред в результате рискованного поведения, имеющего своей направленностью достижение общественно полезной цели вопреки предпринятым достаточным мерам для предотвращения вредных последствий» [4, с. 74].

По нашему мнению, к числу анализируемых признаков также следует отнести обстановку, в которой совершаются рискованные действия. Кроме того, при оценивании причиненного вреда следует обратить внимание на установление причинно-следственной связи.

Характеризуя субъект рискованных действий, необходимо сказать о его специфике, имеющей уголовно-правовое значение в квалификации деяния. Так, указание в ст. 41 УК РФ на обоснованный риск не позволяет говорить, например, о профессиональном субъекте риска. Из этого следует, что в определенных ситуациях таким лицом может быть как общий, так и специальный субъект.

С нашей точки зрения, субъект рискованного поведения должен быть определенно-го возраста, физически и психически здоровым (вменяемым), с жизненным опытом, а также с наличием знаний и навыков в той или иной сфере деятельности.

При уголовно-правовой квалификации рискованного деяния могут возникнуть вопросы относительно необоснованности риска, если это касается жизни многих людей (ч. 3 ст. 41 УК РФ). Что значит «многих»? По мнению А. И. Плотникова, «много» означает в несколько раз больше, чем три, не менее 10 во всяком случае» [6, с. 103].

Являясь термином дискуссионным в социальной практике, его определение имеет уголовно-правовое значение, например, в ситуациях авиакатастроф, когда по вине пилотов или наземных служб причиняется вред жизни и здоровью большого количества людей, или, например, при организации автогонок, когда пилот скоростного болида не справляется с управлением, вследствие чего происходит разрушение технического средства, обломки которого могут причинить вред не только другим участникам гонок, но и зрителям.

Особенно на себя обращают внимание ситуации, связанные с захватом заложников, где вполне возможно причинение вреда жизни многих людей. Так, в 2002 г. в Москве при освобождении заложников в театре на Дубровке пострадали 130 человек, в 2004 г. жертвами трагических событий в Беслане (Северная Осетия) стали 333 человека, в том числе 186 детей.

Исходя из этого, количественный признак, указанный в ч. 3 ст. 41 УК РФ, имеет существенное правовое и социальное значение. Дискуссий по его определению быть не должно в связи с их некорректностью.

Единственное, по поводу чего можно поспорить, – так это о названии данного количественного признака, например, по нашему мнению, его следует определить как «угрозы для здоровья и жизни людей».

Таким образом, любой поведенческий акт представляет собой наличие как самого лица, его психологического отношения к своей деятельности, так и непосредственно самих действий, которые при их оценке уголовным законом дополняются общественными отношениями, на которые воздействует лицо. В этом, по нашему мнению, и проявляется неразрывная связь всех четырех элементов, которая в уголовном законе при анализе противоправного деяния называется составом преступления, но такая связь имеет универсальный характер и может быть применена и к непроступному (социально допустимому) поведению.

Каждое из обстоятельств, исключающих преступность деяния или смягчающих наказание, представляет собой поведенческий акт, который имеет своей спецификой отсутствие у лица цели совершить уголовно наказуемое деяние.

Таким образом, исследовав вопросы, возникающие в процессе квалификации правомерного (социально допустимого) поведения, в частности, обоснованного риска, сделаем некоторые выводы.

Практическую деятельность человека составляют действия, которые оцениваются правом как соответствующие ему или несоответствующие. Действия, соответствующие правовым предписаниям, негативных последствий не вызывают, а не соответствующие таковым, напротив, именуется преступлениями, ответственность за которые устанавливается уголовным законом. Но есть и третья разновидность – действия, не соответствующие правовым положениям закона, но имеющие социально положительную направленность, в связи с этим учитываемые при назначении наказания в качестве ограничивающих объем ответственности или исключающих ее. Обоснованный риск принадлежит к третьей группе.

При исследовании особенностей квалификации непроступного (социально допустимого) поведения, например обоснованного риска, выяснилось, что судебно-следственная практика не уделяет ему должного внимания, как того требует закон. И на это есть две причины:

1) правила учета обоснованного риска как обстоятельства, смягчающего наказание, не регламентированы;

2) в определении обоснованного риска содержатся оценочные признаки.

Таким образом, неустановление правоохранительными и судебными органами при квалификации деяния такого обстоятельства, как обоснованный риск, является существенным нарушением не только норм уголовного, но и уголовно-процессуального закона – нарушается право обвиняемого на законное и справедливое в отношении его судебное решение.

На наш взгляд, нормы ст. 62 УК РФ, а также соответствующие положения, отраженные в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, нуждаются в серьезной корректировке, принимая во внимание требования уголовного закона об учете всех обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих, при назначении наказания.

Кроме того, в Общей части уголовного закона необходимо, на наш взгляд, закрепить положение, согласно которому при квалификации деяния следует выявлять его социально допустимые признаки, составляющие, например, обоснованный риск.

Как известно, чтобы установить, что деяние является преступным, необходимо выявить наличие соответствующих признаков состава преступления. По нашему мнению, логично закрепить в УК РФ положение о том, что при квалификации деяния как непроступного следует исходить из установления соответствующих признаков, предусмотренных в гл. 8 УК РФ. Полагаем, что данное указание будет способствовать установлению полноценной связи между нормами, регламентирующими порядок назначения наказания, обстоятельствами, смягчающими наказание, и обстоятельствами, исключающими преступность деяния, а также способствовать стабилизации судебно-следственной практики в части уголовно-правового регулирования деятельности, не имеющей преступных целей.

Литература

1. Благов Е. В. Общая теория применения уголовного права: монография. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2003.
2. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001.
3. Ишигеев В. С., Лапша В. А. Сравнительный анализ нормы обоснованного риска по уголовному законодательству Республики Болгарии и России // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 5.
4. Колосовский В. В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: монография. М.: Статут, 2011.
5. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 1999.
6. Плотников А. И. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие. Оренбург: ОИ МГЮА, 2001.
7. Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М.: Проспект, 2006.

УДК 343.296

О КОМПЛЕКСНОЙ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРИРОДЕ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА

Петр Николаевич Кобец, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор

E-mail: pkobets37@rambler.ru

Проблема возмещения преступного вреда на протяжении всего периода становления и развития государственности на территории нашей страны выступает в качестве индикатора совершенствования правовой политики государства. Автором проведено исследование института возмещения преступного вреда в контексте оценки его комплексной правовой природы. Выделены две формы причиненного вреда, среди которых преступный результат и преступные последствия. Дана классификация и краткая характеристика способов возмещения преступного вреда. Делается общий вывод о том, что рассматриваемый институт располагается на стыке различных правовых наук.

Ключевые слова: вред; ущерб; последствие; механизм возмещения вреда; отраслевая принадлежность; классификация вреда; преступный вред; зарубежный опыт; базовые правоотношения; правовая конструкция; уголовное судопроизводство; совершенствование законодательства.

ON THE COMPLEX INTERSECTORAL NATURE OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL DAMAGE COMPENSATION

Peter Nikolaevich Kobets, chief researcher of the NRI of the Ministry of Interior of the Russian, Doctor of Law, Professor

The problem of compensation for criminal damage, throughout the entire period of formation and development of statehood on the territory of our country, acts as an indicator of improving the legal policy of the state. The author conducted a study of the Institute of criminal damage compensation in the context of assessing its complex legal nature. There are two forms of harm caused, including criminal results and criminal consequences. The classification and brief description of methods of compensation for criminal damage are given. In conclusion, the author makes a General conclusion that the Institute in question is located at the intersection of various legal sciences.

Keywords: harm; damage; consequence; mechanism of compensation for harm; industry affiliation; classification of harm; criminal harm; foreign experience; basic legal relations; legal structure; criminal proceedings; improvement of legislation.

Развитие государственной уголовной политики, сопровождающей процессы демократизации, обусловлено стремлением адаптироваться к изменениям, происходящим в современном обществе, и является свидетельством внимания государства к одной из актуальных проблем совершенствования уголовно-правового механизма возмещения преступного вреда. В соответствии с действующим отечественным законодательством потерпевшему возместят вред, причиненный преступлением, только в случае его раскрытия, а если преступление не будет раскрыто, то потерпевшее лицо не получит имущественное удовлетворение прав, которые были нарушены в результате совершения преступного деяния. Но даже в случае раскрытия преступления, еще не факт, что жертвам удастся возместить последствия преступного вреда,

поскольку должник может оказаться неплатежеспособным, либо сумма ущерба, нанесенного от преступного деяния, в денежном выражении будет определена неправильно.

Несмотря на частое реформирование законодательных основ правового регулирования в сфере защиты прав потерпевших, в частности, принятие в условиях начала XXI столетия ряда поправок, и отсюда, изменения регламентации уголовно-правового механизма возмещения преступного вреда, тем не менее, в настоящее время остается еще немало нерешенных проблем в рассматриваемой сфере. Оставаясь одной из важнейших в отечественной правовой системе, проблема возмещения преступного вреда требует детальной разработки и принятия комплексных мер, связанных с разрешением возникшего уголовно-правового конфликта, обусловленного оптимизацией механизма возмещения вреда, нанесенного преступлением. При этом важно понимать, что, осуществляя поиск альтернативных путей решения рассматриваемой проблемы, необходимо обязательно соблюдать не только права, но и имущественные интересы всех участвующих в уголовном судопроизводстве.

В настоящее время проблема возмещения преступного вреда имеет важнейшее значение при расследовании уголовных дел о совершенных преступлениях против собственности, в сфере экономической деятельности, а также и по ряду иных составов. Проблематика результативности компенсирования ущерба, который нанесен преступными посягательствами, характеризуется высокой актуальностью, которая обуславливается постоянным ростом величины имущественного ущерба, в значительной степени превышающего объем по его возмещению. Вышеизложенное в достаточной мере служит обоснованием как научного, так и практического интереса к дальнейшему исследованию уголовно-правового механизма возмещения преступного вреда и в то же время обуславливает потребность применения новых, углубленных теоретических разработок в законотворческой и практической деятельности.

Комплексная и межотраслевая природа некоторых правовых институтов, каким, в частности, и является институт возмещения преступного вреда, требует адекватных методологических подходов, в основе которых лежат межотраслевые и междисциплинарные связи, что особенно актуально для исследования специфических правовых массивов, в том числе и института возмещения преступного вреда [13, с. 26–32].

Последствия любых проявлений преступности выражаются в причиненном вреде, даже тогда, когда фактические потерпевшие отсеиваются в связи с невозможностью их оформления в качестве потерпевших с точки зрения уголовно-процессуального законодательства [8, с. 25]. По мнению Иммануила Канта, права людей должны быть святы, неприкосновенны и не должны нарушаться. На этот счет в конце XIX в. справедливо высказался и известный российский правовед И. Я. Фойницкий, отметивший, что уничтожение преступления происходит не во время отрицания преступной воли, а после восстановления прав [17, с. 21].

Российскими специалистами не первый год активно исследуются вопросы имплементации в отечественное законодательство современного зарубежного опыта, связанного с возмещением потерпевшим преступного вреда. Однако в настоящее время в нашей стране возмещение преступного вреда не входит в обязанности виновных лиц, а между тем одной из первоочередных задач российского уголовного судопроизводства остается защита прав и законных интересов потерпевших.

Вопросы института возмещения преступного вреда не перестают выступать в качестве предмета многочисленных современных научных исследований, в том числе и в контексте оценки его комплексной природы [10, с. 260]. В разные годы изучали и внесли весомый вклад в исследование проблемы, связанной с возмещением преступного вреда, такие ученые, как С. А. Александров, П. П. Гуреев, М. А. Гурвич, В. Г. Даев, А. Г. Мазалов, Е. С. Никулин, М. С. Строгович, И. Я. Фойницкий и другие. В современной России вопросы возмещения вреда, причиненного преступным деянием, исследуются А. Г. Мазаловым, Т. В. Кленовой, Т. Ю. Погосьяном и другими учеными.

Важно также подчеркнуть, что при использовании термина «вред» уголовно-процессуальным законодательством не раскрывается его понятие. В уголовном законодательстве закреплены различные термины, такие как «вред», «ущерб», «последствие» [12, с. 12]. Неоднозначное научное понимание указанных терминов может приводить к неправильному их применению на практике. В соответствии с ч. 4 ст. 42 УПК РФ суд в процессе рассмотрения уголовного дела, а также в рамках гражданского судопроизводства определяет размеры вреда, который подлежит возместить.

Далее остановимся на краткой характеристике способов возмещения преступного вреда, которые представляют из себя следующую систему.

Во-первых, возмещение преступного вреда происходит за счет добровольного возмещения вреда обвиняемыми в совершении преступления из собственных средств [3, с. 150]. Правовая природа такого способа определена в ст. 1064 ГК РФ, а механизм реализации – в УПК РФ, в котором перечислены основания по прекращению уголовных дел вследствие возмещения преступного вреда, причиняемого преступными проявлениями, – в соответствии со ст. 25 и 28 УПК РФ, что не является гарантией освобождения от уголовной ответственности обвиняемых, поскольку происходит по усмотрению субъектов, расследующих преступления. В результате указанного обстоятельства обвиняемые не стремятся принимать меры, направленные на заглаживание вреда.

Во-вторых, возмещение причиненного преступного вреда может осуществляться посредством государственной компенсации. Это комплексное мероприятие, которое включает полное восстановление утраченных прав; получение медицинской помощи; различные денежные выплаты. Правовой основой рассматриваемого института является статья 52 Конституции РФ, в соответствии с которой государством принимаются действия по компенсации причиненного преступного вреда. Кроме того, защита прав потерпевших в уголовном судопроизводстве регламентирована Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1], раскрывающим виды госзащиты, которые применяются в отношении потерпевших.

Кроме прочего, процедура по защите потерпевших, осуществляемая на протяжении не только расследования уголовных дел, но также и в ходе судебных рассмотрений, разъясняется Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [2].

В-третьих, возмещение причиненного преступного вреда может осуществляться посредством односторонней реституции. Гражданско-правовая природа данного механизма обусловлена последствиями сделок, которые совершаются путем обмана и угроз. Сущность уголовно-процессуальной реституции большинство исследователей сводят к передаче вещей и материальных ценностей, которые были утрачены непосредственно в процессе совершенного преступления [7, с. 172].

В-четвертых, механизм возмещения преступного вреда, основанный на подаче гражданского иска, регулируется ст. 42, 43, 44, 160.1, 216, 230, 250, 268, 309 УПК РФ. Однако необходимо отметить, что это исторически дискуссионный инструмент, так как он существует в уголовном процессе за счет созданного так называемого соединительного процессуального порядка из уголовно-процессуальных, гражданско-процессуальных и гражданско-правовых норм. Такой механизм может затягивать и усложнять порядок рассмотрения уголовных дел. Он не способствует глубинному исследованию всех обстоятельств по существу дела, которые относятся к гражданско-правовой сфере, в судах уголовной юрисдикции. Но при этом, соединив в один процесс уголовное и гражданское дело, законодатель избавил пострадавших лиц поэтапно переживать разные процедуры [6, с. 27].

Сегодня, как и много лет назад, продолжают споры относительно того, к какой отрасли права следует относить институт возмещения преступного вреда. Так уж сложилось исторически, что вопросы возмещения преступного вреда с давних времен находились в центре внимания различных отраслей знаний. Указанное свидетельствует о необходимом межкомплексном системном подходе при исследовании проблематики преступного вреда.

Несмотря на то, что данный институт существует на протяжении достаточно долгого периода, его отраслевая принадлежность в юридической науке остается одной из дискуссионных проблем. Цивилистами проблемы возмещения уголовно-правового вреда относятся к вопросам гражданского права [15, с. 56]. По их мнению, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право в силу императивного метода правового регулирования имеет лишь обеспечительный функционал, который в части своих правовых норм предусматривает правовые средства, носящие стимулирующее-обеспечительный характер, и помогает восстановить социальную справедливость в сфере возмещения преступного вреда путем ряда правовых средств. Среди них – обеспечительная деятельность правоохранительных органов, регламентируемая ст. 42, 44, 160.1, 228, 230 УПК РФ; институт примирения с потерпевшим лицом, регламентированный ст. 76, 76.1 УК РФ, ст. 25, 25.1 УПК РФ. Механизмы, освобождающие от уголовной ответственности и смягчающие наказание, регламентированы ст. 61, 75, 76, 79, 80 УК РФ; механизмы по изменению видов исправительных учреждений, освобождения от отбывания наказания, возложения на осужденных дополнительных обязанностей, предусмотрены ст. 78, 175, 188, 190 УИК РФ и др. [5, с. 5].

Ряд других специалистов полагают, что это область уголовного и уголовно-исполнительного права, аргументируя свою точку зрения тем, что базовые правоотношения, вследствие которых возникают отношения в сфере возмещения преступного вреда, имеют прямое касательство к уголовному праву. Поскольку уголовно-процессуальное право служит материальному праву, то существует необходимость разрабатывать уголовно-процессуальные нормы, регулирующие возмещение вреда [16, с. 209]. Имеются также высказывания о том, что данный правовой институт имеет характеристику генерального с учетом многообразия его регламентирующих норм [18, с. 921].

Понятийно-комплексный институт права был определен С. С. Алексеевым, утверждавшим, что существует общность норм, которые представляют собой продукт удвоения структуры права [4, с. 28].

Важно отметить, что в связи с программным характером права, гуманизацией уголовной политики, интеграцией отечественного и зарубежного права, усилением правовых демократических начал, формированием системы безопасности страны, при сочетании императивных и диспозитивных основ происходит реализация комплексного правового регулирования общественных отношений, формируется комплексное оформление правовых институтов (отраслей).

Также необходимо подчеркнуть, что с 2000 по 2015 г. в нашей стране происходили процессы, связанные со стабилизацией российского законодательства. Это способствовало тому, что все отечественные правовые отрасли окончательно оформились в соответствии с их специализацией и полноценной кодификацией [9, с. 24]. В числе главных критериев по определению комплексности правового института должен выступать созданный и эффективно функционирующий правовой механизм по правовому регулированию, реализации прав, их охране и защите. Кроме того, комплексность обуславливается повышенным размером ответственности государства, регламентированной ст. 52 Конституции РФ, что создает необходимые условия для потерпевших и причинителей преступного вреда в полном объеме реализовывать предусмотренные механизмы.

Как мы видим, комплексным институтом права является и институт возмещения преступного вреда, механизм действия которого регламентирован материальным и процессуальным российским правом. Основные аргументы, свидетельствующие в пользу указанной позиции,

связаны с многообразием различных отраслевых норм, которые задействованы в урегулировании правоотношений, возникающих в процессе возмещения преступного вреда [11, с. 65].

Несмотря на многочисленные научные споры по рассматриваемой проблеме, окончательного ответа по ней пока что нет. Как мы полагаем, во многом неоднозначные подходы и разнообразные мнения по решению данной проблемы обусловлены различным пониманием сущности юридической ответственности. Стало быть, рассматриваемый нами институт располагается на стыке многих правовых наук. В отечественной правовой системе возмещение преступного вреда осуществляется в соответствии с уголовно-правовыми, гражданско-правовыми и гражданско-процессуальными нормами права. Поскольку при совершении преступления происходит нарушение не только объективных прав, но и в некоторых случаях одновременное нарушение субъективных гражданских прав и прав юридических лиц [14, с. 6], то возникают различные правоотношения, которые кроме уголовного и уголовно-процессуального права регулируются и другими отраслями материального права. В результате одного совершенного преступления появляется несколько правонарушений – так называемая кумуляция уголовных, гражданских, семейных и прочих правонарушений.

Таким образом, преступный вред возмещается в соответствии с нормами трудового, семейного и иных отраслей материального права. Поэтому при совершенствовании правового регулирования рассматриваемых вопросов и, в частности, изменения правовой конструкции, важно учитывать тесную взаимосвязь различных отраслей права и необходимость комплексного подхода в реализации запланированной законотворческой деятельности.

Литература

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Азаров В. А. Добровольное возмещение в уголовном процессе материального ущерба, причиненного преступлением // Укрепление законности в условиях перестройки: сб. науч. тр. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1990.
4. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975.
5. Анисимкова Н. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008.
6. Владимиров В. В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007.
7. Герасименко А. С. Реализация института реституции // Бизнес в законе. 2008. № 2.
8. Даев В. Г. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972.
9. Кобец П. Н., Краснова К. А. Некоторые вопросы возмещения вреда потерпевшим на стадии предварительного расследования // Российская юстиция. 2011. № 9.
10. Козацкая В. Э. Конвергенционные основания института возмещения вреда, причиненного преступлениями: взгляд на проблему // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 10А.
11. Михлин А. С. Последствия преступления. М.: Юрид. лит., 1969.
12. Нагиева Э. Э. К вопросу о соотношении терминов «вред», «ущерб», «последствия», «результат» // Российский следователь. 2009. № 18.
13. Никитенко И. В. Комплексный (междисциплинарный) подход в исследовании преступлений против порядка миграции населения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 3 (44).
14. Сторожкова Е. Ч. Особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел, возникающих из уголовных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
15. Строгович М. С. Вопросы теории правоотношений // Советское государство и право. 1964. № 6.
16. Сумачев А. В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве: монография. М.: Юрист, 2003.
17. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889.
18. Юношев С. В. Отраслевая принадлежность института возмещения вреда, причиненного преступлением // Lex russica. 2014. № 8.

УДК 343.2

ВОЗМЕЩЕНИЕ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА КАК УСЛОВИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Владислав Владимирович Власенко, преподаватель Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: vladVV26@mail.ru

В статье исследуются понимание преступного вреда, его классификация, особенности и проблемы возмещения преступного вреда применительно к конкретным видам освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; преступный вред; возмещение вреда; деятельное раскаяние; примирение с потерпевшим; судебный штраф; амнистия; принудительные меры воспитательного характера.

COMPENSATION OF CRIMINAL HARM AS A CONDITION FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Vladislav Vladimirovich Vlasenko, lecturer of the Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article examines the understanding of criminal harm, its classification, features and problems of compensation for criminal harm in relation to specific types of exemption from criminal liability.

Keywords: exemption from criminal liability; criminal harm; compensation for harm; active repentance; reconciliation with the victim; court fine; amnesty; compulsory educational measures.

Преступные последствия, именуемые также как общественно опасные последствия, преступный результат, традиционно понимаются в широком и узком смысле. В широком смысле – это те негативные изменения, которые претерпел объект преступления (объект уголовно-правовой охраны) в результате совершения конкретного преступления (например, сбыт наркотических средств вносит отрицательные изменения в такой непосредственный объект этого преступления, как здоровье населения). Исходя из такого понимания преступных последствий логично утверждать, что беспоследственных преступлений не существует в принципе.

В узком смысле преступные последствия представляют собой обязательный признак объективной стороны в преступлениях с материальной конструкцией состава либо признак, находящийся вне состава преступления, сущность которого выражается в конкретных, реальных, осознанных изменениях, произошедших в окружающем мире (окружающей действительности) и вызванных фактом совершения преступления. Иными словами, преступные последствия в узком смысле могут как быть признаком состава преступления, так и не быть им, и это зависит от того, какой способ конструирования объективной стороны в зависимости от момента окончания преступления выбрал законодатель для тех или иных преступлений. Например, кража относится к числу преступлений с материальным составом, и для констатации ее окончания необходимо наступление преступных последствий в виде имущественного ущерба. В свою очередь, разбой – это преступление с формальным составом, он окончен в момент начала соответствующего нападения в целях хищения чужого имущества, и наступление последствий в виде имущественно ущерба не относится к признакам объективной стороны этого преступления, но, тем не менее, такой ущерб весьма часто причиняется при совершении разбоя, и он также будет являться преступным последствием в узком смысле.

Преступный вред, о котором пойдет речь в настоящей статье, является *одним из видов преступных последствий в узком смысле*, а не отождествляется с ними. В то же время преступные последствия в широком смысле обычно воспринимаются в теории как синоним преступного вреда [4, с. 106–108] так же в широком смысле, и это вполне обоснованно, потому что преступные последствия в широком смысле всегда причиняют именно вред объекту соответствующего преступления (имеют вредоносный характер по отношению к объекту преступления).

Преступный вред, в отличие от иных преступных последствий в узком смысле, всегда связан с причинением негативных последствий *конкретному потерпевшему*, в качестве которого может выступать физическое, юридическое лицо либо государство в лице своих юридических лиц, в то время как иные преступные последствия не обладают таким свойством.

В зависимости от характера преступный вред может быть следующих видов:

1) *имущественный вред* – реальный ущерб, а в определенных случаях и упущенная выгода;
2) *физический вред* – вред, причиненный жизни и здоровью человека;
3) *психический вред* – вред, причиненный психическому состоянию человека (страх, боязнь, эмоциональный стресс), не относящийся к физическому вреду, то есть не вызвавший психического расстройства либо функциональных нарушений головного мозга;

4) *моральный вред* – вред, связанный с причинением нравственных или физических страданий действиями либо бездействием, «посягающими на принадлежащие человеку от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права), либо нарушающими имущественные права гражданина» [1]. Данный вред, как отмечает Пленум Верховного Суда РФ, может быть выражен «в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др.» [1];

5) *вред деловой репутации юридического лица* – этот вред представляет собой всякое умаление такой репутации, которое может проявляться в том числе в наличии у юридического лица убытков, обусловленных распространением порочащих сведений, и иных неблагоприятных последствий в виде утраты конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности и т. д.

Нормы института освобождения от уголовной ответственности, предусматривающие в качестве условия такого освобождения *возмещение преступного вреда*, выполняют принципиально важную *восстановительную функцию* как института, так и всего уголовного права, сущность которой заключается в восстановлении нарушенных (пострадавших) в результате совершения преступления прав, свобод, законных интересов потерпевшего путем компенсации причиненного ему вреда соответствующего вида (имущественного, морального и т. д.). Представленная функция отвечает задаче уголовного закона по охране прав и свобод человека и гражданина, а также соответствует такому его принципу, как гуманизм.

Возмещение преступного вреда как условие освобождения от уголовной ответственности – это вид постпреступных одобряемых действий, в результате совершения которых он был устранен либо снижен. Возмещение как таковое, в зависимости от характера и специфики криминального вреда, может полностью *устранять* такой вред либо же только *снижать* его

* ВС РФ рассказал, как подтвердить наличие ущерба деловой репутации юридического лица и получить компенсацию. URL: <https://www.garant.ru/news/1096601/> (дата обращения: 14.10.2020).

в определенной мере. Поэтому возмещение, скажем, имущественного ущерба при краже (передача потерпевшему в собственность нового идентичного смартфона взамен похищенного, например) полностью устранит такой ущерб, в то время как причинение физического вреда в виде смерти можно лишь снизить в некоторой степени.

Следует особо отметить тот факт, что возместить возможно лишь преступный вред, причиненный определенному потерпевшему, то есть преступный вред в узком смысле, но никак не вред, причиненный объекту преступления (в широком смысле), т. к. он неконкретен, беспредметен, неосязаем, аморфен, четко и ясно не определен, в отличие от конкретного, прямого вреда, причиненного потерпевшему, и больше имеет социально-политическое значение, чем юридически-прикладное. Так, лицо, скажем, незаконно хранившее огнестрельное оружие, не сможет возместить преступный вред, причиненный общественной безопасности как объекту совершенного им преступления, поскольку просто не понятно, в чем он объективно выражен, а также как, в каком объеме и кому его возмещать. Именно поэтому основополагающей идеей так называемого «восстановительного правосудия» [5], является понимание возмещения преступного вреда «не формально-юридически – как восстановление нарушенного правопорядка, установленного государством, а в широкой социально-антропологической рамке – как «исцеление жертвы», реальное возмещение ей причиненного преступлением вреда, искупление вины обидчиком, взятие им на себя ответственности...» [6, с. 42–44].

В нормах Общей и Особенной частей УК РФ, предусматривающих виды освобождения от ответственности, связанные с совершением постпреступного одобряемого деяния, используется разная терминология, обозначающая возмещение преступного вреда. Так, в статьях 75, 76.2 и п. 3 примечания к ст. 178 УК РФ речь идет о *возмещении ущерба или заглаживании вреда иным образом*, в ст. 76 и 90 УК РФ сказано лишь о *заглаживании вреда*. Учитывая тот факт, что в первом случае употребляется словосочетание «или иным образом загладило вред», то можно прийти к выводу, согласно которому «заглаживание» – более широкий термин и включает в себя возмещение ущерба. Правда, не совсем ясно, зачем законодатель по-разному обозначает одно и то же условие освобождения от ответственности. Такое положение негативно повлияло на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно вопросов освобождения от уголовной ответственности, в которых отдельно поясняется, что есть возмещение ущерба, а есть иное заглаживание вреда для цели ст. 75 и 76.2 УК РФ [2, п. 2.1], тем самым искусственно разделяется часть и целое. В свою очередь, применительно к ст. 76 УК РФ в этом же постановлении Пленум под определением заглаживания вреда терминологически объединяет возмещение ущерба и заглаживание вреда в том смысле, в каком их понимает УК РФ в ст. 75 и 76.2 [2, п. 10]. То есть заглаживание вреда в ст. 75 и 76.2 УК РФ Пленумом Верховного Суда РФ понимается более узко, чем в ст. 76 УК РФ.

В целях верного и одинакового понимания рассмотренных выше понятий видится целесообразным использовать в нормах, предусмотренных ст. 75, 76, 76.2 и 90 УК РФ, единый термин, обозначающий возмещение имущественного ущерба и заглаживание иного преступного вреда, а именно «возмещение вреда, причиненного преступлением», что позволит унифицировать эти нормы и улучшить их системность.

В отличие от рассмотренных выше норм, в ст. 76.1 и п. 2 примечаний к ст. 199.3 и 199.4 УК РФ указаны конкретизированные виды преступного вреда (точнее, имущественного ущерба), подлежащего возмещению при освобождении от ответственности*. В частности, в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ сказано об *ущербе, причиненном бюджетной системе РФ*, в ч. 2 этой статьи говорится

* Пункты 2 примечаний к ст. 198 и 199 УК РФ, предусматривающие специальные виды освобождения от ответственности за совершение налоговых преступлений, тождественны по содержанию ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, поэтому отдельно не исследуются.

об ущербе, причиненном гражданину, организации или государству^{*}. Подобная конкретизация преступного вреда связана со спецификой преступлений, в результате совершения которых причинен соответствующий вред (налоговые преступления, преступления в сфере уклонения от уплаты страховых взносов, отдельные преступления против собственности, в сфере экономической деятельности и против конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые причинили определенный имущественный ущерб потерпевшему).

Интересен тот факт, что в пунктах 2 примечаний к ст. 199.3 и 199.4 УК РФ об имущественном ущербе прямо не сказано, тем не менее, он подразумевается. В качестве имущественного ущерба здесь выступает *недоимка по страховым взносам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, подлежащих внесению в государственный внебюджетный фонд РФ (фонд социального страхования)*. В данном случае имущественный ущерб причинен государству в лице его юридического лица (территориального органа страховщика), которое недополучило соответствующие денежные суммы от страхователя. Уплата в полном объеме суммы недоимки (возмещение недоимки) по страховым взносам является одним из условий освобождения от ответственности.

Возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе РФ, является главным условием освобождения от ответственности по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 76.1 УК РФ (при совершении налоговых преступлений). В соответствии с ч. 2 ст. 28.1 УПК РФ под таким ущербом понимается не только недоимка по налогам^{**} (то есть, по сути, реальный имущественный ущерб), но и суммы пени и штрафов, которые представляют собой денежные санкции за нарушение налогового законодательства РФ. В связи с этим, думается, что подобное понимание ущерба, причиненного бюджетной системе РФ, некорректно, так как санкции, связанные с совершением налоговых правонарушений, не могут относиться к понятию ущерба. Соответственно, видится логичным отойти от общего термина «ущерб, причиненный бюджетной системе РФ» и в диспозиции ч. 1 ст. 76.1 УК РФ использовать отдельные термины «недоимка по налогам» и «пени и штрафы». Иными словами, разделить одно условие на два самостоятельных условия освобождения от ответственности: 1) возмещение недоимки по налогам и 2) выплата сумм пеней и штрафов.

При совершении преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, возмещению подлежит исключительно реальный имущественный ущерб, являющийся обязательным признаком объективной стороны такого преступления. Если же упущенная выгода также относится к ущербу как обязательному признаку объективной стороны соответствующего преступления, то она также подлежит возмещению при освобождении от ответственности.

Имеют свою особую специфику возмещения преступного вреда такие виды освобождения от ответственности, как освобождение от ответственности несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) и амнистия (ст. 84 УК РФ).

Такая принудительная мера воспитательного воздействия, как *обязанность загладить причиненный преступлением вред*, возлагаемая судом на несовершеннолетнего, является одним из альтернативных условий освобождения от ответственности (п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ). Причем выполнение этого условия переносится в будущее, в отличие от других видов освобождения от ответственности, в которых возместить преступный вред необходимо до принятия

* В конце 2018 г. статья 76.1 УК РФ, в связи с дополнением перечня преступлений, закрепленного в ч. 2, новыми преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также против собственности, стала именоваться «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба». Однако новое название статьи не соответствует ее содержанию, поскольку наравне с возмещением ущерба в данной норме предусмотрены и другие обязательные условия освобождения от ответственности, не связанные с возмещением преступного вреда.

** Применительно к ст. 199.1 УК РФ, имущественный ущерб будет выражаться в неисчисленных, недержанных или непериодических налогах и (или) сборах.

решения об освобождении. В связи с этим данный вид освобождения следует отнести к числу условных, т. к. лицу, освобождаемому от ответственности, устанавливается условие, относящееся к его последующему поведению, невыполнение которого повлечет за собой отмену решения о его освобождении. В данном случае таким условием как раз выступает заглаживание преступного вреда, и лицо будет считаться окончательно освобожденным от ответственности лишь после его заглаживания в полном объеме. Невыполнение указанного требования влечет за собой отмену решения об освобождении от ответственности и привлечение несовершеннолетнего к ответственности на общем основании. Как видим, у лица есть выбор (свобода поведения) – заглаживать вред и быть бесповоротно освобожденным от ответственности либо отказаться от его заглаживания и быть привлеченным к ответственности. Поэтому заглаживание вреда в рассматриваемом случае, как и в других видах освобождения от ответственности, также обладает качественным признаком добровольности. Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что возложение обязанности заглаживать причиненный вред нельзя назвать принудительной мерой, так как силой государственного принуждения она не подкреплена. Представляется, что это, скорее, вид постпреступного одобряемого деяния виновного лица, связанного с устранением либо снижением преступного вреда, совершение которого после принятия решения об освобождении от ответственности окончательно освобождает такое лицо от ответственности.

Основанием амнистии (ст. 84 УК РФ) как вида освобождения от уголовной ответственности в некоторых случаях может выступать также совершение определенного постпреступного одобряемого деяния*, связанного с возмещением преступного вреда. Так, в соответствии с положениями п. 5 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 июля 2013 г. № 2559–6 ГД «Об объявлении амнистии» в качестве такого деяния был определен возврат имущества и (или) возмещение убытков потерпевшему (возмещение имущественного ущерба) лицом, совершившим до дня вступления в силу этого постановления одно или несколько преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также преступлений в сфере экономики, перечисленных в приведенном пункте (всего 53 преступления). Инициатором данной «экономической амнистии» в 2013 г. выступил Б. Ю. Титов – Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, по мнению которого ее объявление должно вернуть предпринимательский слой обратно в бизнес, особенно в малый, тем самым улучшить общую экономическую ситуацию в стране**.

В зависимости от характера совершенного преступления возникали ситуации, когда амнистируемому необходимо было осуществить как возврат имущества потерпевшему, так и возместить ему убытки, либо же достаточно совершить альтернативно одно из этих действий. Под убытками в данном случае понимается как реальный имущественный ущерб, так и упущенная выгода, однако, если она является конструктивным признаком состава соответствующего преступления (в этом есть схожесть с ч. 2 ст. 76.1 УК РФ) либо одним из требований потерпевшего в рамках заявленного гражданского иска (здесь, как и в ст. 76 УК РФ, имеется зависимость от позиции потерпевшей стороны). При этом, как верно указал Верховный Суд РФ, отсутствие преступного вреда (в узком смысле) не исключает возможность применения амнистии [3, п. 2.5.2] (например, извлечение дохода при незаконном предпринимательстве как альтернативное последствие имущественному ущербу). Таким образом, видим, что и при амнистии одним из конструктивных условий освобождения от ответственности в определенных случаях может являться возмещение преступного вреда.

* Как правило, объявление амнистии Государственной Думой ФС РФ приурочено к какому-либо государственному празднику (так называемая праздничная амнистия) либо политическому событию (так называемая политическая амнистия) и основывается на учете личностных параметров лиц, подлежащих амнистии, характера совершенных ими преступлений и обстоятельств их совершения.

** Перейдут к делу. Амнистия вернет в бизнес тысячи предпринимателей. URL: <https://rg.ru/2013/07/18/titov.html> (дата обращения: 14.10.2020).

Возмещение преступного вреда одновременно является и процессом (добровольные действия лица, совершившего преступление, направленные на возмещение преступного вреда), и результатом (итог таких добровольных действий в виде возмещенного вреда). Для освобождения от ответственности всегда требуется констатация результата в виде именно *полного (исчерпывающего)* возмещения преступного вреда. Поэтому какие-либо обещания, обязательства лица, совершившего преступление, в будущем возместить вред недопустимо приравнивать к его возмещению. В свою очередь, частичное возмещение суд может лишь признать обстоятельством, смягчающим наказание (ст. 61 УК РФ).

Объем такого полного возмещения (количественный признак возмещения преступного вреда) преступного вреда определяется по-разному, в зависимости от вида освобождения от ответственности. В статье 75, ч. 2 ст. 76.1, ст. 76.2 и 90 УК РФ объем полного возмещения преступного вреда определяет правоприменитель при решении вопроса об освобождении от ответственности с учетом особенностей (специфики) самого совершенного преступления, на основании имеющихся доказательств по делу (заключение эксперта, показания специалиста и т. д.). В части 1 ст. 76.1 и в п. 2 примечаний к ст. 199.3 и 199.4 УК РФ объем имущественного вреда, подлежащего возмещению в полном объеме, определяется специально уполномоченными органами (налоговый орган и территориальный орган страховщика соответственно). В свою очередь, в ст. 76 УК РФ правом определения объема возмещения преступного вреда наделен исключительно потерпевший от преступления (представитель потерпевшего при совершении преступления в отношении юридического лица), с которым для освобождения от ответственности необходимо примириться. Примирение невозможно, если потерпевшего не удовлетворил объем возмещенного ему криминального вреда. Аналогичным образом происходит и при наличии множества потерпевших, в том числе при причинении им равного вреда.

Способы возмещения преступного вреда (качественный признак возмещения преступного вреда) напрямую зависят от его вида и характера. Любой способ возмещения преступного вреда должен быть правомерен как по форме, так и по содержанию и не должен ущемлять права третьих лиц.

Способы возмещения криминального вреда в ст. 75, 76, 76.2 и 90 УК РФ имеют отчасти бланкетное содержание, и многие из них приведены и раскрыты в нормах гражданского законодательства РФ, предметом которого выступают также общественные отношения, складывающиеся по поводу обязательств, возникающих вследствие причинения вреда. Однако этот факт не означает, что исчерпывающий перечень способов возмещения преступного вреда закреплен именно в гражданском праве. Многие способы возмещения преступного вреда выработаны судебной практикой и закреплены в актах судебного толкования [2]. В целом надо отметить, что способы возмещения преступного вреда для целей института освобождения от уголовной ответственности законодательством РФ не ограничены, могут быть абсолютно любыми, и такое положение объясняется во многом «многогранностью» такого вреда. Главная задача – возместить вред, а то, каким способом это будет сделано, значения не имеет (естественно, выбранный способ не должен быть противоправен). Например, лицо, совершившее неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший ее блокирование (ст. 272 УК РФ), возместило имущественный ущерб путем разблокировки такой информации, что освободило потерпевшего от денежных затрат на соответствующие действия.

На основе анализа положений гражданского законодательства РФ и актов судебного толкования Верховного Суда РФ в зависимости вида преступного вреда можно выделить следующий примерный перечень способов его возмещения:

- 1) *имущественный ущерб* возмещается двумя альтернативными способами:
 - а) натуральный способ, при котором лицо, совершившее преступление, предоставляет потерпевшей стороне вещь (имущество), аналогичную той, что была утрачена в результате

преступления (например, передает потерпевшему в собственность планшет, идентичный похищенному у него), либо возвращает непосредственно саму вещь (например, возвращает потерпевшему похищенный у него телефон), или производит необходимый ремонт соответствующей вещи в целях восстановления ее свойств. При этом, если, скажем, какое-либо похищенное имущество изъято сотрудниками правоохранительных органов при уголовно-процессуальном задержании, производстве следственных действий, проведении оперативно-розыскных мероприятий или применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, а в дальнейшем возвращено потерпевшему, то это не может быть расценено как способ возмещения имущественного ущерба;

б) эквивалентный способ, при котором лицо, совершившее преступление, возмещает потерпевшей стороне стоимость имущества в денежной форме (например, выплачивает потерпевшему денежную сумму, равную рыночной стоимости похищенного планшета) *;

2) *физический вред* может быть возмещен потерпевшему путем оплаты лицом, совершившим преступление, лечения, реабилитации, дополнительного питания, лекарств, протезирования, постороннего ухода, санаторно-курортного лечения, приобретения специальных транспортных средств, обучения другой профессии (если в результате преступления потерпевший не способен выполнять трудовую функцию по имеющейся профессии) и т. д., а также путем возмещения расходов на погребение потерпевшего;

3) *способы возмещения морального, психического вреда* **, а также *вреда деловой репутации юридических лиц* во многом схожи, к их числу относятся следующие: денежная или иная имущественная компенсация перечисленных видов преступного вреда; принесение личных либо публичных извинений потерпевшей стороне; опубликование в СМИ или сети Интернет информации, опровергающей ранее размещенные сведения, в том числе удаление таких сведений; отзыв либо замена документа, в котором содержатся сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо юридического лица, и т. д.

В пунктах 2 примечаний к ст. 199.3 и 199.4 УК РФ прямо указан способ возмещения имущественного ущерба, суть которого заключается в уплате в фонд социального страхования суммы недоимки по страховым взносам, исчисляемой в валюте РФ, то есть в рублях. Способ возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе РФ (ч. 1 ст. 76.1 УК РФ), закреплен в ст. 28.1 УПК РФ и состоит также в уплате в федеральный бюджет в денежном выражении недоимки, пеней и штрафов, предусмотренных налоговым законодательством РФ. В приведенных нормах объем и способы возмещения преступного вреда прямо и четко указаны, в отличие от рассмотренных ранее норм, в которых возмещению подлежит, в зависимости от особенностей того или иного преступления, и преступный вред, который находится вне состава преступления (не является конструктивным признаком объективной стороны соответствующего преступления).

По общему правилу *субъектом* возмещения преступного вреда является лицо, совершившее преступление, в результате которого был причинен такой вред. Тем не менее, в уголовном законе и в судебной практике обоснованно существует два исключения из этого правила, допускающие возмещение вреда и иными лицами.

В первом случае такое исключение возможно по инициативе или согласию лица, причинившего преступный вред, у которого нет объективной возможности его возместить самостоятельно (в связи с заключением под стражу [2, п. 3], нахождением на госпитализации, отсутствием необходимых денежных средств и по иным причинам). Абсолютно очевидно, что не всегда лицо, причинившее преступный вред, обладает реальной возможностью его возме-

* Имущественный ущерб, причиненный в результате совершения преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, возмещается такими же способами.

** При возмещении психического преступного вреда могут использоваться способы, применяемые при возмещении физического вреда (медицинская реабилитация, например).

стить в силу разных обстоятельств, поэтому вполне вероятно, что он обратится за помощью к своим родственникам, друзьям, знакомым, которые способны оказать ему необходимое содействие в этом вопросе. Главное в подобной ситуации – это возместить вред потерпевшему, и посторонняя помощь не возбраняется и не может возбраняться в принципе. Кроме того, необходимо обратить внимание на волевой момент психического отношения к возмещению вреда лица, его причинившего, – оно желает его возместить настолько, что при отсутствии реальной возможности, тем не менее, вынужденно прибегает к помощи других лиц, и это обстоятельство характеризует такое лицо исключительно с положительной стороны.

Во втором случае, при совершении в интересах организации лицом налоговых преступлений, а также преступления в сфере уклонения от уплаты страховых взносов (ст. 199, 199.1, 199.4 УК РФ), соответствующий имущественный ущерб может возместить такое юридическое лицо. И это вполне логично, поскольку недополученные денежные средства по налогам или страховым взносам остались у этой организации, которая распорядилась ими по своему усмотрению, кроме того, следует учитывать тот факт, что, скажем, у директора или главного бухгалтера не всегда могут быть необходимые денежные средства для возмещения ущерба.

Литература

1. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 3.
2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
3. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559–6 ГД «Об объявлении амнистии»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Центр ЮрИнфоР, 2010.
5. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ.; под общ. ред. Л. М. Карнозовой. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
6. Карнозова Л., Максудов Р., Флямер М. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // Российская юстиция. 2000. № 11.

УДК 343.3/.7

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Светлана Владимировна Замалева, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: zam77@bk.ru

В статье рассматриваются особенности законодательной регламентации преступлений медицинских работников на примере Кыргызской Республики. Автор делает вывод, что выделение киргизским законодателем самостоятельной главы, посвященной медицинским преступлениям, а также введение специальных норм (незаконное проведение опытов на человеке; незаконное изъятие тканей или органов умершего человека; имплантация чужой яйцеклетки женщине; запрещенные действия с эмбрионами; нормы, регламентирующие донорство крови и ее компонентов; разглашение врачебной тайны) вызывают интерес и могут послужить полезным опытом для отечественного законодателя в формулировании аналогичных уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: вред жизни и здоровью; медицина; медицинский работник; медицинские преступления; медицинские манипуляции; пациент; профессиональные обязанности; уголовная ответственность; наказание.

RESPONSIBILITY OF MEDICAL WORKERS BY CRIMINAL LEGISLATION KYRGYZ REPUBLIC

Svetlana Vladimirovna Zamaleeva, department associate professor of the

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article analyzes the crimes of medical workers under the criminal law of the Kyrgyz Republic. The author comes to the conclusion that the Kyrgyz legislator sets aside an independent chapter on medical crimes, as well as the introduction of special rules, such as (illegal conduct of experiments on humans; illegal removal of tissues or organs of a deceased person; implantation of a foreign egg into a woman; prohibited actions with embryos; norms governing the donation of blood and its components; disclosure of medical confidentiality) is of interest and can serve as a useful experience for the domestic legislator in the formulation of similar criminal law norms.

Keywords: harm to life and health; medicine; medical worker; medical crimes; medical manipulations; patient; professional duties; criminal liability; punishment.

Научно-технический прогресс, достигнутый в медицине, позволяет широко использовать новые методы проведения различных медицинских манипуляций (например, в сферах трансплантологии, искусственной репродукции человека, генной инженерии и др.), что увеличивает риск несоблюдения правил или стандартов медицинскими работниками при проведении таких манипуляций. Поэтому назрела необходимость правового регулирования их применения в случаях негативных последствий в виде причинения вреда жизни или здоровью пациента.

В современном отечественном уголовном законодательстве отсутствуют специальные нормы, регламентирующие ответственность медицинских работников за преступления, совершаемые при исполнении своих профессиональных обязанностей. Ответственность медиков в таких случаях наступает по общим нормам уголовного закона: причинение по неосторожности смерти (ч. 2 ст. 109 УК РФ) или тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 118 УК РФ), а также

заражение ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ) вследствие ненадлежащего исполнения виновным своих профессиональных обязанностей.

Кроме того, на законодательном уровне установлены запреты за нарушения при проведении ряда медицинских процедур, однако они носят лишь декларативный характер.

Так, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» запрещает испытание новых методов профилактики, диагностики, лечения, медицинской реабилитации, а также лекарственных препаратов, специализированных продуктов лечебного питания, медицинских изделий и дезинфекционных средств на задержанных, заключенных под стражу, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста (ст. 26); принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации (ст. 47) и др. Запреты, как видим, установлены, а статей, предусматривающих ответственность, в действующем УК РФ нет.

Ряд зарубежных стран, в отличие от России, предусматривают не только самостоятельные уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность медицинских работников, но и выделяют в УК специальную главу, посвященную медицинским преступлениям. Например, в Уголовном кодексе Республики Казахстан, вступившем в силу с 1 января 2015 г., законодатель выделил нормы об ответственности медицинских и фармацевтических работников в гл. 12 «Медицинские уголовные правонарушения», разместив после уголовных правонарушений против здоровья населения и нравственности [1, с. 23–28].

Уголовный кодекс Кыргызской Республики (далее – УК КР), вступивший в силу с 1 января 2019 г., в разд. VI «Преступления против личности» выделяет специальную гл. 24 «Преступления в сфере медицинского и фармацевтического обслуживания личности». Введение самостоятельной главы было сопряжено с проведением большой судебной реформы в сфере уголовно-правового регулирования, которая затронула в том числе и область здравоохранения. По мнению руководителя рабочей группы по разработке нового Уголовного кодекса 2019 г. Л. Садыковой, медицинские услуги должны носить качественный характер, поэтому были криминализованы и размещены в рамках самостоятельной главы ряд деяний, совершаемых медицинскими работниками.

Модель выстраивания киргизским законодателем медицинских преступлений вызывает интерес, так как в нее заложен опыт законодательства Европы, опыт ближайших соседей, например, Казахстана, но при этом нормы имеют свою специфику.

Итак, проведем краткий анализ уголовно-правовых норм Кыргызской Республики, устанавливающих ответственность медицинских работников за преступления, совершаемые при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Преступления в сфере медицинского и фармацевтического обслуживания личности размещены в отдельной главе УК КР (гл. 24). Российский же законодатель преступления, субъектами которых могут быть медики, относит к преступлениям против жизни и здоровья.

Открывается гл. 24 УК КР нормой, предусматривающей уголовную ответственность за неоказание медицинской помощи медицинским работником (ст. 152). Обращает на себя внимание тот факт, что киргизский законодатель разграничивает неоказание медицинской помощи от неоказания помощи лицом, которое не является медицинским работником, но которое могло оказать такую помощь (ст. 151 УК КР).

Санкция за неоказание помощи по ст. 151 УК КР предусматривает лишение свободы до двух лет шести месяцев, а в случае неоказания медицинской помощи по ст. 152 УК КР срок лишения свободы увеличивается до пяти лет. Тем самым киргизский законодатель подчеркивает, что преступление, совершенное медицинским работником, обладает повышенной степенью общественной опасности.

* URL: <http://sotsium.kg/> (дата обращения: 25.05.2020).

Статья 153 УК КР предусматривает ответственность за незаконное проведение опытов на человеке (в УК РФ такой нормы нет). Криминообразующие признаки основного состава данного преступления: 1) общественно опасное деяние – проведение клинических испытаний лекарственных средств, а равно медико-биологических, психологических или иных опытов либо исследований на человеке без согласия пациента; 2) общественно опасное последствие – тяжкий вред по неосторожности. Наказывается деяние лишением свободы до пяти лет. Если же деяние совершено в отношении заведомо несовершеннолетнего или недееспособного, то срок лишения свободы увеличивается до семи лет шести месяцев.

В статье 154 УК КР установлена ответственность за незаконное изъятие тканей или органов умершего человека. Криминообразующими признаками данного состава преступления являются: 1) предмет преступления – ткани или органы умершего человека; 2) общественно опасное деяние – незаконное изъятие указанных предметов; 3) специальная цель – использование указанных предметов в медицине; 4) специальный субъект – медицинский работник.

Интерес представляет и статья 155 УК КР, в которой установлена ответственность за имплантацию чужой яйцеклетки женщине (ч. 1 ст. 155 УК КР). Данное общественно опасное деяние выражается либо в нарушении установленных правил при проведении имплантации, либо в частном посредничестве при проведении такой процедуры. При отсутствии согласия потерпевшей ответственность наступает по ч. 2 ст. 155 УК КР.

В отечественном Уголовном кодексе подобной нормы нет, и ответственность за данное деяние наступает по статьям, предусматривающим наказание за причинение вреда здоровью.

Киргизский законодатель регламентирует также запрещенные действия с эмбрионами (ст. 156 УК КР). К запрещенным действиям, производимым по искусственному оплодотворению женщины или с сохраняемым вне тела человеческим эмбрионом, относятся:

- 1) искусственное оплодотворение женской яйцеклетки сперматозоидом, выбранным по содержащейся в нем половой хромосоме;
- 2) замена ядра оплодотворенной яйцеклетки клеткой тела другого эмбриона, плода, живого или умершего человека в целях создания человеческого эмбриона;
- 3) соединение эмбрионов с различной наследственной информацией, если один из них является человеческим эмбрионом, а также соединение с человеческим эмбрионом клетки, которая содержит наследственную информацию;
- 4) создание способного к развитию эмбриона путем оплодотворения яйцеклетки человека сперматозоидом животного или яйцеклетки животного сперматозоидом человека [2, с. 653–659].

Интересны для российского законодателя нормы, регламентирующие донорство крови и ее компонентов. В статье 157 УК КР предусмотрена ответственность за нарушение порядка ввоза и вывоза донорской крови и ее компонентов. В статье 158 УК КР установлена ответственность за действия, направленные на насильственное донорство. Криминообразующими признаками такого деяния являются: 1) способ – насилие или обман; 2) цель – использование потерпевшего в качестве донора.

Незаконная лечебная деятельность предусмотрена в ст. 159 УК КР. Криминообразующие признаки данного состава преступления: 1) субъект – лицо, не имеющее надлежащего медицинского образования; 2) общественно опасное последствие – причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью. Наказывается до пяти лет лишения свободы.

Аналогичную норму закрепил российский законодатель в ст. 235 УК РФ, где наказание также не превышает пяти лет лишения свободы, но только в случае более тяжкого последствия – смерти по неосторожности.

Завершает главу медицинских преступлений статья 160 УК КР «Разглашение врачебной тайны». Субъектом данного преступления является лицо, которому известна врачебная тайна в связи с исполнением профессиональных или служебных обязанностей.

Российский законодатель не определил специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за разглашение врачебной тайны, ответственность за данное деяние наступает по общей норме – ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

Следует отметить, что преступления, субъектами которых могут быть медицинские работники, киргизским законодателем включены и в другие главы Уголовного кодекса КР.

Так, в главе 21 «Преступления против жизни» выделены такие деяния, как убийство с целью получения органа или тканей потерпевшего (п. 6 ч. 2 ст. 130 УК КР); причинение смерти по неосторожности лицом при исполнении своих профессиональных обязанностей (п. 1 ч. 2 ст. 135 УК КР). В данную главу включены также убийство из сострадания (эвтаназия) – ст. 134 УК КР, однако медицинский работник в качестве специального субъекта в данной норме не предусмотрен. В качестве криминообразующих признаков анализируемого преступления выступают: 1) наличие у потерпевшего просьбы и добровольного согласия; 2) наличие специальной цели – освобождение умирающего от сильных физических болей.

Отечественный законодатель эвтаназию относит к простому убийству.

В главу 22 «Преступления против здоровья» включены такие составы, как причинение тяжкого вреда здоровью с целью получения органа или тканей потерпевшего (п. 5 ч. 2 ст. 138 УК КР); причинение менее тяжкого вреда здоровью (ст. 139 УК КР); причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 142 УК КР).

Преступления, создающие опасность для жизни и здоровья человека, сгруппированы в гл. 23 УК КР. Интересно, что в данной главе выделяется ряд норм в сфере трансплантологии. Так, по статье 146 УК КР наступает ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации.

В части 1 ст. 147 УК КР установлена ответственность за нарушение условий и порядка изъятия органов и (или) тканей человека либо условий и порядка трансплантации, в ч. 2 – за незаконную торговлю органами или тканями человека.

Отметим, что в указанных нормах медицинский работник не предусмотрен в качестве специального субъекта преступления, хотя совершение таких деяний напрямую связано с выполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. Возникает также спорный вопрос, почему нормы, касающиеся трансплантологии, размещены в разных главах УК КР, а не сосредоточены в главе, посвященной медицинским преступлениям?

В статье 148 УК КР установлена ответственность за незаконное прерывание беременности. В диспозиции ч. 1 данной статьи законодатель обращает внимание на наличие или отсутствие воли беременной женщины на прерывание беременности. Кроме того, описаны условия неправомерности проведения гинекологом операции по прерыванию беременности на сроке, не допустимом законом, а в ч. 2 ст. 148 УК КР указано на прерывание беременности лицом, которое по закону не обладает специальным правом на проведение такой операции. Отметим, что отечественный законодатель медицинского работника, имеющего медицинское образование соответствующего профиля, в качестве специального субъекта незаконного прерывания беременности не выделяет. Кроме того, в УК РФ основной состав аналогичного преступления сформулирован как формальный, в то время как ответственность за незаконное прерывание беременности по ст. 148 УК Кыргызской Республики, как по основному, так и квалифицированному составу, наступает в зависимости от последствий, а именно, если деяние повлекло тяжкий вред здоровью по неосторожности.

В главе 27 УК КР «Преступления против личной свободы человека» киргизский законодатель выделяет еще ряд преступлений, совершить которые без участия медицинских работников не представляется возможным. Так, в пункте 7 ч. 2 ст. 170 УК КР установлена ответственность за похищение человека с целью изъятия органов или тканей для трансплантации, а в п. 1 ч. 3 ст. 171 УК КР – за торговлю людьми с такой же целью.

Таким образом, в уголовном законодательстве Кыргызской Республики перечень преступлений, совершаемых медицинскими работниками, достаточно широкий и обладает определенной спецификой, в частности: 1) преступления, совершаемые медицинскими работниками, выделены в отдельную главу, при этом преступления, субъектами которых могут быть медицинские работники, содержатся и в других главах, что говорит о необходимости дальнейшего совершенствования и систематизации анализируемой группы преступлений; 2) в главу, посвященную медицинским преступлениям, включен ряд преступлений, которые по российскому законодательству не представляют собой самостоятельный состав: например, нормы, предусматривающие донорство крови и ее компонентов, разглашение врачебной тайны и др.; 3) за преступления, субъектами которых являются медицинские работники, предусматривается более строгое наказание, в отличие от санкций общих норм, что подчеркивает повышенную степень общественной опасности таких деяний.

Учитывая стремительное развитие медицинских технологий, полагаем, что подход киргизского законодателя в вопросе правового регулирования ответственности медицинских работников имеет прогрессивный характер и может послужить полезным опытом в процессе совершенствования отечественного уголовного законодательства в данной сфере.

Литература

1. Антонова Е. Ю. Медицинские уголовные правонарушения по уголовному законодательству Республики Казахстан // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. круглого стола (3 марта 2017 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. СПб.: ИД «Петрополис», 2017.
2. Антонова Е. Ю. Преступления в сфере медицинского и фармацевтического обслуживания личности по уголовному законодательству Кыргызской Республики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы XVI междунар. науч.-практ. конф. (24–25 января 2019 г.). М.: РГ-Пресс, 2019.

УДК 343.3/.7

СОТРУДНИК ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ И ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ

Александр Олегович Швейгер, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: shveigersasha@mail.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы теоретического и правоприменительного характера, возникающие при толковании и применении ст. 124 и 125 УК РФ. В частности, анализируется субъект указанных преступлений и другие признаки составов преступлений. Обращается внимание на неправильное толкование в настоящее время практическими работниками и некоторыми учеными признаков субъекта этих преступлений. На основании проведенного анализа делаются выводы о том, что сотрудники органов внутренних дел являются субъектами названных преступлений.

Ключевые слова: неоказание помощи больному; оставление в опасности; сотрудники органов внутренних дел; субъект преступления.

LAW OFFICER AS SUBJECT OF FAILURE TO PROVIDE ASSISTANCE TO THE PATIENT AND ABANDONMENT IN DANGER

Alexander Olegovich Shveyger, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article discusses theoretical and law enforcement issues arising from the interpretation and application of Article 124 and 125 of the Criminal Code. In particular, the subject of these crimes and other signs of *corpus delicti* are analyzed. It is pointed out that the practitioners and some scientists are currently misinterpreting the signs of the subject of these crimes. Based on the analysis, conclusions are drawn that the employees of the internal affairs bodies are the subjects of the crimes analyzed in the article.

Keywords: failure to provide assistance to the patient; leaving in danger; employees of internal affairs bodies; subject of crime.

Жизнь и здоровье человека как охраняемые уголовным законодательством объекты всегда стояли в центре внимания научной мысли, поскольку четкая регламентация норм, устанавливающих ответственность, и правильная квалификация обеспечивают баланс справедливости и достаточности наказания, а также соблюдения иных важнейших уголовно-правовых принципов при оценке действий виновного лица.

В то же время, несмотря на достаточно большой массив исследований по данной категории преступлений, до сих пор остаются составы, содержание которых вызывает различное толкование в среде ученых и практических работников и, как следствие, разную практику применения. В частности, это неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), а также оставление в опасности (ст. 125 УК РФ).

Одним из главных проблемных вопросов остается оценка субъектного состава при неоказании первой помощи лицу, которое в ней нуждается, или при оставлении в опасности такого лица.

Сложности правовой оценки в подобных ситуациях обусловлены особенностями описательной конструкции рассматриваемых составов. Так, в диспозиции ст. 124 УК РФ речь идет

о неоказании помощи больному без уважительных причин. Поскольку используемый в статье термин «больной» традиционно воспринимается через призму медицинского толкования, то некоторые авторы делают вывод о том, что субъектом данного преступления может выступать только медицинский работник, который имеет определенное медицинское звание и на котором лежит обязанность оказания медицинской помощи [7, с. 57]. Схожую позицию занимают и некоторые практические работники, включающие в субъектный состав данного преступления только медицинских работников (в первую очередь врачей). Так, прокуратура Ненецкого автономного округа следующим образом дает разъяснения о субъекте данного преступления: «К уголовной ответственности за неоказание помощи больному могут быть привлечены врачи, фельдшеры, медсестры, другие лица, связанные с выполнением профессиональных функций медицинского работника, а также лица, обязанные принимать меры по вызову медицинского работника»^{*}. Такой подход сильно ограничивает перечень лиц, которые могут совершать данное преступление. Кроме того, непонятно, кто должен относиться к лицам, в обязанности которых входит вызов медицинских работников.

Подобное толкование субъекта преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, приводит к тому, что действия сотрудников органов внутренних дел, не оказавших помощь нуждающимся в ней лицам, квалифицируют по ст. 293 УК РФ (халатность). Исследователи этой проблемы указывают на 90 % таких случаев в судебно-следственной практике [10, с. 140].

Так, в отношении К. был вынесен обвинительный приговор за совершение им преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ. Было установлено, что сотрудник полиции К. после окончания рабочего времени шел домой, будучи в форменном обмундировании. К нему подошел гражданин и сообщил о замерзающем на автобусной остановке инвалиде, которого высадили из автобуса и который не мог самостоятельно передвигаться. К., будучи обязанным предпринять все зависящие от него меры по оказанию помощи человеку, находящемуся в обстановке, создающей опасность для его жизни и здоровья, сообщение гражданина проигнорировал, к замерзающему инвалиду не подошел. В результате неоказания помощи инвалид получил сильное обморожение рук. Кисти пришлось ампутировать, и через несколько дней он скончался. Причиной его смерти явилась тромбоэмболия легочной артерии на фоне обморожения и общего переохлаждения^{**}.

Объективная сторона данного состава преступления характеризуется неоказанием помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом.

Такая формулировка диспозиции позволяет некоторым авторам делать вывод об объеме понятия «помощь» в рамках только медицинской помощи, поскольку в статье говорится о специальном потерпевшем, в качестве которого выступает больной. В контексте этого понятия под больным необходимо понимать лицо, у которого диагностировано уже какое-либо заболевание. Однако такое понимание не будет увязываться с логикой ст. 124 УК РФ, поскольку, прежде чем оказать человеку помощь, необходимо будет установить наличие у него болезни. Вместе с тем понятие больного лица не раскрывается ни в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], который является главным нормативным актом, регламентирующим порядок охраны здоровья граждан и оказания медицинской помощи, ни в других нормативных документах, где используется это понятие. В тексте названного закона используется понятие «пациент», под которым понимается лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. Но и использование

^{*} URL: <https://www.prokuratura-nao.ru/2012-10-24-08-55-28/2011-05-10-06-53-58/4891-otvetstvennost-za-neokazanie-pomoshchi-bolnomu> (дата обращения: 20.06.2020).

^{**} Постановление президиума Алтайского краевого суда по делу № 44У-143/2013. URL: sudact.ru/regular/doc/qey190z0eFHg/ (дата обращения: 20.06.2020).

понятия «пациент» в контексте ст. 124 УК РФ не внесет ясности, поскольку таковым нельзя будет признать лицо, которое не обращалось за медицинской помощью и которому она не оказывается [5, с. 34–37].

Необходимо исходить из того, что больным может быть признано лицо, у которого диагностировано или имеется какое-либо заболевание (болезнь). В Конвенции о медицинской помощи и пособиях по болезни дается следующее понятие болезни: «всякое болезненное состояние, независимо от его причины» [1]. Соответственно больной – это лицо, находящееся в болезненном состоянии, которое наступило независимо от его причины. Однако болезненное состояние как понятие не имеет четкого определения и четких границ.

На несовершенство описательной части диспозиции данной уголовно-правовой нормы в указанном аспекте неоднократно обращалось внимание учеными. Употребление термина «больной» сильно сужает правовое предназначение нормы, ограничивая ее возможностью оказания только медицинской помощи. Также справедливо отмечается, что данное понятие не подходит даже для описания всех возможных случаев, при которых требуется только медицинское вмешательство [8, с. 37–41]. Видимо, это несовершенство описательной части диспозиции и порождает разногласия в научной и правоприменительной среде.

Очевидно, что понятие больного применительно к анализируемой статье необходимо толковать расширительно, не ограничивая его наличием заболеваний только по медицинской терминологии. Исходя из целей данной нормы, больным следует признавать любое лицо, у которого имеются различного рода заболевания, патологические состояния, а также иные состояния, требующие оказания помощи.

Такой вывод следует также из того, что в уголовном законе применительно к ст. 124 УК РФ не говорится только о медицинской помощи, поскольку употребляется термин «помощь» без конкретизации ее вида. Конечно, в первую очередь подразумевается оказание медицинской помощи, которая в соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) подразделяется: 1) на первичную медико-санитарную помощь; 2) специализированную, в том числе высокотехнологичную, медицинскую помощь; 3) скорую, в том числе скорую специализированную, медицинскую помощь; 4) паллиативную медицинскую помощь. Но помимо этого в ст. 31 упомянутого закона говорится о первой помощи, которая не относится к медицинской.

Первая помощь до оказания медицинской помощи оказывается гражданам при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью. К таким состояниям относятся: 1) отсутствие сознания; 2) остановка дыхания и кровообращения; 3) наружные кровотечения; 4) инородные тела в верхних дыхательных путях; 5) травмы различных областей тела; 6) ожоги, эффекты воздействия высоких температур, теплового излучения; 7) отморожение и другие эффекты воздействия низких температур; 8) отравления [4].

Эти состояния также входят в перечень признаков, раскрывающих бланкетное содержание ст. 124 УК РФ, при которых неоказание помощи должно влечь уголовную ответственность.

Медицинские работники должны оказывать медицинскую помощь, которая подразделяется на экстренную, неотложную и плановую. Экстренная помощь оказывается при заболеваниях и состояниях, которые непосредственно представляют угрозу для жизни пациента. Неотложная помощь оказывается при заболеваниях и состояниях без видимой угрозы для жизни пациента. Плановая помощь оказывается при проведении профилактических мероприятий, при наличии заболеваний, не угрожающих жизни пациента, отсрочка которой не повлечет ухудшения здоровья.

Согласно Федеральному закону № 323-ФЗ, гражданам также должна оказываться первая помощь до начала оказания медицинской помощи. Ее обязаны оказывать в соответствии с законом должностные лица таможенных органов при применении физической силы или специ-

альных средств, военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии задержанному лицу, сотрудники Государственной противопожарной службы, сотрудники ФСБ, сотрудники МЧС и др. Также первую помощь обязаны оказывать сотрудники органов внутренних дел. Данная обязанность закрепляется в ст. 31 Федерального закона № 323-ФЗ, а также в ч. 2 ст. 27 Федерального закона «О полиции» [3].

Из этого можно сделать вывод о том, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, может выступать не только медицинский работник, но и более широкий круг лиц, на которых возложена обязанность оказания помощи пострадавшему, у которого имеется заболевание, патологическое состояние или если он находится в беспомощном состоянии. Поэтому сотрудники органов внутренних дел, не оказавшие помощь такому лицу, должны нести ответственность по ст. 124 УК РФ, а не по ст. 293 УК РФ.

Такой вывод следует и из сравнительного анализа данных норм. Статья 293 УК РФ, предусматривающая ответственность за халатность, устанавливает ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих профессиональных обязанностей, в результате чего наступают последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. В обеих статьях содержатся признаки специального субъекта преступления. Если в ст. 293 УК РФ они выражены признаками должностного лица, то в ст. 124 УК РФ они характеризуются возложением обязанности оказывать помощь в соответствии с законом или со специальным правилом. Каждый из субъектов наделен дополнительными, свойственными только ему признаками, определяющими особенности обязанностей по оказанию помощи нуждающемуся лицу. Если в ст. 293 УК РФ эти полномочия описаны более широко, то в ст. 124 УК РФ они более конкретизированы по особому состоянию лица, нуждающегося в помощи. Такое состояние определено приказом Минздрава России от 4 мая 2012 г. № 477н [4].

Признаки последствий сравниваемых норм также совпадают, несмотря на внешнюю неочевидность в силу разного подхода законодателя к способу их описания. Если неоказание помощи больному содержит в качестве последствий в части первой причинение по неосторожности средней тяжести вреда здоровью больного, то последствия халатности описаны более широко в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Несмотря на это, можно утверждать, что причинение вреда здоровью человека является содержательной частью таких последствий. Это следует из рекомендаций Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. (с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума от 24 декабря 2019 г. № 59 и от 11 июня 2020 г. № 7) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», где указано, что существенное нарушение законных интересов граждан может выражаться в нарушении прав, гарантированных Конституцией РФ. Согласно ст. 7 и 41 Конституции РФ, каждому гарантируется обеспечение и охрана здоровья, т. е. здоровье является неотъемлемым правом каждого человека, и причинение ему вреда необходимо расценивать как нарушение конституционного права человека, т. е. такие последствия являются существенным нарушением его прав. На основании этого можно заключить, что последствия в обеих нормах в этом аспекте совпадают.

Исходя из вышеизложенного, в случае неоказания помощи больному сотрудником органов внутренних дел, должна применяться ст. 124 УК РФ, которая является специальной по отношению к ст. 293 УК РФ. Правоприменительная практика, квалифицируя подобные случаи как халатность, допускает серьезную ошибку [9, с. 214–218].

Аналогично квалифицируются случаи оставления в опасности нуждающихся в помощи лиц – по ст. 293 УК РФ. На практике эта статья считается универсальной для всех случаев нарушения профессиональных обязанностей должностными лицами различных ведомств.

Так, Ш. был осужден по ст. 293 УК РФ за то, что, являясь сотрудником полиции, выехал на место происшествия, где на дороге лежал мужчина в состоянии тяжелой степени алкогольного опьянения. Ш., будучи обязанным в силу закона оказать первую помощь, этого не сделал и мер по спасению потерпевшего не принял. Вместо этого он доставил его в отдел полиции и оставил в коридоре на скамейке. В результате того, что ему не была оказана помощь, через некоторое время доставленный в отдел мужчина скончался [10, с. 140–141].

В подобных ситуациях правоприменитель ищет наиболее удобную норму, соответствующую в первую очередь признакам субъекта преступления, поскольку сотрудники органов внутренних дел являются категорией лиц, чья деятельность находится под особым вниманием и контролем как общественности, так и надзирающих органов, в силу наделения сотрудников ОВД полномочиями должностного лица. Это обстоятельство обуславливает при квалификации оценку всех их действий по статьям, расположенным в УК РФ в гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Однако, если рассматривать ст. 125 и 293 УК РФ в рамках соотношения общей и специальной норм, то можно привести аналогичные аргументы, как при сравнительном анализе ст. 124 и 125 УК РФ. К тому же, в отличие от халатности, в диспозиции нормы, предусматривающей ответственность за оставление в опасности, не оговорены последствия. Это свидетельствует о том, что в подобных действиях сотрудника органов внутренних дел будет усматриваться состав ст. 125 УК РФ с момента непринятия мер по выполнению возложенных на него обязанностей, связанных с оказанием помощи лицам, которым угрожает опасность.

Признак обязанности заботы о потерпевшем имеет бланкетно-нормативный характер и раскрывается через содержание законов, постановлений, приказов, инструкций и т. п. В отношении сотрудников органов внутренних дел перечень основной нормативной документации, обязывающей оказывать помощь, был приведен выше, при анализе ст. 124 УК РФ.

В научной литературе было высказано мнение о том, что используемый в диспозиции нормы термин «забота» исключает ответственность должностных лиц правоохранительных органов, поскольку правовая обязанность оказания помощи не порождает обязанности заботы о лице [6, с. 112–113], следовательно, такое бездействие необходимо квалифицировать по ст. 293 УК РФ. Такая позиция представляется неверной. Подобная точка зрения сильно сужает содержание нормы, ограничивая ее пониманием заботы в узком смысле. Действительно, если рассматривать термин «забота» в узком смысле, то он означает «внимание, попечение, уход» [11]. Такой подход вменяет в обязанность заботу только лицам из круга близких родственников, опекунов, попечителей, медицинских работников, сиделок и ряда других лиц, на которых такие обязанности возложены нормативно либо в силу имеющегося договора. Но в отношении сотрудников органов внутренних дел такого сказать нельзя. Очевидно, что характер выполняемых ими профессиональных функций не обязывает их осуществлять попечение и уход за другими лицами.

Вместе с тем, исходя из общеправовых целей и предназначенности анализируемой нормы, автор считает, что термин «забота» необходимо толковать в широком смысле. В этом аспекте под заботой необходимо понимать «доброе и внимательное отношение к тому, кто в чём-нибудь нуждается, к чьему-нибудь благополучию, спокойствию; внимание, попечение, вообще деятельность, направленную к благополучию кого-нибудь» [12]. Такая интерпретация расширяет сферу ст. 125 УК РФ, в орбиту регулирования отношений которой попадают и сотрудники органов внутренних дел и иных правоохранительных, и не только органов, на которых возложена правовая обязанность оказания помощи лицам, находящимся в состоянии, угрожающем их жизни и здоровью. Такое состояние может быть вызвано различными природными и техногенными причинами (аварии, катастрофы, стихийные бедствия и иные события, имеющие чрезвычайный характер), разными видами опьянения (алкогольное, наркотическое, токсическое), патологией организма вследствие физиологических причин и т. п.

Кроме того, такое состояние может быть вызвано причинами, перечисленными в диспозиции статьи, – это малолетство, старость, болезнь или беспомощность. И в каждой такой ситуации у сотрудников ОВД возникает обязанность помочь человеку. Конечно, помощь должна носить посильный характер, который определяется субъективным критерием возможности ее оказания. Данный критерий устанавливается исходя из уровня подготовки, специальных знаний и навыков, обстановки, физических и физиологических особенностей лица, которое должно оказать помощь. Если сотрудник ОВД не смог помочь в силу того, что не отвечал указанным требованиям, – уголовная ответственность исключается. Но полное игнорирование опасности для жизни и здоровья потерпевшего в виде непринятия мер (хотя бы минимальных или попытки оказания помощи) должно влечь ответственность по ст. 125 УК РФ.

В связи с вышеизложенным нельзя признать складывающуюся правоприменительную практику правильной. Использование в данном случае из широкого арсенала уголовно-правовых норм только одной, которая, на первый взгляд, наиболее отвечает требованиям правовой ситуации, – неверно. Каждый акт квалификации должен соответствовать всем требованиям законности, полноты и правильности. Оценка неоказания помощи больному или оставление в опасности со стороны сотрудников органов внутренних дел по ст. 293 УК РФ является неправильной. Такие действия должны быть квалифицированы по ст. 124 или 125 УК РФ.

Литература

1. Конвенция Международной организации труда о медицинской помощи и пособиях по болезни (Женева, 25 июня 1969 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
4. Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи: приказ Минздравсоцразвития России от 4 мая 2012 г. № 477н // Российская газета. 2012. 23 мая.
5. Аськов Н. Н. Особенности субъектного состава отношений в связи с медицинской деятельностью для целей применения статей 123 и 124 УК РФ // Судья. 2020. № 2 (110).
6. Власов Ю. А. Уголовная ответственность за оставление в опасности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004.
7. Горелик А. С. Уголовная ответственность за оставление в опасности: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964.
8. Медведев Е. В. Категория лиц, неоказание медицинской помощи которым влечет уголовную ответственность по статье 124 Уголовного кодекса РФ // Медицинское право. 2019. № 1.
9. Пикуров Н. И. Неоказание помощи больному: квалификация и отграничение от смежных составов // Бизнес. Образование. Право. 2011. № 1 (14).
10. Яковлева С. Е. Квалификация бездействия должностного лица при оставлении потерпевшего в опасности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11.
11. Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7902> (дата обращения: 23.06.2020).
12. Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой онлайн. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 23.06.2020).

УДК 343.3

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ ПРИ ЗАКУПКАХ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Василий Иванович Долинко, заместитель начальника редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России

E-mail: dol271@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы правового обеспечения противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд России. Государство и ее правоохранительные органы надежно стоят на защите бюджетной сферы России и ее экономического суверенитета от разрушающего воздействия внешних и внутренних угроз и факторов, от опасностей и различного рода негативных вызовов и рисков в области экономической безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое обеспечение; уголовная ответственность; противодействие злоупотреблениям; государственные закупки; безопасность бюджетной сферы.

LEGAL SUPPORT FOR COUNTERING ABUSES IN PROCUREMENT FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Vasily Ivanovich Dolinko, deputy head of editorial and publishing Department of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

The article deals with the issues of legal support against abuse in the sphere of procurement for state and municipal needs of Russia. The state and its law enforcement agencies reliably protect the budget sphere of Russia and its economic sovereignty, effectively protecting our state from the destructive impact of external and internal threats and factors, from dangers and various kinds of negative challenges and risks in the field of economic security of the Russian Federation.

Keywords: legal support; criminal liability; anti-abuse; public procurement; public sector security.

Проблема правового обеспечения противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд актуальна тем, что в нашей стране существует необходимость четкой реализации конституционного положения о свободе экономической деятельности (ст. 8 Конституции РФ) и задачи Уголовного кодекса РФ по охране экономической деятельности. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд влекут за собой существенный ущерб бюджетной системе Российской Федерации, а также бюджетным учреждениям, иным лицам, являющимся в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» участниками или заказчиками закупки (закупок).

Отметим, что нами под правовым обеспечением противодействия злоупотреблениям при закупках для государственных и муниципальных нужд понимается определенная совокупность правовых норм, которые определяют: 1) непосредственное создание; 2) установленный непосредственно законом юридический статус, а также 3) функционирование (действие) информационных специальных систем, которые четко регламентируют непосредственный порядок использования, получения и преобразования определенной и необходимой нам информации в сфере противодействия злоупотреблениям при закупках для муниципальных и государственных нужд.

Главной целью правового обеспечения противодействия злоупотреблениям при закупках для государственных и муниципальных нужд является укрепление законности в данной сфере. В состав правового обеспечения противодействия злоупотреблениям при закупках для государственных и муниципальных нужд входят: Конституция РФ, федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, а также различного рода инструкции, приказы (другие нормативные юридические документы) различного рода министерств (организаций, ведомств, местных органов власти и т. д.).

В правовом обеспечении противодействия злоупотреблениям при закупках для государственных и муниципальных нужд мы выделяем:

1) общую часть, которая регулирует функционирование информационной системы сферы закупок товаров, услуг и работ;

2) локальную часть, которая регулирует функционирование конкретной системы противодействия злоупотреблениям при закупках для государственных и муниципальных нужд.

Важно отметить, что государственные закупки для муниципальных или государственных нужд представляют собой целый подинститут российского гражданского права, в связи с этим основу правового регулирования рассматриваемых нами отношений составляет Гражданский кодекс РФ. Во второй части Гражданского кодекса РФ в рамках договора купли-продажи законодателем выделяется самостоятельный его вид, а именно поставка товаров для государственных или муниципальных нужд (ст. 525–534).

Средства массовой информации нередко сообщают о задержаниях нечистых на руку чиновников, использующих различные способы обогащения за счет бюджетных средств при осуществлении государственных закупок. При этом стране и всему обществу наносится огромный ущерб, страдает и имидж государственной службы. По данным Счетной палаты РФ, сумма выявленных ревизорами нарушений в 2018 г. оказалась примерно в 5–6 раз больше суммы бюджетных нарушений за 2016 г. В 2018 г. было выявлено нарушений на сумму почти 295 млрд руб., а это в 2,5 раза больше, чем в 2017 г. В 2017 г. в сфере закупок правоохранителями выявлены нарушения на огромную сумму – около 119 млрд руб. (в 2016 г. – около 53 млрд руб.). Сотрудниками Генеральной прокуратуры РФ в 2018 г. было выявлено примерно 150 тыс. нарушений в системе закупок для государственных нужд. При этом более 6 % из выявленных нарушений в сфере закупок имели в своей основе коррупционную составляющую. Нарушения в сфере закупок в основном связаны: а) с обоснованием начальной (максимальной) цены государственного контракта; б) с изменениями условий контракта; в) с ограничением конкуренции; г) с приемкой фактически невыполненных работ (услуг); д) с выставлением необоснованных критериев оценки. По материалам прокурорских проверок, более 2,5 тыс. лиц привлечены к уголовной и дисциплинарной ответственности, а также возбуждено 275 уголовных дел.

Законодательство России определяет понятие «злоупотребления в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд» как совокупность определенных условий (некоторых факторов), которые создают теоретическую и практическую возможность нанесения государственным интересам реального (прямого) ущерба в бюджетной сфере в частности и ее экономической безопасности в целом. Под вероятной опасностью в вышеуказанной сфере нами понимается некоторая вероятность возможности нанесения существенного вреда (а деньги на государственные закупки выделяются огромные) финансово-экономическим отношениям при освоении средств государственного бюджета, в реальности определяемых постоянным наличием объективных (субъективных) условий (факторов), обладающих негативными свойствами, а под рисками и угрозами – наиболее конкретные формы опасности, создаваемые целенаправленной деятельностью противостоящих факторов и моментов при проведении закупок для муниципальных и государственных нужд.

К основным (потенциальным) рискам и угрозам противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд специалисты относят следующее:

1) вероятную подверженность бюджетной системы Российской Федерации общемировым рискам, в том числе в результате резко негативного (отрицательного) влияния спекулятивного иностранного капитала;

2) возможную уязвимость масштабной информационной многоступенчатой структуры бюджетной сферы, а также избыточные административные барьеры;

3) недостаточно эффективную защиту прав собственности в России;

4) имеющиеся факты криминализации и коррупции в бюджетной сфере России;

5) активизацию преступности, целенаправленно специализирующейся на совершении коррупционных и экономических преступлений при совершении государственных закупок;

6) значительные объемы вывода денежных средств из экономики Российской Федерации (чистый отток капитала из России в I квартале 2020 г. составил 17 млрд дол. США^{*});

7) непрекращающийся перевод безналичных денежных средств в так называемый «теневой оборот» наличных денежных средств (что ухудшает государственный контроль со стороны органов власти и увеличивает криминализацию экономики);

8) имеющиеся случаи легализации доходов, полученных преступным путем от противоправных (преступных) финансовых махинаций [2, с. 11];

9) противоправные деяния в финансовой и хозяйственной сферах (в том числе преступления, связанные с рейдерскими захватами), осуществляемые в том числе с вовлечением представителей силовых структур, контрольно-надзорных ведомств и регулирующих специальных органов, могущественных государственных корпораций и организаций (компаний) с преобладающим государственным участием;

10) явления (процессы) коррупционной направленности, связанные с противоправными действиями некоторых лиц, которые занимают определенные должности в государственных органах (структурах) в системе перераспределения (распределения) бюджетных средств. Данные явления (процессы) опасны еще и тем, что против нашего государства страны Запада и США ввели довольно болезненные для нашей экономики санкции;

11) негативные явления (процессы), которые обусловлены сращиванием личных интересов руководителей (представителей) частного бизнеса и представителей органов власти, а также формированием коррупционных схем и преступного (коррупционного) взаимодействия. В данном случае имеются яркие примеры участия в таких противоправных схемах и руководителей (представителей) бизнеса из зарубежных стран [1, с. 156];

12) непрекращающиеся попытки преступного элемента, направленные на совершение преднамеренного банкротства заводов, компаний, фабрик и др. (в том числе и имеющиеся случаи в отношении стратегических предприятий), а также других противозаконных деяний в отношении различного рода объектов экономики России.

Безопасное состояние сферы закупок для государственных и муниципальных нужд означает отсутствие любого рода рисков (опасностей) для бюджета страны и реальную его защищенность от таких рисков (опасностей), а также возможность государственных структур нивелировать (предотвратить) любой ущерб, который ухудшает его состояние и придает его развитию отрицательную динамику.

Говоря об источниках опасности, мы отмечаем, что таковыми являются условия (факторы), которые хранят в себе негативные намерения в отношении объекта (объектов) охраны сферы государственных закупок. Объект (объекты) охраны может иметь самое разное происхождение: а) социальное; б) природное; в) техногенное и т. п. Мы ведем речь об отрицательных (негативных) моментах, способных причинить определенный вред сфере государственных закупок в результате утраты контроля со стороны должностных лиц, отвечающих

* URL: <https://regnum.ru/news/economy/2912544.html> (дата обращения: 10.08.2020).

за правовое обеспечение противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.

В качестве главных угроз (рисков) в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд автор предлагает рассматривать следующие:

- 1) коррупцию, а также современную организованную преступность;
- 2) экономическую преступность, в том числе и международную;
- 3) некоторые коррупционные явления (процессы), которые прямо связаны с противозаконными действиями отдельных должностных лиц структур органов власти в области выделения (распределения) бюджетных финансовых средств (материальных ценностей).

На наш взгляд, решение проблемы правового обеспечения противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд состоит в создании действенного межведомственного сегмента, эффективно удовлетворяющего жестким требованиям времени, способного качественно исполнять установленные законодателем России задачи в указанной сфере.

Считаем, что к основополагающим задачам ведомств и структур органов власти Российской Федерации, а также правоохранительных (силовых) и специальных структур России (МВД России, ФАС России, Росгвардия Российской Федерации, ФСО России, Росмониторинг РФ, ФСБ России и др.), с целью качественного противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, следует отнести нижеуказанное:

- 1) выделение основных направлений государственной уголовно-правовой политики в системе правового обеспечения противодействия злоупотреблениям в сфере государственных закупок за счет бюджетных средств;
- 2) выявление внутренних, а также внешних рисков (угроз) в сфере государственных закупок за счет бюджетных средств, их оценка и последующий анализ;
- 3) эффективная разработка и реализация комплекса процессуальных, оперативных и иных мер по выявлению, предупреждению и пресечению угроз в сфере закупок для муниципальных и государственных нужд, по нейтрализации (локализации) негативных последствий их проявления для бюджета страны;
- 4) координация деятельности субъектов противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для муниципальных и государственных нужд в правоохранительных органах;
- 5) организация взаимовыгодного международного сотрудничества правоохранительных органов России с организациями и ведомствами других государств в обеспечении противодействия злоупотреблениям в сфере государственных закупок;
- 6) организация подготовки высокопрофессиональных кадров в интересах противодействия злоупотреблениям в сфере закупок для муниципальных и государственных нужд;
- 7) организация фундаментальных научных исследований проблем правового обеспечения противодействия злоупотреблениям в сфере государственных закупок.

Литература

1. Криминализация экономики и экономическая безопасность: учебник / Н. В. Артемьев [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2018.
2. Механизм экономико-правового обеспечения национальной безопасности: опыт, проблемы, перспективы: монография / А. В. Яковлева [и др.]. Краснодар, 2012.

УДК 343.97

ГРУППИРОВКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРЕСТУПНОСТИ

Николай Валерьевич Мячин, старший преподаватель, кандидат экономических наук;
Олег Валентинович Шумилин, доцент кафедры, кандидат экономических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет МВД России)

E-mail: nmyachin@mail.ru

oleg0410@mail.ru

В статье проведена группировка социальных и экономических факторов преступности (факторы, характеризующие состояние экономики в целом; факторы, отражающие демографическую ситуацию в стране; факторы, связанные с оценкой уровня жизни; факторы, характеризующие социальную сферу), основанная на анализе материалов отечественных и зарубежных исследований. С целью оценки каждой группы факторов предложен ряд показателей для количественной и качественной интерпретации причин преступности с указанием источников и баз данных. Отдельно выделены факторы и показатели, которые в настоящий момент либо не поддаются количественной оценке, либо могут быть оценены в ходе дополнительных исследований.

Ключевые слова: криминометрика; экономические факторы преступности; социальные факторы преступности; показатели преступности.

GROUPING INDICATORS OF SOCIAL AND ECONOMIC FACTORS OF CRIME

Nikolai Valerievich Myachin, senior lecturer, *kandidat nauk*, degree in Economic;
Oleg Valentinovich Shumilin, department associate professor, *kandidat nauk*, degree in Economic, Associate Professor
(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

The article presents a grouping of social and economic factors of crime (factors that characterize the state of the economy; factors that characterize the demographic situation in the country; factors that characterize the assessment of living standards; factors that characterize the social sphere), based on the analysis of materials from domestic and foreign studies. To assess each group of factors, authors propose a number of indicators and indicate related sources and databases. Factors and indicators that are either not quantifiable or can be evaluated in additional researches are highlighted separately.

Keywords: criminometrics; economic factors of crime; social factors of crime; crime indicators.

Несмотря на то, что преступность является междисциплинарным объектом исследований, цель большинства работ, посвященных ее изучению, можно обобщить. Предметный научный поиск в этой области направлен на определение факторов [8, с. 57], которые влияют на преступное поведение и в конечном счете на обоснование оптимальных способов противодействия преступной деятельности. Актуальность исследований, посвященных рассмотрению факторов преступности, связана с тем, что в последние десятилетия не только в России, но

* В данной работе под причинами преступности будем понимать проявления жизнедеятельности человеческого общества, которые вызывают преступность, способствуют ее наличию; под фактором преступности – какое-либо конкретное явление, сопутствующее и оказывающее влияние на преступность; под показателем преступности – количественный и (или) качественный параметр, формирующий совокупность информации, раскрывающей фактор преступности.

и в мире наблюдается абсолютный и относительный рост преступности [12, с. 14]. Объяснение такого роста – сложная научная задача, решение которой наталкивается на ряд препятствий.

Первое препятствие заключается в многообразии факторов преступности, что затрудняет определение наиболее значимых из них. Так, Я. И. Глинский пишет, что сегодня существуют «сотни причин и факторов преступности», однако безусловная объективность разработанных концепций не находит своего подтверждения [7, с. 167]. Второе препятствие заключается в неопределенности направления влияния этих факторов. Иными словами, речь идет о сложности отнесения выделенных факторов к группе криминогенных или антикриминогенных [6, с. 46].

Г. А. Аванесов указывает на то, что определение криминогенных и антикриминогенных факторов, установление взаимосвязи их в каждой из этих основных групп, а также взаимосвязи между группами, качественная и количественная оценка степени влияния на преступность каждого фактора – важнейшие исследовательские проблемы [10, с. 239]. Необходимость количественной оценки причин преступности можно связать с применением соответствующих методов анализа данных, которые позволяют делать статистически значимые выводы о характере влияния изучаемых факторов на состояние преступности. В то же время в российском научном пространстве наблюдается нехватка работ, которые агрегируют значимые факторы преступности и соответствующие им показатели для дальнейшего криминометрического анализа. Разумеется, охватить все многообразие социальных факторов преступности в одной статье – невыполнимая задача, поэтому авторы сосредоточились на анализе социальных и экономических факторов преступности, которые выделяются как одни из важнейших в генезисе девиантного поведения человека [7, с. 34]. Таким образом, в настоящем исследовании предпринята попытка расширить представление о социальных и экономических факторах преступности путем их группировки и создания достаточного набора количественных показателей по каждому из факторов для возможности их применения в последующих криминометрических исследованиях.

Рассмотрение экономических и социальных причин преступности считаем необходимым начать с исследования Г. Беккера, которое положило начало «экономическому империализму» [18]. Согласно формуле ожидаемой полезности преступления, по Беккеру, причинами преступности выступают вероятность осуждения правонарушителя, доход от преступления и наказание за преступление. И хотя Беккер обобщил причины, побуждающие рационального преступника совершать преступления, исследования отдельных факторов проводились и ранее. В частности, изучение влияния дохода индивида и его занятости на вероятность совершения преступления проводилось Б. Фляйшером [20]. Позже, вероятность осуждения правонарушителя рассматривалась Р. Хоусеном [24, с. 451], который предложил использовать для ее оценки показатель раскрываемости преступлений (частное от деления количества раскрытых преступлений на количество совершенных преступлений). По мнению Р. Хоусена, этот показатель отражает эффективность работы правоохранительных органов, а его повышение, связанное с увеличением количества полицейских на квадратную милю, ведет к снижению количества имущественных преступлений.

Разумеется, перечень социальных и экономических факторов преступности не ограничивается набором, который предложил Беккер. Пристальное внимание к экономическим факторам преступности уделяли и отечественные криминологи. Застой в экономике СССР 80-х гг. XX в. привел к спаду производительности труда и снижению уровня жизни населения. В таких условиях усилились неравенство распределения доходов и рост правонарушений в различных отраслях национальной экономики [5, с. 60–67]. Среди отечественных ученых-криминологов весомый вклад в исследование факторов преступности внес В. А. Номоконов, по мнению которого преступность имеет множественные измерения, поэтому должна изучаться соответствующими науками [16, с. 247–257]. В частности, автор говорит о том, что в самих основах рыночной экономики заложены мотивы преступной деятельности, и справедливо

отмечает необходимость регулирования рынка государственными институтами, что способствует «подрыву экономической основы преступности».

Причинный комплекс преступности также рассмотрен в коллективной монографии «Причины преступности в России» (Ю. М. Антонян и др.) [17, с. 224]. В эмпирической части этого исследования авторы обращают внимание на бедность как криминогенный фактор, используя для его оценки такие показатели, как величина прожиточного минимума, среднемесячная номинальная заработная плата. Вместе с тем авторы говорят о том, что экономические факторы являются частью общей системы факторов, которые определяют характер человеческого поведения, не уделяя при этом особого внимания показателям, позволяющим оценить эти факторы.

Значительное количество работ посвящено влиянию степени наказания на уровень преступности. Например, С. Кэмерон [19, с. 309] приходит к выводу, что размер наказания за совершенное преступление может не только не оказывать положительного воздействия на сдерживание преступности, но и быть с ним абсолютно не связанным. Неоднозначность характера этого фактора подтверждается многообразием описывающих его моделей, а также полярностью выводов, которые были получены при анализе одних и тех же данных, которые приводит С. Кэмерон.

Особую роль в исследовании преступности занимает анализ временных рядов. Так, Е. Фуджи [23], исследовав данные о преступности 1961–1975 гг. штата Гавайи, выявил положительную корреляцию между туристическими потоками и показателями насильственной и имущественной преступности. Полученный результат был объяснен тем, что туристы имеют при себе крупные суммы денег и являются легкой добычей для преступников. Кроме того, туристы достаточно редко обращаются в правоохранительные органы с заявлениями, так как время их пребывания в стране ограничено.

Некоторые исследователи в качестве фактора преступности выделяют урбанизацию. По мнению В. Лина [25, с. 29], этот процесс «ведет к разрушению традиционных социальных структур, что усиливает социальную напряженность и порождает беспорядки». В работе автора урбанизация интерпретирована как процент людей, живущих в городах с населением более 2500 чел. Увеличение этого показателя, как показало исследование, ведет к снижению издержек преступной деятельности. Это происходит потому, что увеличение плотности населения предлагает преступнику более широкий выбор потенциальных целей для совершения преступления.

Особую роль при выделении факторов преступности играют исследования ювенальной преступности, а именно, влияние места проживания подростка на его вероятность стать преступником. В статье Дж. Людвиг [26] представлен следующий эмпирический вывод – переселение семей из районов с высоким уровнем бедности в районы с низким уровнем бедности сокращает число случаев ареста несовершеннолетних и насильственного преступного поведения подростков примерно на 30–50%. Таким образом, государственная политика, направленная на изменение пространственной концентрации бедности, может воздействовать на общий объем преступности.

Классифицируя причины преступности, В. Н. Кудрявцев [9, с. 120] приводит некоторые фактические данные, которые позволяют сделать вывод о показателях экономических факторов (безработица, банкротство, инфляция, количество преступников, не имеющих постоянного источника дохода).

Анализируя факторы преступности, Ю. В. Андриенко при построении модели, определяющей уровень убийств, в качестве самой значимой переменной выбрал продолжительность жизни человека [4, с. 94]. Автор говорит о том, что «падение качества жизни населения выявлено как один из главных факторов невиданного роста преступности в России, причем этот вывод подтверждается и на международных данных». Он приходит к следующему заключению:

– экономический рост значимо влияет на рост насильственных преступлений (убийство, причинение вреда, изнасилование);

– рост насильственных преступлений связан с выходом заключенных на свободу (при освобождении 100 человек через год происходит рост числа убийств на 0,4 %, числа причинений тяжкого вреда здоровью – на 0,8 %, сокращение числа изнасилований на 0,3 %).

Г. Церулли и другими исследователями [28] был рассмотрен большой массив предшествующих исследований в области криминометрики, выделены шесть главных, по мнению авторов, экономических факторов преступности. К ним они отнесли: уровень образования, уровень безработицы, уровень дохода, неравенство в распределении дохода, расходы на правоохранительные органы и количество мигрантов в стране. Авторы отмечают, что большие затруднения вызывает определение криминогенного характера каждого фактора.

Отметим, что исследование преступности нелегальных мигрантов является отдельным направлением в криминологии [15, с. 71–77], поэтому оценка влияния этого фактора преступности особенно значима для его нейтрализации. Помимо прочего, И. В. Никитенко отмечает, что особенностью «транснациональной преступности на Дальнем Востоке является ее преимущественная ориентация на совершение преступлений в сфере экономики» [14, с. 48]. В то же время необходимо учитывать, что в каждом отдельном случае влияние миграции на уровень преступности может иметь разную силу и направление.

Разные подходы существуют и к оценке зависимости уровня преступности от уровня образования. Большинство исследователей сходятся во мнении, что повышение уровня образования связано со снижением уровня преступности. Хорошее образование увеличивает ожидаемый доход человека, повышает удовлетворенность жизнью и тем самым снижает привлекательность преступной деятельности. В свою очередь, повышение дохода ведет к тому, что издержки, связанные с преступной деятельностью, повышаются. Увеличение доходов домашних хозяйств делает их более привлекательной целью для потенциальных преступников.

С фактором дохода связано и неравенство его распределения. Дифференциация населения по этому признаку рассматривается криминометристами как одна из важнейших экономических причин совершения преступлений. Расслоение населения по уровню доходов рождает чувство несправедливости и является очевидным стимулом совершения преступлений беднейшими группами населения.

В то же время некоторые исследования связывают преступность не только с низким уровнем образования и дохода, но и с возрастом человека [21]. В ситуации пониженного спроса на рынке труда на рабочую силу преимущество остается у наиболее опытных работников. Так как у молодых работников подобный опыт отсутствует, они остаются невостребованными на легальном рынке рабочей силы, что и склоняет их к совершению преступных действий. Необходимо учитывать циклический характер безработицы, а значит, ее особенное влияние на преступность. В период коротких циклов безработные склонны тратить время и усилия на поиски работы, в то время как длинные периоды безработицы снижают издержки преступной деятельности.

С осторожностью необходимо относиться к увеличению расходов бюджета на правоохранительные органы. Увеличение государственных расходов на правоохранительную деятельность снижает уровень преступности, но в то же время наблюдается обратный эффект. Увеличение преступности стимулирует увеличение расходов на деятельность полиции. Более того, существует ряд исследований, которые говорят о том, что в долгосрочной перспективе увеличение расходов на деятельность полиции не оказывает значимого влияния на уровень преступности [22].

По мнению Ю. В. Латова, экономические факторы могут по-разному влиять на уровень преступности, при этом теоретические представления о направлении связи между ними могут не подтверждаться экспериментальными исследованиями: «Идеальным было бы рассмотреть

две области с примерно одинаковым уровнем безработицы и уровнем бедности. Надо также, чтобы эти области отличались по неравенству дохода, т. е. по разрыву между доходом богатых и бедных социальных групп. Следовало бы ожидать, что чем больше неравенство доходов, тем выше уровень преступности» [11, с. 138].

В соответствии с группировкой, предложенной Ю. В. Латовым, экономические факторы преступности можно разделить на три блока:

- 1) уровень экономического благосостояния в целом по стране (определяется среднедушевым уровнем доходов и степенью неравенства доходов);
- 2) состояние рынка труда (определяется безработицей и уровнем заработной платы);
- 3) состояние человеческого развития (определяется образованием и потреблением алкоголя, наркотиков и др.).

Отдельно остановимся на потреблении вредных благ. Так, С. Марковиц, анализируя данные международных виктимизационных опросов, выяснила, что повышение цен на алкогольные напитки снижает уровень насильственных преступлений [27]. В частности, увеличение цены алкоголя на 1 % приведет к снижению вероятности ограбления на 0,27 % и вероятности сексуального насилия на 0,21 %.

Обобщение экономических факторов преступности провел И. М. Мацкевич [13, с. 116]. Действие криминогенных факторов автор объясняет по большей части сменой экономических циклов. Помимо тех факторов, которые уже были обозначены, он выделяет следующие:

- отсутствие легальных механизмов перераспределения собственности и воздействие на них представителей криминальной экономики;
- масштабный уход легальной экономики в теневой сектор;
- господство национальных и транснациональных монополий;
- превышение темпов инфляции перед возможностью наращивания собственного капитала;
- высокий уровень налоговой нагрузки.

Следует отметить, что факторы преступности достаточно многообразны, даже если мы говорим лишь о небольшой их группе. Далее обобщим результаты обзора научных исследований и систематизируем выделенные факторы. В первую очередь были сформированы укрупненные группы социальных и экономических факторов преступности. Полученные результаты сопоставлены с данными официальных документов, характеризующих состояние и направления развития жизнедеятельности мира и нашей страны в ближайшем будущем. Этими документами выступили: Стратегия национальной безопасности России [2]; Стратегия экономической безопасности России [3]; Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1]; доклад о человеческом развитии в Российской Федерации «Цели устойчивого развития: ООН и Россия», подготовленный Аналитическим центром при Правительстве России*.

Такое сопоставление не только способствовало корректной формулировке социальных и экономических факторов, но и послужило основой выделения показателей для количественной оценки каждого из них.

Во вторую очередь были проанализированы данные, размещенные на официальных сайтах Статистического отдела ООН, Международного валютного фонда, Статистической службы Европейского союза, Центрального банка РФ, Министерства экономического развития РФ, Министерства финансов РФ, Федеральной службы государственной статистики РФ, Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. Это позволило сформировать достаточную систему показателей, необходимых для оценки каждого фактора. Так как поиск данных занимает значительную часть времени любого количественного исследования, при группировке социальных и экономических факторов преступности особое внимание

* URL: <https://www.gks.ru/sdg> (дата обращения: 02.06.2020).

уделялось представлению тех показателей, которые имеют достоверный источник информации и содержат данные за период времени, позволяющий проводить статистический анализ.

В перечне показателей, характеризующих социальные и экономические факторы преступности, можно выделить две группы:

1) обобщенные первичные показатели, например, оборот розничной торговли, доходы государственного бюджета, количество человек моложе трудоспособного возраста;

2) расчетные показатели, например, ВВП на душу населения, коэффициент Джини, доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума.

В данной работе не преследуется цель представить показатели факторов социальной и экономической преступности, задача состоит в выделении показателей, размещенных на международных сайтах и отечественных сайтах государственных органов власти. В результате отобранные факторы вошли в четыре группы. Название группы факторов указано после римской цифры, название фактора – после арабской цифры, а показатели, которые позволяют оценить фактор, – после обозначения маркированного списка «-»:

I. Макроэкономические факторы:

1. Экономический рост:

- ВВП на душу населения;
- индекс физического объема ВВП;
- индекс производительности труда;
- перевозки грузов всеми видами транспорта;
- пассажирооборот по видам транспорта общего пользования;
- инвестиции в основной капитал;
- объем работ, выполненных по видам экономической деятельности;
- оборот розничной торговли.

2. Уровень инфляции:

- индекс-дефлятор ВВП;
- индексы потребительских цен на товары и услуги.

3. Безработица:

- уровень занятости;
- уровень безработицы;
- средний возраст безработных;
- доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков.

4. Состояние государственного бюджета:

- доходы государственного бюджета;
- расходы государственного бюджета;
- расходы бюджета на правоохранительную деятельность;
- расходы бюджета на образование в % к ВВП.

5. Налоговая система:

- налоговая нагрузка по видам экономической деятельности;
- задолженность по налогам и сборам в государственный бюджет.

II. Демографические факторы:

1. Прирост населения:

- естественный прирост в расчете на 1000 населения за год;
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- продолжительность жизни в возрасте 55 лет.

2. Структура населения:

- количество человек моложе трудоспособного возраста;

- количество человек трудоспособного возраста;
- численность пенсионеров на 1000 чел.;
- распределение населения по возрастным группам.

3. Миграция населения:

- миграционный прирост/убыль;
- внутренняя миграция;
- количество лиц, прибывших в страну.

III. Факторы уровня жизни:

1. Уровень доходов населения:

- валовой располагаемый доход домашних хозяйств;
- реальные денежные доходы населения;
- покупательная способность денежных доходов;
- доходы домашних хозяйств;
- среднедушевые денежные доходы населения.

2. Уровень расходов и потребления:

- фактическое конечное потребление домашних хозяйств;
- расходы на конечное потребление домашних хозяйств;
- индекс потребительской уверенности.

3. Уровень оплаты труда:

- реальная начисленная заработная плата работников организаций;
- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций;
- величина минимального размера оплаты труда.

4. Расслоение населения по уровню доходов:

- коэффициент Джини;
- децильный коэффициент.

5. Пенсионное обеспечение:

- отношение среднего размера назначенных пенсий к среднему размеру начисленной заработной платы работников организаций;
- средний реальный размер назначенных пенсий.

6. Уровень бедности:

- индекс материальной депривации;
- индекс социальной исключенности;
- величина прожиточного минимума;
- доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума.

IV. Социальные факторы:

1. Алкоголизм и наркомания:

- заболеваемость детей наркоманией;
- индекс физического объема продажи алкогольных напитков.

2. Уровень образования:

- валовой коэффициент охвата программами среднего профессионального и высшего образования;
- число образовательных организаций;
- количество выпускников по программам образования.

3. Туризм:

- число поездок иностранных граждан в Россию из стран дальнего зарубежья;
- доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации.

4. Урбанизация:

- плотность населения;
- распределение городских и сельских населенных пунктов по числу жителей;
- доля городов с численностью населения 100 тыс. человек и больше.

Отдельно были выделены показатели, которые не имеют официального источника данных, но которые представляют научный интерес при проведении криминологических исследований:

1. Безопасность страны и населения:

- удовлетворенность граждан степенью защищенности своих прав и свобод.

2. Экономический рост:

- цикличность развития экономики;
- масштаб теневого сектора экономики;
- количество выпускников по программам образования.

3. Оплата труда:

- различия и противоречия в видах, формах и условиях труда.

4. Ожидаемая полезность преступления:

- доход от преступления;
- степень наказания за совершение преступления;
- вероятность осуждения правонарушителя.

5. Образование:

- распределение численности занятых в экономике по уровню образования.

6. Уровень бедности:

- переселение семей из районов с высоким уровнем бедности в районы с низким уровнем бедности.

Первичные данные по группе этих показателей могут находиться в ограниченном доступе, быть получены при проведении специальных социологических исследований или быть выведены искусственно при проведении научных исследований.

Авторы, обращаясь к криминометрике, которая является новым направлением в отечественной криминологии, предлагают использовать системы показателей общедоступных баз данных для проведения углубленных исследований с прогностическими выводами. Использование полученных результатов позволит проводить количественные исследования по более глубокому изучению влияния социальных и экономических факторов на преступность, что может послужить основой для принятия конкретных управленческих решений по противодействию преступности в нашей стране.

Разумеется, охватить все многообразие предшествующих научных работ – непосильная задача, поэтому авторы будут благодарны за замечания и рекомендации по актуализации предложенных факторов. Также очевидно, что для каждого фактора преступности можно выделить и иные производные показатели, помимо приведенных в статье. Однако, на наш взгляд, для проведения большинства криминометрических исследований разработанный перечень показателей будет хорошей основой. В ином случае, исследователь может обратиться к статистическим источникам, которые указаны в тексте.

В работе не рассматривался характер влияния того или иного фактора на преступность, так как отнесение фактора к группе криминогенных или антикриминогенных является достаточно серьезной задачей, которая решается в рамках специальных исследований. Подобный анализ следует проводить по отдельным территориальным и временным уровням, по видам преступности, так как в различных случаях социальные и экономические факторы могут по-разному влиять на уровень преступности в зависимости от характера эмпирических данных. Этой проблеме, а также определению наличия и тесноты связи между представленными социальными и экономическими показателями и показателями преступности авторы планируют посвятить дальнейшие исследования.

Литература

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ст. 212.
3. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
4. Андриенко Ю. В. Экономика преступления: теоретическое и эмпирическое исследование определяющих факторов преступности: дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
5. Бабаев М. М., Шляпочников А. С. Экономические факторы в механизме преступного поведения // Советское государство и право. 1979. № 2.
6. Варчук Т. В. Криминология: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2002.
7. Глинский Я. И., Морозова Ю. В., Федьшина П. В. Актуальные проблемы криминологии: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016.
8. Криминология: учебник / под ред. В. Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006.
9. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: Юрист, 1997.
10. Криминология: учебник / под ред. Г. А. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
11. Латов Ю. В. Экономические детерминанты преступности в зарубежных странах (обзор криминометрических исследований) // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES. 2011. № 1.
12. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2005.
13. Мацкевич И. М. Причины экономической преступности: учеб. пособие. М.: Проспект, 2017.
14. Никитенко И. В. Влияние миграции на состояние организованной преступности (по материалам Дальневосточного региона) // Научный портал МВД России. 2011. № 4 (16).
15. Никитенко И. В. Миграционная безопасность азиатской части России: частная парадигма криминологического исследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 4 (29).
16. Номоконов В. А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2.
17. Причины преступности в России: монография / Ю. М. Антонян [и др.]. М.: ВНИИ МВД России; СПб.: Нестор-История, 2013.
18. Becker G. S. (1968), Crime and punishment: An economic approach, in *The economic dimensions of crime*, Springer, p. 13–68.
19. Cameron S. (1988). *The Economics of Crime Deterrence: A Survey of Theory and Evidence*. *Kyklos*, 41 (2), p. 301–323.
20. Fleisher B. (1966). The effect of income on delinquency. *The American Economic Review*, 56(1/2), p. 118–137.
21. Freeman R. B., (1991). *Crime and the Employment of Disadvantaged Youths*, NBER Working Paper № 3875. p. 42.
22. Friedman J., S. Hakim, and U. Spiegel *The Difference Between Short and Long Run Effects of Police Outlays on Crime* // *American Journal of Economics and Sociology*. 1989. 48. p. 177–191.
23. Fujii E. T., & Mak J. (1980). *Tourism and crime: Implications for regional development policy*. *Regional Studies*, 14 (1). p. 27–36.
24. Howsen R. M., & Jarrell S. B. (1987). *Some Determinants of Property Crime: Economic Factors Influence Criminal Behavior But Cannot Completely Explain the Syndrome*. *American Journal of Economics and Sociology*, 46(4). p. 445–457.
25. Lin V. L., & Loeb P. D. (1980). *An economic analysis of criminal activities in Mexico*. *Journal of Behavioral Economics*, 9(2), p. 25–39.
26. Ludwig J., Duncan G. J., & Hirschfield P. (2001). *Urban Poverty and Juvenile Crime: Evidence from a Randomized Housing-Mobility Experiment*. *The Quarterly Journal of Economics*, 116 (2), p. 655–679.
27. Markowitz S. (2000). *Criminal Violence and Alcohol Beverage Control: Evidence from an International Study* – NBER Working Paper, № . 7481. p. 33.
28. *The Economic Determinants of Crime: an Approach through Responsiveness Scores* G. Cerulli, M. Ventura, C. Baum (2018). *Boston College Working Papers in Economics*. № 948. p. 32.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985.7

ОПТИМИЗАЦИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАБАНДЫ ДРЕВЕСИНЫ

Лариса Васильевна Михайлова, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: lora.mihailova@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемных вопросов повышения качества расследования по уголовным делам о контрабанде древесины на основе методологии ситуационного подхода. Контрабанда древесины относится к числу наиболее латентных преступлений, раскрытие и расследование которых вызывает значительные сложности в доказывании. Автор обоснована необходимость оптимизации методики расследования контрабанды древесины, предложен алгоритм действий при проведении проверочных мероприятий и отдельных следственных действий.

Ключевые слова: контрабанда; древесина; лесоматериалы; СИТЕС; ЕГАИС Лес; методика расследования.

OPTIMIZATION OF METHODS OF INVESTIGATION OF WOOD SMUGGLING

Larisa Vasilyevna Mikhailova, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article is devoted to the study of problematic issues of improving the quality of investigation in criminal cases of wood smuggling based on the methodology of the situational approach. Timber smuggling is one of the most latent crimes, the detection and investigation of which causes significant difficulties in proving. The author substantiates the need to optimize the methods of investigation of wood smuggling, offers an algorithm of actions during verification activities and individual investigative actions.

Keywords: smuggling; wood; timber; CITES; USAIS Forest; methods of investigation.

Возрастающие объемы воздействия человека на окружающую среду сегодня принимают угрожающие размеры. Модель современного человеческого общества ориентирована на активное использование природных ресурсов. Предложения о снижении антропогенной нагрузки на природу пока не находят должной поддержки, а технологии, не наносящие вреда биосфере, не развиваются в необходимых масштабах. Однако уже сегодня абсолютно очевидно, что ресурсы нашей планеты не безграничны. В ближайшем будущем человечеству

придется искать альтернативные источники энергии и создавать систему неиссякаемого природопользования, поскольку это станет фактором физического выживания. В таких условиях лесные ресурсы были, есть и будут стратегическим запасом, имеющим огромное значение для поддержания экологического баланса на планете и социально-экономического развития отдельно взятого государства.

Россия по-прежнему остается одной из самых богатых стран мира по объему запасов древесины. Лесопокрытая площадь составляет более 700 млн га^{*}. Однако ситуация в современной лесной отрасли далека от идеальной. Государство несет огромные убытки от лесного браконьерства. По данным Всемирного банка, прямой экономический ущерб от незаконных рубок и иной преступной деятельности^{**}, связанной с незаконным оборотом древесины, составляет от 10 до 15 млрд дол. ежегодно^{***}. По данным ВНИИ лесной промышленности, более 21 млн м³ вывезенной древесины, или 22,9 % в общем объеме, сокрыто от учета и выведено из-под налогооблагаемой базы. Наиболее активна деятельность лиц, занимающихся контрабандными поставками леса и лесоматериалов (далее – древесины)^{***} в Дальневосточном федеральном округе, где из общего количества поставляемой за рубеж древесины половина имеет незаконное происхождение [6, с. 33–34].

Анализ уголовных дел, связанных с контрабандой древесины, показал, что при перемещении древесины в крупных объемах прослеживается деятельность транснациональных организованных групп. Примерная схема деятельности указанных групп выглядит следующим образом: организатор (заказчик), как правило, гражданин КНР, нанимает посредника – гражданина РФ, который создает или уже имеет статус юридического лица, ему иностранный гражданин передает денежные средства для приобретения и организации перемещения древесины за границу. Для осуществления противоправной деятельности подбирается группа, в которой распределяются функции: одни занимаются приобретением незаконной древесины, другие придают ей статус легальной путем манипуляций с документами, также в группу обязательно входят лица, обладающие познаниями в таможенной сфере.

Правоприменительная практика свидетельствует, что наиболее трудным является установление всех участников преступной цепочки и привлечение к уголовной ответственности организаторов. Разработанные на сегодняшний день методики по раскрытию и расследованию экологических преступлений, преступлений в сфере незаконного оборота леса и лесопродукции находятся в противоречии с имеющейся правоприменительной практикой и значительно ограничивают возможность тактического маневрирования с учетом криминалистического своеобразия данных преступлений. Анализ имеющихся криминалистических методик [1; 3; 5 и др.] позволяет утверждать, что многие авторы включают в их содержание следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений. При этом не учитывается, что до возникновения следственной ситуации первоначального этапа был проведен комплекс ОРМ с присущими ему типичными оперативно-розыскными ситуациями. Результаты изучения следственной практики показывают, что основными источниками информации, как правило, являются:

– сведения, поступившие из оперативных подразделений, собранные в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности (63 % случаев);

* Аналитическая записка «Состояние охраны лесов от незаконных рубок». URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (дата обращения: 31.05.2019).

** Мировой экспорт и заготовка деловой древесины в 2016 году. URL: <http://www.umocpartner.ru/statistics/mirovoj-ehksport-i-zagotovka-delovojj-drevesiny-v-2016-godu/> (дата обращения: 31.05.2019).

*** Под контрабандой в данной статье понимаются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, а именно перемещение через таможенную границу ЕАЭС в крупном размере стратегически важных ресурсов – лесоматериалов с использованием документов, заведомо содержащих недостоверные сведения о товарах.

– материалы, собранные таможенными органами в ходе проведения оперативных мероприятий (26 % случаев);

– материалы, собранные при расследовании другого преступления (7 % случаев).

Как видим, наиболее часто первичными данными являются сведения, поступившие из оперативных подразделений. В связи с этим считаем, что разработанные методические рекомендации необходимо расширить, дополнив их ситуациями, связанными с этапами проведения оперативно-розыскных мероприятий и их документирования (при этом не раскрывая сведений, которые законом отнесены к государственной тайне), собственно этапа расследования преступления, а также нейтрализации противодействия криминальной среды.

Представляется, что методические рекомендации о контрабанде древесины должны включать следующие элементы: информацию о способе и механизме совершения контрабанды древесины; информацию о преступной группе и лицах, в нее входящих; информацию о месте и времени перемещения древесины через таможенную границу, а также информацию о происхождении древесины; информацию о юридических лицах, вовлеченных в деятельность, связанную с оборотом леса и лесоматериалов; информацию о посредниках.

При рассмотрении частных криминалистических методик нельзя обойти вниманием способ совершения преступления, поскольку целый ряд возникающих следственных и оперативных ситуаций зависит от него. Считается наиболее эффективным путь от установления способа совершения преступления к его раскрытию [2].

Изучение судебно-следственной практики в сфере экспорта лесопродукции за 2015–2017 гг. показало, что основным способом совершения контрабанды древесины было получение по подложным документам разовых лицензий на экспорт древесины. Разработанная методика противодействия данному способу совершения преступления позволила выявить многочисленные факты контрабанды и иные сопутствующие преступления в сфере внешнеэкономической деятельности [6].

Рассмотрение уголовных материалов 2018–2019 гг. позволяет говорить, что в настоящее время контрабанда древесины совершается путем незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС лесоматериалов с использованием документов, заведомо содержащих недостоверные сведения о товарах, а именно разрешений на экспорт – СИТЕС. Наиболее полный механизм способа совершения преступления путем использования СИТЕС раскрывается при изучении следующих документов:

1) отражающих операции по экспорту древесины, к ним можно отнести заявление установленной формы на получение СИТЕС*, платежное поручение, контракт внешнеэкономической сделки, уставные документы, свидетельство о регистрации ЕГРА, устав организации, лесную декларацию (договор аренды лесного участка), государственный контракт, договор купли-продажи, базы данных единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней (далее – ЕГАИС Лес), товарно-транспортные документы, необходимые для перемещения груза и подтверждающие законность его происхождения;

* В соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза, утвержденными решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54, лес и лесоматериалы определенных видов включены в Перечень стратегически важных товаров и ресурсов, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923. В соответствии с разд. 2.7 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования» лес и лесоматериалы относятся к видам дикой флоры и фауны, подпадающих под действие Конвенции СИТЕС, к которым применяется разрешительный порядок вывоза с таможенной территории ЕАЭС. В соответствии с пп. «а» п. 2 Постановления Правительства РФ «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской Федерации, вытекающих из Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г., в отношении видов дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, кроме осетровых видов рыб» от 4 мая 2008 г. № 337 вывоз с территории Российской Федерации видов дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, их частей или дериватов, подпадающих под действие Конвенции, допускается при наличии разрешения (сертификата) Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, определенной административным органом, обеспечивающим выполнение обязательств Российской Федерации.

2) необходимых для занятия внешнеэкономической деятельностью, к которым относятся: таможенная декларация, лицензии, сертификаты, разрешения и (или) иные документы, необходимые для выпуска товаров в соответствии с ТК ТС (ТК ЕАЭС) и (или) иными международными договорами государств – членов таможенного союза; документы, подтверждающие совершение внешнеэкономической сделки, а в случае отсутствия внешнеэкономической сделки – документы, подтверждающие право владения, пользования и (или) распоряжения товарами, а также коммерческие документы, имеющиеся в распоряжении декларанта; документы, подтверждающие соблюдение запретов и ограничений; документы, подтверждающие соблюдение ограничений в связи с применением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер; документы, подтверждающие страну происхождения товаров в случаях, предусмотренных ТК ТС (ТК ЕАЭС); документы, на основании которых был заявлен классификационный код товара по товарной номенклатуре;

3) находящихся в Едином государственном реестре юридических лиц, Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, Департаменте Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (далее – Росприроднадзор), аудиторских фирмах, документах федерального агентства лесного хозяйства;

4) связанных с транспортировкой древесины, к которым относятся действующие и заключенные договоры с объектами, предоставляющими сервисные и посреднические услуги субъектам внешнеэкономической деятельности, на лесопогрузочных площадках, лесопилках.

Осуществляя расследование контрабанды древесины, следователь должен установить следующие обстоятельства:

1. Способ совершения преступления.
2. Кто организовал контрабандный вывоз.
3. Откуда перемещалась контрабандная древесина.
4. Какой транспорт был задействован в перевозке древесины.
5. Какие были представлены документы.
6. Кто является продавцом древесины, наличие данных в ЕГАИС Лес.
7. Размер нанесенного ущерба совершенным преступлением^{*}.

В процессе расследования необходимо проведение следственных действий в таком порядке:

- 1) проведение осмотра;
- 2) допрос задержанных лиц;
- 3) для сбора доказательств, направленных на фиксацию контрабанды, проведение обысков и выемок в следующих местах:

– в Департаменте Росприроднадзора в целях получения оригиналов документов (заявки на получение разрешений СИТЕС);

– в фирмах, указанных в договорах купли-продажи или договорах комиссии, в целях доказывания факта приема-передачи древесины и подделки документов на право владения;

– в Центре электронного декларирования таможен на получение таможенных деклараций, на основании которых лицами, обоснованно подозреваемыми в незаконном экспорте древесины, было осуществлено перемещение древесины или заявлено о ее перемещении. В тех случаях, когда незаконное перемещение древесины осуществлено, необходимо зафиксировать факт поступления на счет отправителя денежной суммы за поставленный товар;

- 4) допрос иных лиц;
- 5) назначение различных видов судебных экспертиз.

Важным блоком частной методики рассматриваемых преступлений будет участие специалиста, так как в ходе возбуждения и расследования уголовного дела о контрабанде древесины

^{*} В соответствии с примечанием 2 к ст. 226.1 УК РФ крупным размером стратегически важных товаров и ресурсов в настоящей статье признается их стоимость, превышающая 1 млн руб.

у следователей возникают проблемы, связанные с отсутствием специальных познаний в области биологии, лесоводства и т. п. На каждом из этапов – будь то этап проведения оперативно-розыскных мероприятий или этап расследования – возникает необходимость в помощи специалиста, так как участие специалиста дает возможность обнаружить источники ориентирующей или доказательственной информации.

Проведенное интервьюирование сотрудников следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел, занимающихся раскрытием и расследованием контрабанды древесины, показывает, что привлекали специалиста в следственных и процессуальных действиях 65,4 % респондентов; 38,3 % привлекали специалиста для дачи заключения; 53,7 % проинтервьюированных применяли специальные знания в форме допроса специалиста.

Участие специалиста в следственных действиях, по мнению Н. П. Яблокова, способствует ориентации следователя в незнакомой ему обстановке, помогает уяснить характер противоправной деятельности, обратить внимание на обстоятельства и вещественные доказательства, имеющие значение для раскрытия и расследования преступления [4, с. 434].

Изучение практики привлечения специалиста по делам, связанным с контрабандой древесины, свидетельствует, что наиболее эффективна его помощь в ходе проведения осмотра места происшествия, осмотра и обыска.

Как показывает практика, местами проведения данных следственных действий в основном являются площадки складирования незаконно заготовленной древесины, транспортные средства, таможенные пункты пропуска, помещения, арендуемые лицами, причастными к незаконной деятельности, государственные предприятия, занимающиеся выдачей документов на экспорт лесопродукции.

Наиболее информативно будет изучение совместно со специалистом древесины, а именно возраст, порода, категория, имеются ли поражения (насекомыми, биологические заболевания дерева), объем, а также способ рубки деревьев (срез ровный, характерный для отделения ствола дерева бензопилой, или же срез, характерный для отделения ствола дерева с помощью топора или другого предмета с ограниченной заостренной поверхностью).

В ходе проведения следственных действий необходимо уделять внимание документам, содержащим сведения о количестве и наименовании древесины; документам, подтверждающим принадлежность участка леса к определенному виду лесов (особо защитный участок и т. п.), а также документам о приостановлении, ограничении или прекращении деятельности лесопользователя (если нарушитель является лесопользователем), договорам аренды лесного участка или купли-продажи лесных насаждений. Также изъятию и осмотру подлежат журналы сдачи-приемки древесины, копии договоров купли-продажи лесоматериалов, корешки приходных кассовых ордеров и т. п.

В случае осмотра автотранспорта и (или) тяжелой техники подлежат фиксации в протоколе сведения о том, где находился автотранспорт, был он в исправном или неисправном состоянии. Обязательно необходимо указать все идентификационные признаки (номер двигателя и рамы, государственные регистрационные знаки), а также отличительные признаки данной техники; при необходимости – сведения о погрузочной технике (технические паспорта, договоры купли-продажи, аренды, журналы въезда-выезда автотранспорта на территорию складирования и т. п.).

Необходимо отметить, что указанный алгоритм можно использовать и в ходе оперативно-розыскных мероприятий, также с привлечением специалиста. Полученные результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть переданы следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

* Было проинтервьюировано 63 сотрудника, находившихся на курсах повышения квалификации в Дальневосточном юридическом институте МВД России. Сумма значений ответов превышает 100 %, так как интервьюируемые давали несколько ответов.

Изложенное указывает на то, что еще одним назначением формируемых методических рекомендаций могут и должны стать ситуации, связанные с этапами проведения оперативно-розыскных мероприятий и их документирования, и ситуации нейтрализации противодействия криминальной среды. Следует отметить, что предложенные тактические алгоритмы проведения осмотра места происшествия, обследования или обыска по уголовным делам о контрабанде древесины предоставляют возможность выбрать конкретные тактические средства, детерминируемые имеющейся информацией.

Литература

1. Волчецкая Т. С. Методические основы расследования экологических преступлений: ситуационный подход // Экологическая безопасность и ее правовое обеспечение. Калининград, 1999.
2. Гетман Н. И., Степаненко Ю. В. Предупреждение и раскрытие преступлений в пассажирских поездах: учеб. пособие. Орел: Орловский юрид. ин-т МВД России, 1999.
3. Королев А. В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом леса и лесопродукции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
4. Криминалистика: учебник / под ред. Н. П. Яблокова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
5. Осипова Е. В. Теоретические и практические проблемы расследования экологических преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2005.
6. Рубцова М. Состояние законности, борьбы с преступностью в сфере экспорта леса // Законность. 2018. № 2 (1000).

УДК 343.98

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СПЕЦИАЛИСТА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ИЗЪЯТИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Мария Викторовна Серебрянникова, заместитель начальника кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: ms050307@mail.ru

В статье внимание автора сконцентрировано на некоторых проблемах правоприменения ст. 164 и 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, исследуется вопрос о необходимости участия специалиста при производстве следственных действий, связанных с обнаружением и изъятием информации, содержащейся на электронных носителях. Автором предпринята попытка обосновать привлечение в данном случае специалиста на усмотрение органов предварительного расследования.

Ключевые слова: расследование; преступление; следственные действия; специалист; изъятие; вещественные доказательства; электронные носители информации.

TO THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF THE SPECIALIST IN THE INVESTIGATIVE ACTIONS RELATED TO THE REMOVAL OF ELECTRONIC MEDIA OF INFORMATION

Maria Victorovna Serebryannikova, deputy head of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

In the article, the author's attention is focused on some problems of the enforcement of Art. 164 and 164.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In particular, the question of the need for the participation of a specialist in the production of investigative actions related to the detection and seizure of information contained on electronic media is investigated. The author made an attempt to justify the involvement of a specialist in this case at the discretion of the preliminary investigation authorities.

Keywords: investigation; crime; investigative actions; specialist; seizure; material evidence; electronic media of information.

В настоящее время электронные носители информации играют существенную роль в следственной практике, поскольку они могут быть не только носителями материальных следов преступления, но и содержать информацию, свидетельствующую о неправомерной деятельности лиц, которая также в ходе расследования приобретает статус вещественного доказательства.

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации термин «электронный носитель информации» был включен лишь летом 2012 г. [3], интерес со стороны органов предварительного расследования к данным объектам как источникам доказательств появился намного раньше и со временем постоянно повышается [7, с. 8–16]. При этом у органов предварительного расследования возникает все больше сложностей и вопросов, связанных как с поиском и обнаружением непосредственно самих носителей электронной информации, так и с изъятием значимой для расследования информации с данных устройств. Указанные обстоятельства можно объяснить в том числе непрерывным развитием информационных и компьютерных технологий, а также тем, что для поиска электронных носителей информации иногда нельзя использовать оборудование, применяемое сотрудниками

правоохранительных органов для обнаружения и изъятия других предметов и устройств [12, с. 265–270].

Особые сложности появились у сотрудников органов предварительного расследования с конца 2018 г., когда в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был внесен ряд, по нашему мнению, очень противоречивых и спорных изменений и дополнений относительно порядка изъятия электронных носителей в ходе следственных действий [2].

Так, действующая редакция ч. 2 ст. 164 УПК РФ устанавливает, что электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. Остановимся подробнее именно на данной норме закона.

Во-первых, довольно трудно понимать, что именно (какие материальные объекты) следует относить к электронным носителям информации. На законодательном уровне содержание данного определения до сих пор не закреплено, в связи с этим у сотрудников правоохранительных органов в ходе раскрытия и расследования преступлений возникают некоторые сложности.

Во-вторых, если в ходе следственных действий возникает необходимость изъятия простейших электронных носителей информации, как например, CD-диски, флеш-накопители и т. п., осмотр и исследование которых невозможен на месте их изъятия, то с какой целью в данных ситуациях необходима помощь специалиста? Полагаем, что в подобных случаях следователь или дознаватель с учетом требований уголовно-процессуального законодательства и криминалистических правил сможет самостоятельно выполнить действия по изъятию и упаковке электронных носителей информации.

Электронные носители информации, которые имеют доказательственное значение при расследовании и раскрытии уголовных дел, могут иметь различную техническую систему: от самых простых устройств, с которыми может разобраться любой обыватель, до сложнейших систем. Говоря о сложноустроенных электронных носителях информации, очевидно то, что их неквалифицированный осмотр, попытка их подключения, поиска и изъятия с них информации могут привести к полному или частичному уничтожению информации. Именно с этим связано то, что при изъятии данных электронных носителей информации и копировании с них информации следует привлекать специалистов, обладающих познаниями в области компьютерной техники и программирования [10, с. 17–19].

При этом, столкнувшись при проведении следственных действий с неизвестными электронными носителями информации, с устройствами кустарного производства, даже у высококвалифицированного специалиста могут возникнуть трудности с изъятием подобных устройств и, в особенности, с копированием с них значимой информации. Более того, даже на более простых электронных носителях информация может быть уничтожена или зашифрована. Поэтому непосредственно на месте проведения следственного действия затруднительно соблюсти абсолютную точность исполнения ст. 164.1 УПК РФ, так как для анализа следователем информации, содержащейся на электронном носителе, необходимы ее осмотр и производство экспертного исследования, что требует изъятия технического устройства вместе с электронным носителем информации.

Наглядно иллюстрирует необходимость участия специалиста при производстве следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей, следующий пример. Так, привлеченный к осмотру электронных систем навигации специалист Ф., являющийся начальником отдела информационных технологий и связи по г. Магнитогорску, дал пояснения о том, что установленные на автомобилях системы GPS и «ГЛОНАСС» путем подключения к спутнику определяют координаты места нахождения и передают их в диспетчерский центр, где можно визуальным образом наблюдать маршрут движения транспортного средства, скорость, места и продолжительность остановок. При возникновении неточностей может отображаться движение автомобиля не по дороге, а по домам. В случае ввода координат с навигатора, приложение будет настроено и найдут отражение запросы о вводе градусов, минут и секунд. В случае

ввода координат с клавиатуры компьютера, обязательно нужно преобразовывать их с помощью алгоритмов и формул, широта и долгота будут состоять из двух частей, при необходимости требуется дополнительное введение символов [8, с. 58–60]. Очевидно, что подобные действия следователь может осуществить лишь в ходе следственного осмотра электронного носителя информации с привлечением специалиста, а не в процессе его изъятия. Благодаря познаниям специалиста, в данном случае следователь сможет выстроить правильные версии и определить необходимые последующие следственные действия.

В-третьих, анализ правоприменительной практики, а также результаты исследований некоторых ученых показывают, что электронные носители информации изымаются чаще всего в ходе таких следственных действий, как обыск и выемка, при этом обыск проводится в два раза чаще, чем выемка [14, с. 59–60]. В то же время не исключены случаи, когда электронные носители информации изымаются в ходе других следственных действий, например, в ходе осмотра места происшествия. В данном случае также можно рассмотреть две типичные ситуации: когда осмотр места происшествия проводится по поступившему сообщению о преступлении в рамках предварительной проверки материалов либо когда следственное действие проводится уже в ходе расследования уголовного дела.

При этом именно в ходе производства осмотра места происшествия следователи сталкиваются со случаями, когда электронные носители информации обнаруживаются незапланированно (в дежурные сутки), а их изъятие представляет особый интерес для дальнейшего расследования. Возникает вопрос: специалист какого профиля, в какой области знаний вправе участвовать при изъятии таких электронных носителей информации? Достаточно ли специальных знаний на данные действия у специалиста, входящего в следственно-оперативную группу, прибывшую на место происшествия, либо все-таки необходимо приглашать и дожидаться специалиста, обладающего знаниями в сфере компьютерно-информационных технологий, что в организационно-тактическом плане осуществить довольно затруднительно? И если ранее следователь мог самостоятельно изъять электронный носитель информации целиком, без участия специалиста, то теперь, в соответствии со ст. 164.1 УПК РФ, это стало невозможным.

Кроме того, в ходе осмотра места происшествия по уже возбужденному уголовному делу при обнаружении электронного носителя информации, который может содержать в себе сведения, имеющие значение для уголовного дела, у следователя есть время на вызов соответствующего специалиста и окончание осмотра места происшествия без его участия, а уже по прибытии специалиста провести изъятие обнаруженного электронного носителя информации в рамках выемки.

Между тем, как поступить следователю, например, при проведении осмотра места происшествия в дежурные сутки, когда появилась необходимость изъять электронные носители информации, в то время как информация о признаках преступления еще не собрана, решение о возбуждении уголовного дела не принято и выемку следователь проводить не имеет права? Следует ли изымать электронные носители информации в качестве материальных предметов, не обращая внимания на то, что они являются электронными носителями информации?

К сожалению, практика применения ст. 164.1 УПК РФ еще не налажена, возможно в дальнейшем законодательно будут решены данные проблемы. Полагаем, что в настоящее время главной задачей следователя становится изъятие электронного носителя целиком в целях сохранения информации на данном устройстве. Это подтверждается и судебной практикой, при анализе которой установлено, что в большинстве своем вопрос о необходимости привлечения специалиста решается исходя из того, осуществлялось ли копирование сведений, содержащихся на изъятых электронных носителях информации, на другие электронные устройства [11, с. 61–63].

До введения в действие ст. 164.1 УПК РФ решение вопроса о привлечении специалиста к следственным действиям, не указанным в ст. 182 и 183 УПК РФ, в ходе которых изыма-

ются электронные носители информации, представлялось на усмотрение следователя. При этом уже тогда учеными высказывались предложения о расширении института усмотрения следователя путем внесения изменений в ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ. Так, например, А. Р. Гузин и Ю. М. Валиева предлагали дополнить указанные нормы следующим положением: «Допускается изъятие электронных носителей информации без участия специалиста, если электронные носители информации изымаются целиком и изъятие производится без копирования содержащейся на них информации» [5, с. 35]. Однако законодатель, напротив, полностью исключил ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ и, введя ст. 164.1 УПК РФ, ограничил институт усмотрения следователя, сделав обязательным привлечение специалиста при производстве следственного действия любой сложности, связанного с изъятием электронного носителя информации.

Свою позицию по данной проблеме высказывал М. В. Старичков [15, с. 119–125], исследуя ситуации, когда происходит изъятие следователями простейших электронных носителей информации. К таким устройствам относят MP-3 плеер, сотовые телефоны, флеш-носители, диски, фотоаппараты и т. д. Данные устройства просты в обращении и не требуют специальных знаний для их изъятия, а при необходимости разблокирования таких устройств, восстановления удаленной информации и других проблемных ситуациях всегда есть возможность направления изъятых электронных носителей информации на соответствующие экспертизы или привлечения специалистов при их осмотре. Поэтому необходимость привлечения специалиста при изъятии простейших электронных носителей не имеет смысла.

Аналогичную позицию по поводу изъятия простых электронных носителей информации высказывал Д. В. Климов. По его мнению, помощь специалиста в обязательном порядке требуется именно при копировании информации, содержащейся на электронных носителях, при изъятии же простых электронных устройств, например, сотовых телефонов, флеш-карт и дисков, следователю достаточно обывательских знаний о данных устройствах [9, с. 154–155]. Такой же точки зрения придерживаются и другие авторы [16, с. 234–236; 19, с. 153].

Мы полностью согласны с указанной позицией и полагаем, что такой подход значительно упростил бы процедуру проведения следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации, повысив тем самым результативность следственного действия и оперативность получения криминалистически значимой информации.

Отметим также, что А. В. Булыжкин и В. Ф. Васюков, изучая данную проблему и анализируя судебную практику о признании доказательств по уголовным делам недопустимыми, особое внимание обратили на протоколы следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации, которые были проведены без участия специалиста. В результате исследования авторы также пришли к выводу, что в ходе расследования преступления общеуголовной направленности при изъятии электронного носителя информации вместе с его носителем специальные знания могут быть использованы по усмотрению следователя. Кроме того, авторами высказана позиция о том, что при расследовании данной категории преступлений не требуется обязательное привлечение специалиста, так как это имеет смысл только при раскрытии узконаправленных преступлений в экономической сфере [6, с. 203–209].

В данном случае, на наш взгляд, подчеркивать значение электронных носителей информации только при раскрытии и расследовании преступлений в экономической сфере не совсем верно. Совершенно очевидно, что помощь специалиста может потребоваться и при раскрытии иных преступлений, например, в сфере незаконного оборота оружия или наркотических средств, когда практически вся преступная деятельность осуществляется посредством использования информационно-компьютерных технологий.

Между тем Е. П. Пашкова, Н. В. Филиппова и А. Е. Самарцева выделяют ряд ситуаций, которые должны быть, по их мнению, уточнены в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Именно в данных ситуациях, возникших при проведении следственного действия, связан-

ного с изъятием электронных носителей информации, необходимо в обязательном порядке привлекать соответствующего специалиста [18, с. 70–72]. К данным ситуациям они относят такие, которые возникают:

- 1) при поиске значимой для расследования уголовного дела информации непосредственно в сервере, который может связывать несколько электронных носителей информации за пределами территории обыскиваемого помещения;
- 2) при отключении электронных носителей информации и других технических устройств от локальной сети Интернет;
- 3) когда следователь затрудняется определить электронный носитель информации или опасается повредить находящуюся на нем информацию;
- 4) при копировании информации в ходе производства следственного действия с изымаемого электронного носителя информации.

Последнюю ситуацию рассмотрим более детально. В настоящее время законодательно закреплено право законного владельца информации на получение копии информации, содержащейся на изымаемом электронном носителе, за исключением случаев, указанных в ст. 164.1 УПК РФ. По мнению Е. И. Третьяковой, введение данного права нацелено на обеспечение сохранности информации, содержащейся на изымаемых электронных носителях [17, с. 186–191].

При этом копирование должно осуществляться в процессе изъятия электронных носителей информации по ходатайству их законного владельца специалистом, участвующим в проведении следственного действия, в ходе которого изымается электронный носитель информации. В то же время сам законный владелец изымаемых электронных носителей информации должен предоставить устройства для копирования. Кроме того, при копировании информации обязательно привлечение двух понятых.

Между тем законодатель предусмотрел обстоятельства, когда следователь может отказать законному владельцу изымаемых электронных носителей в копировании содержащейся на них информации:

- 1) владелец электронного носителя информации не обладает полномочиями на хранение и использование информации, содержащейся на изымаемом электронном носителе;
- 2) содержащаяся на изымаемом электронном носителе информация может быть использована для совершения новых преступлений;
- 3) копирование содержащейся на изымаемом электронном носителе информации, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Следует обозначить еще одну проблему – когда в ходе следственного действия на электронных носителях могут быть обнаружены огромные объемы информации, изучить которую детально в рамках проведения следственного действия, предусматривающего поиск и изъятие электронных носителей информации, невозможно. По данному вопросу высказывались А. В. Шмонин, В. В. Баранов [20, с. 233–244], В. В. Семенчук и В. Б. Батоев [4, с. 9–14]. В своих работах авторы также затрагивают проблемы определения права лица, у которого изымаются электронные носители информации, на копирование содержащейся на них информации, так как нередко в ней имеются сведения, которые могут использоваться для дальнейшего совершения преступлений (например, реквизиты банковских карт). Эти сведения легко могут быть замаскированы в большом по объему текстовом документе. Очевидно, что на подробное изучение каждого документа при проведении следственного действия, в ходе которого изымается электронный носитель информации, попросту нет времени.

Полагаем, что вариант решения указанных проблем может быть заимствован из ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1], а именно: ввести в уголовно-процессуальное законодательство норму о возможности передачи законному владельцу скопированной информации в течение пяти дней после ее изъятия в тех случаях,

когда скопировать информацию в ходе проведения следственного действия невозможно или нецелесообразно в рамках раскрытия или расследования конкретного преступления.

Таким образом, полагаем, что в настоящее время, исходя из целей уголовного судопроизводства, необходимо предоставить органам предварительного расследования право изымать электронные носители информации в ходе следственных действий с привлечением специалиста по их усмотрению. Изъятие электронных носителей информации без участия специалиста возможно, если эти электронные носители информации изымаются целиком и их изъятие производится без копирования содержащейся на них информации. Кроме того, данное право должно распространяться на все преступления, в том числе и на те, которые перечислены в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ. При этом копирование информации возможно по письменному заявлению законного владельца электронных носителей информации в течение 5 дней после их изъятия и только с участием специалиста.

В заключение отметим, что спектр криминального использования возможностей современных компьютерных технологий достаточно широк: завладение личной информацией о владельце электронного носителя информации и использование ее в преступных целях; незаконное завладение его денежными средствами посредством компьютерных технологий; организация незаконных вооруженных формирований; осуществление экстремистской деятельности [13, с. 86–90]; сбыт и приобретение предметов и веществ, запрещенных в гражданском обороте, и др. Поэтому для выявления, расследования и раскрытия преступлений следователю (дознавателю) необходима доказательственная база, получаемая в том числе посредством исследования электронных носителей информации. Для исследования информации и проведения экспертиз следователем в ходе расследования осуществляется изъятие различных компьютерных устройств, мобильных телефонов, процессоров, дисков, флэш-носителей и т. п. Данные устройства направляются на исследование, осматриваются и приобщаются к уголовному делу. На наш взгляд, в настоящее время существует необходимость в разработке методических рекомендаций, которые помогут следователям осуществлять четкий алгоритм действий в случае обнаружения, изъятия и приобщения электронных носителей информации к уголовному делу, с учетом различных следственных ситуаций.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2.
5. Валиева Ю. М., Гузин А. Р. Проблемы регламентации собирания электронной информации в действующем законодательстве // *Juvenis scientia*. 2017. № 1.
6. Васюков В. Ф., Бульжкин А. В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // *Российский следователь*. 2016. № 6.
7. Вехов В. Б., Ковалев С. А. Особенности использования специальных знаний для получения доказательственной информации при исследовании электронных мобильных устройств // *Судебная экспертиза*. 2016. № 4 (48).
8. Зуев С. В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // *Законность*. 2018. № 4.
9. Климов Д. В. О необходимости привлечения специалиста для изъятия электронных носителей информации в ходе производства обыска и выемки // *Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства*. 2016. № 3 (86).
10. Козловский П. В., Седельников П. В. Участие специалиста в изъятии электронных носителей // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2014. № 1 (52).

11. Крюкова Т. С. Некоторые проблемы законодательного регулирования изъятия электронных носителей информации в процессе осуществления следственных действий // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11).
12. Мещряков В. А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. 2013. № 5.
13. Серебрянникова М. В., Шахова Я. О. Значение электронных носителей информации в расследовании преступлений экстремистской направленности // Правовая культура России: современное состояние и тенденции развития: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. (г. Хабаровск – г. Южно-Сахалинск, 7–9 ноября 2019 г.) / под общ. ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2019.
14. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей информации: учеб. пособие / В. Ф. Васюков [и др.]. М.: Проспект, 2017.
15. Старичков М. В. Вопросы использования носителей компьютерной информации в качестве доказательств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2–2.
16. Старичков М. В. Устройства мобильной связи как источник криминалистической информации // Криминалистические чтения на Байкале: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015.
17. Третьякова Е. И. Соблюдение конституционных прав при осмотре мобильного телефона // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: ВСИ МВД России, 2018. № 4 (8).
18. Филиппова Н. В., Пашкова Е. П., Самарцева А. Е. К вопросу об изъятии электронных носителей в процессе производства следственных действий // Вопросы науки и образования. 2018. № 1.
19. Шаевич А. А., Родивилин И. П. Об участии специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе производства обыска и выемки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск, 2013. Вып. 3–4.
20. Шмонин А. В., Баранов В. В. Организация выявления, раскрытия и расследования хищений денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания: учеб.-практ. пособие. М.: Акад. упр. МВД России, 2014.

УДК 343.98

МЕТОДЫ (ТЕХНИКИ) СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ, ИСПОЛЪЗУЕМЫЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Марина Олеговна Янгаева, преподаватель Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: marina-yuo@mail.ru

Автор, опираясь на статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации, определяет киберпреступность как набирающую обороты. В статье приводятся данные социологических исследований американской аналитической компании Purplesec. Социальная инженерия рассматривается как способ совершения преступлений в сфере компьютерной информации. Выделены и проиллюстрированы восемь наиболее известных техник (методов) применения социальной инженерии: фишинг, вишинг, претекстинг, «троянский конь», «вымогатель», «кви про кво», «дорожное яблоко», обратная социальная инженерия.

Ключевые слова: криминалистика; социальная инженерия; техники социальной инженерии; киберпреступник; способ совершения преступления.

METHODS (TECHNIQUES) OF SOCIAL ENGINEERING USED IN THE COMMISSION OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Marina Olegovna Yangaeva, lecturer of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The author, based on statistical data of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, defines cybercrime as a growing one. The article presents data from sociological research conducted by the American analytical company Purplesec. Social engineering is seen as a way to commit crimes in the field of computer information. Eight most well-known techniques (methods) of social engineering application are highlighted and illustrated: phishing, vishing, pretexting, «trojan horse», «extortionist», «qui pro quo», «road apple», and reverse social engineering.

Keywords: forensics; social engineering; social engineering techniques; cybercriminal; method of committing a crime.

Сегодня современную жизнь невозможно представить без информационно-телекоммуникационных технологий. Наш мир окутан информационными потоками, и одной из приоритетных задач любого государства является обеспечение информационной безопасности ее граждан.

С каждым годом киберпреступлений становится все больше. По данным МВД России, в 2017 г. было зарегистрировано 1883 преступления в сфере компьютерной информации, в 2018 г. – 2500, в 2019 г. – 294409, в январе - июле 2020 г. – 272737, при этом 87 % таких преступлений остаются нераскрытыми*.

По статистическим показателям видно, с какой скоростью набирает обороты киберпреступность, чего не скажешь о показателях направления уголовных дел по этим преступлениям в суд (в 2019 г. направлено в суд 57221 дело, в первом полугодии 2020 г. – 47098 дел), что связано со сложностью расследования киберпреступлений, а также с недостаточностью в право-

* Состояние преступности в России: за январь – декабрь 2017 г.; январь – декабрь 2018 г.; январь – декабрь 2019 г.; январь – июль 2020 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru>.

охранительных органах специалистов в сфере компьютерных технологий. Проанализировав статистические данные Министерства внутренних дел РФ, констатируем, что преступления, связанные с киберпреступностью, сложны в расследовании, а также нуждаются в кадрах с достаточно интеллектуальным потенциалом

Необходимо отметить, что в большинстве случаев при совершении киберпреступлений технические средства защиты информации работают исправно, а вот пользователь оказывается очень доверчивым.

К сожалению, излишняя доверчивость к незнакомым людям может превратить человека в «слабое звено» в системе информационной безопасности. Слишком часто взломы возможны не из-за технических недостатков, а из-за того, что люди позволяют преступникам убедить себя в чем-то и теряют бдительность.

Искусный метод управления психологией человека без использования технических приемов взломов для получения персональной информации, доступа к чему-либо называется социальной инженерией [3, с. 86]. Социальная инженерия направлена на человеческие слабости, интерес, невнимательность, наивность, легкомыслие.

Кевин Митник, известный киберпреступник, а ныне консультант по безопасности, еще в 1990-е гг. первым стал популяризировать термин «социальная инженерия». Он считал, что ни один технический код не сможет так обмануть человека, как психологические умения и навыки преступника [2, с. 55–60].

Сегодня социальная инженерия по-прежнему популярна среди способов, используемых киберпреступниками. Согласно статистике PhishMe, за 2013–2016 гг. мошенничество с использованием социальной инженерии нанесло убытков по всему миру в сумме более 5 млрд дол. Правоохранительные органы наблюдают все же рост числа смешанных атак, основанных на сочетании социальной инженерии и вредоносного программного обеспечения.

Американская аналитическая компания Purplesec провела интервьюирование и анкетирование мировых IT-специалистов: 43 % из них рассказали, что они в разное время становились объектами атак социальной инженерии; 60 % респондентов считают, что новые сотрудники наиболее подвержены подобным атакам и что они подвергают рискам компании, в которых работают; только 3 % сотрудников сообщают руководству компании о вредоносных письмах. Также Purplesec выяснила, что 21 % нынешних или бывших IT-специалистов компаний используют социальную инженерию, чтобы получить финансовое преимущество, ради мести, из любопытства или ради удовольствия**.

И в Российской Федерации большинство хищений с банковских счетов проводится с помощью техник социальной инженерии (69 %). В своем интервью С. Кузнецов, заместитель председателя ПАО «Сбербанк», рассказал, что в 2017 г. доля социальной инженерии составляла 75 % от всего кибермошенничества, в 2018 г. – 79 %, в 2019 г. – 89 %, а в 2020 г. уже достигла 90 %. Он также отметил, что в обозримом будущем этот тренд не изменится и мошенники продолжат пользоваться низкой киберграмотностью***. В связи с этим Сбербанк выступил с инициативой включить в Уголовный кодекс РФ нормы, содержащие ответственность за кражу SIM-карт, фишинг и социальную инженерию. Министерство внутренних дел РФ, напротив, считает нецелесообразным перегружать Уголовный кодекс РФ новыми статьями, и с ним солидарно адвокатское сообщество, поскольку действующие уголовно-правовые нормы в полной мере охватывают названные преступления (ст. 158 «Кража», ст. 159

* URL: <https://cofense.com/wp-content/uploads/2017/11/Enterprise-Phishing-Resiliency-and-Defense-Report-2017.pdf>. (Дата обращения: 24.08.2020).

** URL: <https://purplesec.us/resources/cyber-security-statistics/> (Дата обращения: 24.08.2020).

*** URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/04/2020/5e988cc29a7947ff6c7b4e6e6e ПИРО СБЕРБАНК (Дата обращения: 18.08.2020).

«Мошенничество», ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» и ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации»)*.

Традиционно в криминалистике под способом совершения преступления понимают «систему действий по подготовке, совершению и сокрытию общественно опасного деяния, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности, которые могут быть связаны с использованием соответствующих орудий, средств, условий места и времени» [1, с. 16–17].

Необходимо пояснить, что преступления, совершаемые в сфере компьютерной информации посредством социальной инженерии, тщательно готовятся - собирается информация, подготавливается программное обеспечение, подыскиваются соучастники и т. д., также продумываются способы сокрытия преступления.

Рассмотрим наиболее распространенные способы социальной инженерии, используемые киберпреступниками. К ним относятся:

1. Фишинг (Phishing) (электронной почты, текстовых сообщений, «подводная охота») является наиболее популярным способом социальной инженерии. Целенаправленные фишинговые атаки являются главной угрозой информационной безопасности - так считают 56 % лиц, работающих в сфере ИТ. Компания Purplesec проанализировала мнения респондентов со всего мира по поводу фишинговых атак и привела такие данные: в 2017 г. – 76 % опрошенных были подвержены фишинговым атакам, в 2018 г. – 83 %.

Наиболее распространенные типы вредоносных вложений:

- 1) офис – 38 %;
- 2) архив – 37 %;
- 3) pdf файлы – 14 %;
- 4) исполняемые файлы – 4% **.

Задачей **фишинга электронной почты** является отправка большому количеству пользователей спам-сообщений на адрес их электронной почты, при этом сообщение выглядит так, как будто оно было отправлено компанией или организацией, которой человек доверяет. Подобные электронные письма легко создавать, используя готовые фишинговые наборы, которые содержат предварительно разработанные шаблоны электронных почт известных компаний. В спам-письме содержится ссылка на фишинговый сайт, предназначенный для сбора имен пользователей и паролей. Около 50 % фишинговых сайтов используют технологию HTTPS***.

Согласно данным компании Symantec, которая занимается разработкой программного обеспечения в области информационной безопасности и защиты информации, 55 % всех электронных писем являются спамом****. Многим пользователям удается обнаружить спам, но из-за большого потока писем ослабляется способность обнаруживать более тонкие уловки киберпреступников, встроенные в сообщения.

Пользователями открываются около 30 % фишинговых сообщений, а 12 % этих пользователей все же кликают на вредоносные вложения или ссылки, 66 % вредоносных программ устанавливаются через вредоносные вложения электронной почты.

Фишинг текстовых сообщений SMS (Smishing) – это тип фишинга, который распространяют на планшет, смартфон или смарт-часы. Потерпевшие обычно получают текстовое сообщение от неизвестного отправителя, информирующее их о каком-либо специальном предложении, конкурсе, в котором они выиграли. Текст содержит ссылку на поддельный (зер-

* URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/05/2020/5ec2e5259a7947b2c1755c59?utm_source=amp_full-link (дата обращения: 18.08.2020).

** URL: <https://purplesec.us/resources/cyber-security-statistics/> (дата обращения: 24.08.2020).

*** Там же.

**** URL: <https://www.symantec.com/content/dam/symantec/docs/reports/istr-23-2018-en.pdf> (дата обращения: 24.08.2020).

кальный) сайт, предназначенный для сбора учетных данных для входа, который на первый взгляд кажется оригинальным. Он имеет логотип компании, контент, форму для ввода данных.

Например, в 2003 г. большое количество пользователей получили сообщение от компании eBay, в котором говорилось, что их учетная запись будет заблокирована, если они не перейдут по ссылке для обновления информации о банковской карте.

«**Подводная охота**» – это фишинговая атака, нацеленная на одного человека или небольшую группу людей. В отличие от типичного фишинга, который преднамеренно универсален и электронные письма рассылаются большому количеству пользователей в случайном порядке, при использовании «подводной охоты» киберпреступники заранее ищут учетные записи конкретных пользователей в социальных сетях и используют информацию, полученную из фотографий, статуса, семейного положения, дат рождения, мест проживания, работы и любой другой общедоступной информации, в своих преступных целях.

2. Вишинг (Vishing) (голосовой фишинг) - использование социальной инженерии в телефонной сети для получения доступа к личной и финансовой информации потерпевшего. Также используется в разведывательных целях для сбора информации об организации, компании. Этот вид атаки может использовать систему интерактивного голосового ответа (IVR). Воссоздав копию IVR банка, преступники предлагают (через ложную электронную почту) позвонить в свой банк по номеру (желательно бесплатному) для проверки информации. Копия системы IVR банка будет отклонять входы потерпевшего. Далее копия системы IVR банка передает звонок потерпевшего киберпреступнику, который выступает в роли сотрудника банка для дальнейшего опроса потерпевшего.

3. Претекстинг - еще один способ социальной инженерии. Это заранее грамотно написанный сценарий действий преступника, результатом которого является в 80 % случаев полученная от потерпевшего информация, необходимая киберпреступнику. Данный способ используется при телефонном звонке.

4. «Троянский конь» – вид вредоносной программы. Компьютерные трояны содержат в себе разрушительную нагрузку. Вложения электронной почты, содержащие скрытые вредоносные программы, являются формой трояна. Хитрость заключается в том, что электронная почта, с которой отправляется вредоносный файл, исходит от надежного отправителя (коллега, друг, член семьи или сотрудник компании, с которой вы ведете бизнес).

5. «Вымогатель» – это тип вредоносного программного обеспечения, которое удерживает ваши файлы (зашифровывает их) с целью выкупа их у киберпреступников. Людям, которые хотят вернуть (расшифровать) свои ценные данные, преступники предлагают их выкупить.

6. «Кви про Кво» («услуга за услугу»). Киберпреступник под видом сотрудника технической поддержки информирует потерпевшего по телефону, что необходимо провести профилактические мероприятия на персональном компьютере, или спрашивает у потерпевшего, есть ли какие-либо проблемы с компьютером. Затем преступник решает технические проблемы (или делает вид), вместе с тем устанавливает программу, которая будет передавать ему данные с этого компьютера для осуществления его преступных целей.

7. «Дорожное яблоко» (Baiting) (приманка) – это метод, в основе которого лежат признаки «троянского коня». Различие лишь в том, что данный метод подразумевает применение физических носителей (внешние накопители информации, поддельываемые киберпреступником под официальные), которые преступники намеренно оставляют в общественных местах так, чтобы они могли быть быстро обнаружены заинтересованными лицами. Как только лицо, обнаружившее накопитель, подключит его к компьютеру, произойдет передача информации киберпреступнику.

8. Обратная социальная инженерия. Киберпреступник создает такую ситуацию, когда лицо само обращается к нему для решения каких-либо вопросов и сообщает ему свои персональные или иные данные.

Приведенный перечень техник (методов) социальной инженерии, используемых киберпреступниками в настоящее время, с учетом быстрого развития информационных технологий, не является исчерпывающим.

Одной из главных задач сегодня является обучение пользователей персональных компьютеров выявлению атак на начальном уровне. Обнаружение подозрительных ключевых слов в сообщениях, электронных письмах и телефонных разговорах поможет в своевременной блокировке потенциальной атаки.

Для информирования граждан о методах (техниках) социальной инженерии можно воспользоваться социальной рекламой, размещенной в общественном транспорте, на улицах в виде баннеров, на экранах телевизоров и т. д.

Считаем, что необходимо законодательно закрепить понятие «социальная инженерия». Образовательным организациям высшего и среднего профессионального образования ввести в курс «Криминалистика» информацию о техниках социальной инженерии и способах противодействия им.

Литература

1. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.
2. Митник К. Д., Саймон В. Л. Искусство обмана. URL: www.litmir.me.
3. Созаев С. С., Кунашев Д. А. Социальная инженерия, ее техники и методы ее противодействия // Вестник науки. 2020. Т. 1. № 2 (23).

УДК 343.983.22

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВОЗГОРАНИЕМ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Андрей Владимирович Кузнецов, начальник ЭКЦ УМВД России по Хабаровскому краю, кандидат юридических наук, доцент;

Александр Сергеевич Пудовиков, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Владимир Владимирович Петров, начальник отдела технических экспертиз ЭКЦ УМВД России по Хабаровскому краю

E-mail: a4873@mail.ru

alex pud71@gmail.com

vvpetroff@inbox.ru

В статье проведен анализ действующего законодательства, рассмотрена экспертная практика производства пожарно-технических экспертиз, выделен комплекс проблемных вопросов, связанных с исследованием автотранспортных средств, получивших повреждения в результате их возгорания. Предложено собственное видение на оптимизацию процессов организации и производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с возгоранием автотранспортных средств.

Ключевые слова: очаг пожара; умышленный поджог; автотранспортное средство; пожарно-техническая экспертиза; эксперт-пожаротехник; возбуждение уголовного дела; источник открытого огня.

PROBLEMATIC ISSUES THAT ARISE DURING PRODUCTION FIRE-TECHNICAL EXAMINATIONS PRESCRIBED FOR THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES ON THE FACTS OF IGNITION OF CARS

Andrey Vladimirovich Kuznetsov, head of the center of expertise of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Khabarovsk territory, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Aleksandr Sergeevich Pudovikov, head of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Vladimir Vladimirovich Petrov, head of technical expertise department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Khabarovsk territory

The article analyzes the current legislation, considers the expert practice of fire and technical expertise, identifies a set of problematic issues related to the study of vehicles that were damaged as a result of their fire. We offer our own vision for optimizing the organization and production of forensic examinations in the investigation of crimes related to the fire of motor vehicles.

Keywords: fire source; deliberate arson; motor vehicle; fire-technical expertise; expert fire technician; initiation of criminal proceedings; source of open fire.

Анализ судебно-следственной практики, статистические данные, материалы, содержащиеся в средствах массовой информации, показывают, что на сегодняшний день на территории России происходит достаточно большое количество пожаров. Кроме того, указанные

источники позволяют сделать вывод о том, что значительную долю из них составляют пожары на автотранспорте.

Причины, по которым происходит возгорание автотранспортных средств, различны. Так, может иметь место самовозгорание по причине ненадлежащей эксплуатации автотранспортного средства, неосторожного обращения с огнем (например, при заправке автомобиля вне автозаправочных станций, при производстве сварочно-ремонтных работ или работ по резке металла) и, наконец, поджога.

Мотивы, которыми руководствуются правонарушители, совершая поджоги автотранспортных средств, могут быть различны, четкую градацию в данном случае провести достаточно проблематично. Много поджогов совершается в силу неразрешенных вопросов между участниками гражданских правоотношений. Так, в судебном заседании стороной обвинения в подтверждение виновности А., Ш., О., И. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, были представлены доказательства – показания свидетеля Х., который слышал разговоры О., К., И. о каких-то поджогах, был свидетелем разговора Ш. о том, что у жены Ж. – Р., имеющей бизнес, появились конкуренты, которых нужно устранить*. В отдельных случаях психическое состояние правонарушителя может подтолкнуть последнего на совершение преступлений данной категории. Так, К., желая получить удовольствие от вида огня, от наблюдения за действиями на пожаре сотрудников МЧС России, убедившись, что его никто не видит, подошел к автомобилю марки FORD, стоявшему во дворе дома, и имеющимися при себе спичками поджег полиэтиленовую пленку, которой был накрыт автомобиль, после чего скрылся**.

Во многих регионах РФ поджоги автотранспортных средств используются в рамках совершения мошенничеств в сфере автострахования.

Кроме того, поджог может быть применен преступниками и как способ сокрытия ранее совершенного преступления, например, когда автотранспортное средство являлось предметом преступного посягательства, а также когда оно использовалось как орудие совершения преступления.

В каждом случае пожара, связанного с возгоранием автотранспорта, должны быть установлены причины возгорания и лица, виновные в его совершении, а также определены правовые нормы, регламентирующие совершенное деяние (уголовное, административное или гражданское законодательство).

Одним из решающих для следствия доказательств, устанавливающих причинно-следственную связь между фактом пожара и действиями конкретного субъекта, как правило, является объективное и обоснованное заключение о непосредственной причине пожара.

Вопрос об установлении места расположения очага пожара, о выявлении и фиксации очаговых признаков является основным моментом в исследовании причин пожаров в целом, а также автотранспортных средств в частности. В соответствии с существующими методиками установления причин пожара установление места его очага является первичным, наиглавнейшим условием. Без установления места очага пожара невозможно определить его техническую причину, что, в свою очередь, делает затруднительным процесс получения оснований к возбуждению уголовного дела и принятия организационных решений в рамках расследования преступлений данной категории.

Между тем обобщение экспертной практики показывает, что в последние годы количество судебных пожарно-технических экспертиз (далее – ПТЭ) автотранспортных средств со-

* Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 мая 2015 г. № 34-АПУ15–6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 апреля 2019 г. № 35-АПУ19–2сп. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ставляет 25–30 % от общего числа экспертиз, произведенных по пожарам в целом^{*}. При этом количество назначаемых ПТЭ неуклонно растет. Так, в 2017 г. произведена 121 экспертиза, в 2018 г. – 183 экспертизы, а в 2019 г. – 226 экспертиз, за четыре месяца 2020 г. – 54 экспертизы.

Наряду с общим ростом количества назначаемых экспертиз растет и количество экспертиз, произведенных по фактам возгорания автотранспортных средств: в 2017 г. – 33 экспертизы, в 2018 г. – 51 экспертиза, в 2019 г. – 56 экспертиз, за четыре месяца 2020 г. – 19 экспертиз.

Изложенные цифры укладываются в общую тенденцию роста количества ПТЭ, производимых экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России, что, на наш взгляд, может быть обусловлено несколькими причинами:

- значительным ростом парка автотранспортных средств в России;
- увеличением числа ввезенных из-за рубежа автомобилей со значительными (10 и более лет) сроками эксплуатации и, следовательно, со сниженными характеристиками пожарной безопасности;
- специфическими для России жесткими условиями эксплуатации, особенно зимой;
- увеличением числа поджогов личных автотранспортных средств.

Следует отметить тот факт, что проведенный анализ заключений ПТЭ по фактам возгорания автотранспортных средств, произведенных экспертами ЭКЦ УМВД России по Хабаровскому краю в 2018 и 2019 гг., позволил установить, что только по трем экспертизам были даны категорические выводы о возгорании автотранспортных средств вследствие технической причины, а не в результате воздействия источника открытого огня (поджога). В то же время не представилось возможным ответить на поставленные вопросы о причинах пожара в 2017 г. по 3 материалам, в 2018 г. – по 9, в 2019 г. – по 8, в 2020 г. – по 1. Анализ указанных материалов позволил прийти к выводу о том, что на ПТЭ инициаторами направляются некачественные, малоинформативные материалы, не содержащие фактически значимой для установления причин пожара информации.

Установлено, что в 2017 г. в 30 случаях, в 2018 г. в 39, в 2019 г. в 46, а в 2020 г. в 18 случаях в ходе производства ПТЭ причиной пожара автотранспортных средств являлся источник открытого огня. Следует подчеркнуть, что современные автомобили достаточно надежны и случаи возгорания ввиду технических причин случаются достаточно редко. Это, как говорится, хорошая весть. Наибольшее количество возгораний автотранспортных средств происходит в результате умышленного поджога или по иным причинам, при которых источником возгорания стал открытый огонь. Фактом, вызывающим настороженность, является увеличение подобных случаев с каждым годом.

Если же посмотреть на изложенную информацию под несколько иным углом, то можно отметить, что значительная часть материалов уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, не имеет перспектив к своему разрешению. Количество таких материалов в процентном отношении от общего количества ПТЭ, назначенных по фактам возгорания автотранспортных средств, составило: в 2017 г. – 10%; в 2018 г. – 30,7%; в 2019 г. – 21,7%.

В целях повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, в конце 2019 г. сотрудниками ЭКЦ УМВД России по Хабаровскому краю были проведены занятия со следователями, дознавателями, оперуполномоченными и участковыми уполномоченными. В ходе данных занятий было обращено внимание на основные особенности, касающиеся подготовки и производства осмотров мест происшествий по факту возгорания автотранспортных средств. Отдельное внимание было обращено на необходимость фиксации во время осмотров мест происшествий возможно большего количества информации о событии пожара и его возможных причинах.

^{*} Здесь и далее приведены статистические данные, содержащиеся в материалах ЭКЦ УМВД России по Хабаровскому краю за период 2017–2020 гг.

Относительно низкий (по сравнению с предыдущими периодами) процент нерезультативных экспертиз в 2020 г. (за 4 месяца – 5,5 %) связан с проделанной сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений работой. Отчасти такой факт можно объяснить режимом самоизоляции на территории РФ ввиду пандемии коронавируса. Вместе с тем, по нашему мнению, одной из основных причин, затрудняющих процесс экспертного исследования объектов ПТЭ, являются некачественные материалы, передаваемые специалистами МЧС России по подследственности в следственные органы МВД России. В связи с этим согласимся с мнением В. А. Зверева, который утверждает, что результативность экспертизы во многом определяется качеством и полнотой представляемых эксперту материалов, к которым относятся:

- протоколы осмотров места пожара, подробно иллюстрированные фототаблицами, чертежами, схемами;

- сведения о дате пожара, месте и времени его обнаружения, погодных условиях [2, с. 8].

В настоящее время не существует четких критериев, обосновывающих передачу такого материала по подследственности. Хотя в методической литературе и приводится ряд условий, установление даже части которых позволяет утверждать, что причиной пожара стал умышленный поджог с использованием источника открытого огня. Такими условиями являются:

- наличие на месте пожара нескольких очагов пожара, не имеющих между собой общей огневой связи;

- наличие на месте пожара зажигательных устройств, средств и приспособлений, служащих для инициации горения;

- наличие на месте пожара остатков от инициаторов горения;

- обнаружение признаков подготовки условий для активного развития горения (сосредоточение горючих материалов, создание благоприятных для развития горения условий и т. п.);

- характерная динамика развития пожара;

- наличие информации о проникновении на сгоревший объект посторонних лиц, при этом пожар может быть использован для сокрытия следов хищения или иного преступления;

- благоприятная для развития активного горения обстановка на месте пожара [3, с. 10–11].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что от того, насколько конкретная и обоснованная будет информация о причинах возникновения пожара в процессуальных документах, полученных от экспертов и специалистов в каждом отдельном случае, настолько будут обоснованы процессуальные решения, касающиеся привлечения к ответственности конкретных субъектов.

Вместе с тем, применительно к рассматриваемым деликтам решение о возбуждении уголовного дела по ч. 2 ст. 167 УК РФ нередко принимается на основании документа, именуемого «Техническое заключение», которое дает специалист МЧС России. Данное заключение представляет собой справку об исследовании, которое не является судебной экспертизой, но информация, содержащаяся в этом документе, может быть использована в качестве основания для возбуждения уголовного дела. Однако в отдельных случаях, при ближайшем рассмотрении подобных документов, можно заметить, что выводы о совершении поджога, ставшего причиной пожара, основываются на субъективном мнении специалиста, типа «была ночь», «был конфликт».

Данное обстоятельство в немалой степени связано с тем, что специалисты МЧС России при осмотре места пожара игнорируют общекриминалистическую следовую информацию как таковую в принципе.

Немаловажное значение имеет разница в подходах к оценке причин пожара. Так, например, специалистами МЧС России повсеместно используется термин «поджог», и вывод о причинах возгорания формулируется примерно так: «Причиной пожара стал поджог в результате внесения в ... [указывается очаговая зона] источника открытого огня». Но в соответ-

ствии с принятыми ЭКЦ МВД России методиками в компетенцию эксперта-пожаротехника не входит правовая оценка деяния субъекта преступления, а лишь установление технической причины возникновения пожара. В словаре Д. Н. Ушакова поджог – это умышленное предание огню какого-нибудь имущества [4]. В связи с этим термин «поджог», часто используемый инициаторами назначения ПТЭ, является недопустимым для экспертов, так как подразумевает умышленное использование субъектом преступления источника открытого огня (например, спички, зажигалка, факел и т. п.) именно как технической причины возгорания.

В быту термин «поджог» наиболее употребителен, так как является кратким, наиболее емким и четким по своему смысловому содержанию. Этот же термин используется законодателем в диспозиции ч. 2 ст. 167 УК РФ в качестве признака, отягчающего деяние. При этом под поджогом понимается умышленное учинение пожара, т. е. умышленные действия виновного, направленные на возникновение очага пожара, его разгорание и последующее уничтожение чужого имущества в результате вызванного поджогом пожара.

После долгих дебатов в среде криминалистов-пожаротехников ЭКЦ МВД России была признана недопустимой формулировка вывода о возникновении возгорания «в результате внесения источника открытого огня внутрь здания (салона автомобиля и т. п.)». Данная формулировка вывода содержала оценку деяния лица, прямо указывая на наличие у него определенного умысла, и поэтому выходила за рамки компетенции эксперта.

Термины «поджог» и «неосторожное обращение с огнем» несут смысловую нагрузку, подразумевающую под собой наличие либо отсутствие умысла конкретного лица на совершение противоправного деяния. В то же самое время эти термины являются полярными определениями умышленного или неосторожного деяния лица, использующего источник открытого огня.

Действие или бездействие, виновность, противоправность, наказуемость и общественная опасность являются признаками преступления и относятся к юридической оценке деяния и его квалификации с целью установления у лица умысла на совершение преступления. Квалификацию преступлений осуществляют уполномоченные на то органы и должностные лица: следователи, дознаватели, прокуроры и судьи. Таким образом, осуществление юридической, уголовно-правовой оценки каких-либо деяний, событий и определение их общественной опасности не входит в компетенцию эксперта-пожаротехника.

Необходимо отметить, что в соответствии с перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 [1], пожарно-техническая экспертиза подразумевает: «исследование причин, закономерностей возникновения и развития пожара, слеодообразования на объектах, составляющих вещную обстановку места происшествия, в том числе на электротехнических, электромеханических, радиоэлектронных изделиях, деталях и узлах транспортных средств». Из этого следует, что помимо сгоревших построек объектами пожарно-технической экспертизы могут быть и электротехнические, электромеханические, радиоэлектронные изделия, детали и узлы транспортных средств.

Между тем необходимо уточнить, что в рамках пожарно-технической экспертизы разрешаются классификационные, идентификационные, диагностические и ситуационные задачи. В процессе их решения может быть установлен очаг пожара, диагностированы его динамика в пространстве и во времени, а также механизм возникновения пожара [5, с. 105–106].

Для каждого вида задач существует свой перечень вопросов, возможность дачи ответов на которые зависит от полноты предоставляемых материалов. Поэтому на начальном уровне исследования пожара решаются именно диагностические задачи по фактическим данным, которые должны содержаться в документах оговоренного перечня, фото- и видеоматериалах, предоставляемых на экспертизу. Вопросами диагностического исследования являются:

1. Где располагался очаг пожара?
2. Какова причина пожара?
3. Каким образом горение распространилось из очаговой зоны?

В дальнейшем, после производства первоначальной экспертизы, может понадобиться назначение дополнительной ситуационной экспертизы. Но ввиду сложности производства подобных экспертиз они выполняются весьма редко и в основном по громким, резонансным пожарам со значительной суммой ущерба.

В настоящее время действующее уголовно-процессуальное законодательство (ст. 168 УПК РФ) дает достаточно широкие полномочия следователю, дознавателю по привлечению специалиста к участию в следственных действиях. Кроме того, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 80 УПК РФ результаты деятельности специалиста в форме заключения или показаний являются полноценными, самостоятельными доказательствами по делу. Вместе с тем часть 1 ст. 86 УПК РФ в качестве лиц, имеющих право собирания доказательств в ходе уголовного судопроизводства путем проведения следственных и иных процессуальных действий, определяет дознавателя, следователя, прокурора и суд, не наделяя такими самостоятельными правами специалиста и эксперта. К сожалению, данное обстоятельство не всегда учитывается лицами, осуществляющими предварительную проверку сообщений о происшествиях, связанных с возгоранием автотранспортных средств, а также лицами, осуществляющими предварительное расследование названных преступлений. Это может поставить под сомнение доказательственное значение установленных в ходе производства следственных действий фактов, а также определенным образом осложнить процесс назначения и производства ПТЭ, поэтому проблема использования специальных знаний в рамках расследования преступлений, связанных с возгоранием автотранспортных средств, на сегодняшний день достаточно актуальна. Кроме того, ввиду возрастающего количества преступлений, связанных с возгоранием автотранспортных средств, на первый план выходит профессионализм членов следственно-оперативной группы, выехавшей на осмотр места происшествия.

Литература

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 27.06.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Зверев В. А. Некоторые проблемы формулирования экспертных выводов в результате исследования вещественных объектов, изъятых с места пожара // *Эксперт-криминалист*. 2009. № 4.
3. Техническое обеспечение расследования поджогов, совершенных с применением инициаторов горения: учеб.-метод. пособие / И. Д. Чешко [и др.]. СПб., 2002.
4. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом слав. кн., 2008.
5. Чешко И. Д. Экспертиза пожаров (объекты, методы, методики исследования) / под ред. Н. А. Андреева. СПб.: С.-Петербург. ИПБ МВД России, 1997.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Павел Александрович Жердев, доцент кафедры, кандидат юридических наук;

Сергей Викторович Тайнов, инспектор отдела кадров
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: pashkhv@yandex.ru

svtainov@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы использования специальных знаний при расследовании хищений, совершаемых в процессе производства дорожно-строительных работ. Представлен алгоритм действий следователя при взаимодействии со специалистом на этапе подготовки и назначения судебно-строительной экспертизы. В контексте обстоятельств, подлежащих установлению в порядке совместной деятельности следователей и экспертов-строителей, определены особенности специальных строительно-технических знаний, выделены наиболее часто встречающиеся ошибки экспертной деятельности при выявлении и расследовании указанной категории преступлений.

Ключевые слова: специальные знания; капитальное строительство; хищение; судебно-строительная экспертиза.

FEATURES OF APPOINTMENT OF FORENSIC CONSTRUCTION EXPERTISE

Pavel Aleksandrovich Zherdev, department associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law;

Sergei Victorovitch Tainov, inspector of the personnel department
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article discusses topical issues of using special knowledge in the investigation of thefts committed in the course of road construction work. The algorithm of actions of an investigator in interaction with a specialist at the stage of preparation and appointment of a forensic construction examination is presented. In the context of the circumstances to be established through the joint activities of investigators and construction experts: the features of special construction and technical knowledge are determined, the most common errors of expert activity in the identification and investigation of this category of crimes are highlighted.

Keywords: special knowledge; capital construction; theft; forensic construction expertise.

Современный этап развития России характеризуется увеличением объема капитального строительства автомобильных дорог, что является неотъемлемым элементом развития транспортной инфраструктуры страны.

Современная автомобильная дорога представляет собой комплексное сооружение, основным назначением которого является обеспечение безопасного и удобного движения транспортных средств, а также своевременного и качественного обслуживания находящихся в пути водителей и пассажиров и автомобилей [1].

Ежегодно на строительство дорог в стране тратят миллиарды рублей. Так, 23 сентября 2020 г. в Кремле состоялась встреча Президента РФ Владимира Путина с сенаторами Российской Федерации, на которой он, в частности, отметил, что «... дорожное строительство имеет мощный комплексный эффект, дает стимул к развитию смежных отраслей, к созданию рабочих мест, новых производств и, конечно, к формированию широкой качественной

дорожной сети; это ключевой фактор обустройства территории, создания благоприятных условий для жизни людей»^{*}.

Строительство стратегически важных объектов страны осуществляется при положительном заключении государственных органов и в соответствии с проектной документацией и требованиями технических регламентов. Проектно-сметная документация разрабатывается на основании государственной необходимости прокладки автомобильной трассы в тот или иной регион страны.

Как отмечает Н. Е. Мерецкий, «... в настоящее время капитальное строительство объектов в большинстве случаев осуществляется вахтовым методом, что в какой-то степени удешевляет и ускоряет сдачу его в эксплуатацию. Это порождает высокий уровень латентности хищений при капитальном строительстве автомобильных дорог и обуславливает необходимость поиска оптимальных методов их выявления. Одним из направлений в этой деятельности является получение на основании специального криминалистического анализа данных, которые могут применяться в практике правоохранительных органов» [8, с. 36].

А. Ю. Бутырин, И. А. Данилкин, рассматривая проблему хищений в строительстве, констатируют: «... у всех на слуху резонансные задержания губернаторов и чиновников федерального уровня, которым в числе прочего вменяется в вину создание коррупционных и мошеннических схем, позволяющих путем оформления подложных документов, внесения ложных записей в первичные учетные документы при приеме выполненных работ необоснованно списывать в особо крупных размерах бюджетные средства, выделяемые для выполнения строительных и ремонтных работ» [3, с. 3].

По делам о хищениях, совершаемых при строительстве автомобильных дорог, для установления многих обстоятельств, связанных с особенностями производственно-хозяйственной деятельности ремонтно-строительных организаций, органам предварительного расследования необходимо осуществлять тесное взаимодействие со специалистами разного профиля, имеющими специальные познания и опыт работы.

Обобщенно, в структурном плане, это подтверждается в работе Е. А. Старцевой. По ее мнению, при расследовании такой сложной категории преступлений, как строительные, следователю крайне необходимо работать в тандеме со сведущими лицами. В качестве таковых могут привлекаться работники государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, инженерно-технические, бухгалтерские работники, технологи других предприятий и организаций, сотрудники контролирующих органов, не обслуживающих данных объект, и др. [9, с. 213].

Следователь при производстве осмотра места происшествия должен предоставить возможность специалистам осмотреть и выяснить все обстоятельства происшедшего события, все, что имеет отношение к предмету экспертизы.

Организуя осмотр, следователь должен учитывать предложения, высказываемые специалистами о выборе объектов и времени осмотра, о приглашении определенных лиц, объяснения которых необходимы эксперту, о предоставлении в распоряжение специалиста той или иной технической документации и пр.

Так, например, М. П. Колядиндев указывает: «Если в процессе предварительного исследования на месте происшествия возникает необходимость в уточнении объема выполненных работ, то следователем в присутствии специалиста и понятых производится контрольный обмер выполненных работ, о чем составляется протокол осмотра, в котором указываются результаты обмера» [6, с. 128].

Вместе с тем, как считает А. В. Дулов, «действия по обмеру строительных объектов не могут быть произведены следователем, ибо он не сумеет правильно определить объем работ.

^{*} URL: <https://rg.ru/2020/09/23/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-vstreche-s-senatorami.html> (дата обращения: 24.09.2020).

В то же время подобные обмеры не могут производиться только специалистом, так как в результате этого он стал бы и единственным свидетелем установленных фактов». По его мнению, обмер должен производить специалист, а следователь обязан присутствовать и фиксировать установленные экспертом факты в протоколе, подписываемом также и понятными [5, с. 168].

Однако названные авторы не приводят различий между осмотром строительных объектов, сопряженным с обмером выполненных работ, и определением объема работ, включая и то, и другое в единое действие под названием «обмер».

Объем работ устанавливается не осмотром дорожно-строительных объектов, а выводами эксперта, которые он делает на основании данных осмотра и других материалов дела. Рекомендации М. П. Колядинцева и А. В. Дулова означают, что следователь должен фиксировать в протоколе выводы специалиста об объеме строительных работ, то есть составлять документ, подменяющий заключение эксперта. Это будет, безусловно, незаконно. Но если даже допустить, что следователь, присутствуя при экспертном осмотре (обмере), ограничится лишь фиксацией фактических данных, выявленных экспертом путем осмотра, то будет ли это правильно? Представляется, что нет. Следователь не может выступать в роли простого фиксатора действий специалиста, которые записываются в не предусмотренном законом «протоколе экспертизы». Поскольку речь идет об осмотре «вещественной обстановки» на строительном объекте и о выявлении путем осмотра фактических данных, доступных общему непосредственному восприятию, производство такого осмотра относится к компетенции следователя, который вправе привлечь к осмотру специалиста или эксперта. Вместе с тем Р. С. Белкин, обращая внимание на это обстоятельство, указывает на ошибочную недооценку экспертной инициативы и говорит о границах возможностей ее использования при расследовании преступлений [2, с. 180].

Изложенное выше доказывает, какую большую роль в обеспечении полноты и правильности заключения эксперта-строителя играют тесный контакт следователя со специалистом, своевременное собирание необходимых для дачи заключения материалов и проверка следственным путем обстоятельств, имеющих значение для экспертизы.

Между тем такое положение создается не всегда. Еще нередки случаи, когда следователи, назначив судебно-строительную экспертизу, пассивно ожидают ее окончания, не следят за ходом экспертных исследований и не интересуются, нуждается ли эксперт в дополнительных материалах и сведениях.

Со своей стороны, многие эксперты также не проявляют инициативы и не возбуждают перед следователями соответствующих ходатайств. Все это приводит к тому, что заключение эксперта оказывается недостаточно полным, а в ряде случаев ошибочным. При выявлении подобных фактов в дальнейшем часто приходится назначать дополнительную или повторную экспертизу, что влечет за собой затягивание расследования.

Для того, чтобы избежать указанных недостатков, следователь должен активно работать в контакте с экспертом в течение всего периода проведения экспертизы. Его обязанностью является обеспечить эксперта не только теми документами и материалами, в отношении которых должно быть дано заключение (например, акты приемки выполненных работ, наряды), но и всеми другими, которые позволят эксперту применить различные методы проверки и всесторонне исследовать интересующие его обстоятельства (например, данные о наличии и расходе материалов, об обеспеченности стройки квалифицированной рабочей силой, машинами и механизмами). Кроме того, следователь должен провести сам или с участием эксперта все необходимые следственные действия (осмотры объектов, допросы обвиняемых и свидетелей и др.), направленные на установление фактов, имеющих значение для экспертизы. Такая деятельность следователя будет способствовать успешному проведению экспертизы и составлению экспертом доброкачественного заключения.

После получения экспертного заключения следователь приступает к его оценке. Она проводится по общим правилам, разработанными в литературе, в соответствии с которыми при оценке решаются следующие наиболее существенные вопросы:

1. Были ли предоставлены эксперту достаточные и надлежащие объекты исследования?
2. Произведено ли экспертное исследование с достаточной полнотой?
3. Основано ли заключение эксперта на правильных научных положениях, получено ли оно в результате применения верных методов исследования?
4. Обоснованы ли выводы эксперта?
5. Производило ли экспертизу компетентное лицо, не вышел ли эксперт за пределы своей компетенции?
6. Соблюдались ли при проведении экспертизы требования уголовно-процессуального закона?
7. Соответствуют ли выводы эксперта другим собранным по делу доказательствам?

Не останавливаясь на этих общих положениях, рассмотрим наиболее распространенные недостатки заключений экспертов-строителей и в необходимых случаях проследим связь указанных недостатков с недочетами в деятельности следователей по назначению и проведению экспертизы.

Прежде всего следует отметить, что многие недостатки экспертных заключений вызваны неправильной постановкой вопросов следователями в постановлениях о назначении судебно-строительной экспертизы. Недостаточно ясно и точно сформулированные вопросы нередко влекут за собой столь же неопределенные ответы. Неполнота поставленного задания приводит к неполноте заключения.

Давая ответы на вопросы правового характера, эксперты вторгаются в область права. Например, на вопрос следователя «Имела ли место при строительстве выписка фиктивных нарядов?» эксперты ответили: «Фиктивных нарядов не обнаружено». В 20,7% случаев назначения экспертизы фигурировали вопросы, связанные с установлением временных связей или отношений. В каждом пятом случае эксперты отказались от их решения по мотивам отсутствия научно обоснованных экспертных методик [2, с. 121].

Особенно часто эксперты-строители выходят за пределы своей компетенции при ответах на вопросы, касающиеся анализа данных бухгалтерского учета. Ошибки следователей, ставящих подобные вопросы, влекут ошибки экспертов. Так, на вопрос следователя «Возможно ли произвести зачет перерасхода строительных материалов экономией таковых?» эксперт-строитель дал заключение: «Считаю возможным, ибо одни материалы в недостатке, а другие в излишке» [7, с. 112].

Некоторые эксперты, определяя размеры завышения объемов и стоимости выполненных работ в нарядах, неправильно считают суммы завышений материальным ущербом, чему также способствуют ошибочные вопросы следователей. Между тем размеры завышений стоимости работ в нарядах не могут рассматриваться как сумма материального ущерба. При выплате заработной платы, начисленной по нарядам, удерживаются налоги. Кроме того, некоторые наряды по разным причинам могут быть не оплачены или оплачены в меньших суммах. Материальный же ущерб определяется по размерам фактически выплаченных денежных средств путем анализа соответствующих расчетных и платежных документов в сопоставлении с нарядами. Такой анализ производит специалист-бухгалтер, а не строитель.

Выход экспертов при даче заключений за пределы своей компетенции происходит не только в случаях постановки перед ними неправильных заданий, но нередко и по их собственной инициативе. В особенности это касается юридической оценки действий тех или иных должностных лиц. Многие недостатки заключений экспертов-строителей связаны с теми процессуальными нарушениями, которые они допускают при самостоятельном собирании

материалов, получении объяснений от обвиняемых и свидетелей, при производстве осмотров дорожно-строительных объектов, сопряженных с обмером выполненных работ.

Один из распространенных недостатков заключений экспертов-строителей состоит в том, что наличие завышений объемов и стоимости работ в нарядах и актах приемки определяется без достаточного основания, путем одного лишь сопоставления указанных документов или же путем сопоставления их с данными о расходе материалов. При этом в одних случаях эксперты исходят из достоверности актов приемки работ, поскольку они подписаны представителем заказчика, в других – из достоверности нарядов, считая, что каждая выполненная работа должна быть оплачена; в третьих случаях – из объемов работ, подтвержденных расходом материалов.

Так, Ефремовский районный суд Тульской области вынес обвинительный приговор в отношении должностных лиц ООО «Автострада». Установлено, что при выполнении работ по капитальному строительству автодороги «Лопатково – Первомайский» должен был быть использован грунт – мелкий песок из карьера «Тюртень», расположенного в 98 км от строительства. Однако подрядчик ООО «Автострада» стал добывать песок из незаконно разрабатываемого карьера в 7 км от возводимой трассы. При этом в отчетную документацию включали ложные сведения о выполненных работах по перевозке песка якобы из карьера «Тюртень». В результате ущерб, причиненный федеральному и областному бюджетам, составил 11,9 млн руб.* [10, с. 63].

Этот пример наглядно показывает недостатки использования одного лишь метода сопоставительного анализа учетных документов, поэтому, если отсутствует возможность проверить фактически выполненные работы путем осмотра и обмера в натуре и нельзя установить достоверность сведений, содержащихся в актах приемки и других документах, то эксперт должен очень осторожно подходить к оценке результатов сопоставительного анализа.

Дело в том, что фактические расхождения могут быть допущены как в актах приемки работ, так и в нарядах, а данные дорожно-строительной организации о транспортировке материалов не всегда отражают действительный расход их на дорожном строительстве.

Серьезной критики заслуживает практика, при которой эксперты-строители необоснованно, без проверки «признают» те или иные работы как выполненные. Обычно это происходит в случаях, когда эксперты не располагают соответствующими данными, позволяющими проверить фактическое производство работ, однако вместо того, чтобы так и указать в своих заключениях, они признают работы выполненными. Естественно, что подобные заключения не только не помогают вскрывать факты завышений объемов и стоимости работ, но, напротив, способствуют тому, что эти факты остаются невыявленными.

Между тем материалы, необходимые эксперту для проверки выполнения работ, во многих случаях могут быть собраны дополнительно, а отдельные обстоятельства установлены следственным путем. К сожалению, очень часто эксперты не проявляют в этом направлении инициативы и не возбуждают перед следователями соответствующих ходатайств. Более того, некоторые из них объективно даже препятствуют сбору дополнительных фактических данных, отказываясь от осмотра объектов и обмера работ в натуре под тем предлогом, что значительная часть работ носит скрытый характер.

Применительно к рассматриваемой проблеме мы солидарны с точкой зрения С. Н. Весниной и Е. В. Жидковой в том, что существенное значение имеет вопрос об использовании экспертами-строителями при даче заключений показаний обвиняемых и свидетелей, поскольку в них могут содержаться сведения, которые невозможно получить из других источников [4, с. 44]. Это касается фактов установления объемов и характера выполненных работ, способа производства работ, обоснованности применения удорожающих коэффициентов, объема скрытых работ и т. д.

* URL: <http://www.Kommersant.ru/doc/2071035/>

Совершенно не правы те эксперты, которые не используют показания обвиняемых и свидетелей, считая, что это относится к компетенции следователя и суда, а эксперт должен давать заключение только на основе исследования документов и обмера работ в натуре. Их мнение является ошибочным.

В компетенцию следователя и суда входит юридическая оценка показаний обвиняемых и свидетелей, признание их правдивыми или ложными. Что же касается фактического содержания этих показаний, то оно может быть объектом исследования экспертизы, если имеет отношение к предмету экспертизы. Однако сделать безусловный вывод эксперт вправе лишь в тех случаях, когда помимо показаний в его распоряжении будут достаточные документальные данные или данные обмера работ в натуре. Если же таких данных окажется недостаточно, то заключение эксперта может быть только условным, то есть иметь силу лишь при условии доказанности по делу обстоятельств, изложенных в показаниях.

Практически подобные условные выводы излагаются так: вначале эксперт указывает, что в деле имеются показания тех или иных лиц об определенных обстоятельствах, затем, с оговоркой «если эти обстоятельства будут установлены следствием (судом)», он дает свое заключение.

Дача экспертами заключений с использованием имеющихся в деле показаний обвиняемых и свидетелей оказывает большую помощь следователю в выявлении и проверке обстоятельств, имеющих значение для дела.

Следует отметить, что на практике наряду с неправильным игнорированием экспертами показаний встречаются и другие ошибки, когда заключения в безусловной форме даются только на основе объяснений обвиняемых и свидетелей.

Подобные необоснованные заключения экспертов при их некритической оценке могут дезориентировать следователей и привести к серьезным ошибкам в установлении обстоятельств преступления и виновности отдельных лиц.

В ряде случаев недостатки экспертных заключений выражаются в том, что при определении объема работ эксперты, руководствуясь правилами финансовой дисциплины, не учитывают некоторые выполненные работы, например, не принимают в расчет незаконченные конструктивные элементы или виды работ, не подлежащие отдельной оплате, или работы, произведенные с отступлением от проектов и смет и неоформленные надлежащим образом по соглашению с заказчиком. Давая такие заключения, эксперты делают то же самое, что и инженеры-строители при составлении актов контрольных обмеров: в соответствии с требованиями инструкций по производству контрольных обмеров они исключают подобные работы из общей стоимости выполненных работ.

Между тем механическое выполнение экспертами правил, установленных для контрольных обмеров и расчетов, недопустимо. Оно иногда приводит к тому, что следователи принимают указанный в заключении эксперта объем работ за весь объем, выполненный на том или ином объекте, в то время как в действительности на этом объекте производились и другие работы, которые эксперт не учел. Аналогичная ошибка допускается и в отношении указываемых экспертом завышений объемов и стоимости работ. Они принимаются некоторыми следователями за фактические завышения, то есть завышения в сравнении с фактически выполненными работами, хотя на самом деле речь идет лишь о нарушении финансовой дисциплины.

Отвечая на вопросы следователя, эксперт должен указать весь установленный им объем произведенных работ и определить завышения, исходя именно из этого объема. Если же выяснится, что в актах приемки работ включалось незавершенное производство, беспроектные, бессметные или другие работы, не подлежащие оплате в соответствии с правилами финансовой дисциплины, то эти обстоятельства он также должен отразить в своем заключении, определив общее количество и стоимость неправильно включенных работ.

Установление таких нарушений может иметь значение для дела, ибо нередко приписки незавершенного производства и иных работ, не подлежащих оплате, используются для завышения отчетных данных о выполнении плана и незаконного получения премий, а также для улучшения других показателей хозяйственно-финансовой деятельности дорожно-строительных организаций.

В завершение анализа недостатков заключений экспертов-строителей следует остановиться на вопросе о форме, структуре и полноте содержания даваемых заключений.

Надо отметить, что в этом отношении в экспертной практике допускается чрезвычайный разбой, причем в ряде случаев не соблюдаются требования ст. 204 УПК РФ.

Некоторые эксперты не описывают хода экспертных исследований, а сразу дают краткие выводы на вопросы следователей. Произведенные ими расчеты они приводят в приложениях к выводам. Правильность и обоснованность таких заключений оценивать весьма трудно.

Другие эксперты допускают противоположную крайность: при большом количестве исследуемых нарядов и иных документов они без всякой систематизации и без надобности описывают содержание каждого наряда и указывают, имеются ли в нем завышения объемов и стоимости выполненных работ или нет. Объем самого заключения в таких случаях непомерно увеличивается, что в сочетании с отсутствием необходимой системы создает неудобства в ознакомлении с ним и использовании.

В ряде заключений после кратких ответов на поставленные экспертам вопросы излагаются еще «выводы», в которых развиваются отдельные ответы.

Некоторые эксперты считают необходимым давать «характеристику» представленных им для исследования материалов, другие этого не делают.

Следует отметить, что в большинстве случаев указанные различия не обуславливаются особенностями предмета экспертизы.

В целях получения надлежаще составленных заключений следователям необходимо в соответствующий момент напоминать экспертам-строителям о содержании ст. 204 УПК РФ. Кроме того, полезно знакомить лиц, впервые привлеченных в качестве экспертов, с образцами хорошо составленных заключений (если, конечно, таковые имеются).

Представляется необходимым высказать еще следующие замечания, а также предложения по вопросу организации производства дорожно-строительных экспертиз.

Выше были отмечены многие недостатки, допускаемые при проведении этих экспертиз и даче заключений экспертами. Следует добавить, что многие дорожно-строительные экспертизы растягиваются на длительные сроки, характеризуются низким качеством заключений, нередко теряют доказательственное значение в результате различных процессуальных нарушений. Такое положение во многом объясняется тем, что производство этих экспертиз не сосредоточено в учреждениях судебной экспертизы. Квалифицированные специалисты-строители, как правило, заняты по месту основной работы и либо отказываются проводить экспертизы, либо выполняют ее в вечернее время, что значительно осложняет положение следователя и удлиняет сроки экспертизы.

Дополнительные осложнения с подбором экспертов возникают ввиду нехватки специалистов-строителей. Следователям приходится приглашать для производства экспертиз лиц, работающих в тех же организациях, где совершены преступления, или в вышестоящих. Это, безусловно, отрицательно сказывается на объективности заключений. Производство судебно-строительной экспертизы случайными лицами способствует также многочисленным процессуальным нарушениям.

Было бы целесообразно, на наш взгляд, организовать в действующих учреждениях судебной экспертизы отделения дорожно-строительной экспертизы. Штатный состав и численность экспертов определить в зависимости от потребности в производстве этого вида экспертиз; экспертов подбирать с учетом особенностей отдельных видов строительно-монтажных

работ и видов строительства. Помимо штатного состава, каждое отделение должно подбирать внештатных экспертов из числа наиболее квалифицированных специалистов, работающих в области дорожного строительства.

Организация учреждений судебно-строительной экспертизы окажет большую помощь следственным и судебным работникам, кроме того, улучшится подготовка кадров экспертов, разработка методики экспертизы, профилактическая работа на основе обобщения материалов экспертиз.

Представляется, что вопрос об организации учреждений судебно-строительной экспертизы надо решать более кардинально, и не только в одном субъекте, а в масштабах всей страны.

Литература

1. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ (ред. от 20.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
3. Бутырин А. Ю., Данилкин И. А. Использование специальных строительно-технических знаний в расследовании мошенничества при реконструкции зданий и сооружений // Правовые вопросы недвижимости. 2017. № 1.
4. Веснина С. Н., Жидкова Е. В. Особенности подготовки и тактики допроса при расследовании хищений в сфере строительства // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 3.
5. Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск, 1985.
6. Колядинцев М. П. Расследование хищений в строительных организациях: метод. пособие. М., 1955.
7. Лабазанов Р. Р., Халимова Э. Р. Основные ошибки эксперта-строителя при проведении строительно-технической экспертизы // Вопросы студенческой науки. 2019. № 10 (38).
8. Мерецкий Н. Е. Первоначальный этап расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 4.
9. Старцева Е. А. Содержание взаимодействия следователя со специалистами при осмотре места происшествия по преступлениям, совершенным в сфере строительства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18.
10. Тайнов С. В. Особенности хищений, совершаемых при капитальном строительстве автомобильных дорог // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 2.

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА НА ТРАНСПОРТЕ

Сергей Анатольевич Ярошенко, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: yaroshenkosergey@rambler.ru

В статье рассматриваются отдельные особенности преступлений экономической направленности в сфере строительства на транспорте, включающие в себя: личность преступника; условия, способствующие преступлениям; предметы и документы, использовавшиеся при совершении преступных действий. Автор разделяет представленные преступные действия на две группы: в первую относит те, чей преступный умысел формировался сразу на этапе заключения договоров строительных подрядов, по проектированию и вводу в эксплуатацию; во вторую – преступные действия, проявившиеся на завершающих стадиях строительства, при заключении актов выполненных работ, принятия и утверждения отчетной документации.

Ключевые слова: транспортная система; преступления экономической направленности; личность преступника; условия, способствующие преступным действиям; технологический процесс; федеральные программы; составы преступлений; строительные подряды; оперативные подразделения.

FEATURES OF COMMITMENT OF ECONOMIC CRIMES IN THE SPHERE OF CONSTRUCTION BY TRANSPORT

Sergey Anatolevich Yaroshenko, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law

The article discusses certain features of economic crimes in the field of construction on transport, including: the identity of the offender, conditions conducive to crimes, objects and documents used in the commission of criminal acts. The author divides the presented criminal actions into two groups: the first classifies those whose criminal intent was formed immediately at the stage of concluding construction contracts, design and commissioning; in the second, criminal acts manifested in the final stages of construction, when concluding acts of work performed, adoption and approval of reporting documentation.

Keywords: transport system; economic crimes; the identity of the offender; conditions conducive to criminal acts; technological process; federal programs; elements of crime; construction contracts; operational units.

Транспортная система России – одна из наиболее обширных в мире, она включает в себя 87 тыс. км железных дорог, свыше 600 тыс. км воздушных линий, 115 тыс. км речных судоходных путей и множество морских трасс. В ней занято свыше 3,2 млн чел., что составляет 4,6 % работающего населения.

Важной особенностью транспортной системы России является ее активное развитие с учетом современных требований экономического роста. Не случайно федеральный транспорт, пути сообщения, в соответствии со ст. 71 Конституции РФ, находятся в ведении Российской Федерации, т. е. транспортная система подлежит контролю со стороны государства. Общий объем средств финансовых вложений, выделяемых государством, согласно данным Федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010–

2020 годы)» и Федеральной целевой программы «Модернизация Единой системы организации воздушного движения (2009–2020 годы)», за счет средств субъектов Российской Федерации и местных бюджетов составляет 8989 200,0 тыс. руб. (капитальные вложения – 8989 200,0 тыс. руб., НИОКР – 0,0 тыс. руб., прочие нужды – 0,0 тыс. руб.), за счет внебюджетных источников – 571 126 600,0 тыс. руб. (капитальные вложения – 456532 000,0 тыс. руб., НИОКР – 1509 700,0 тыс. руб., прочие нужды – 113084 900,0 тыс. руб.)^{*}.

На фоне реализации федеральных программ и освоения в связи с этим привлекаемых финансовых вложений наблюдаются преступные проявления, последствия которых отражаются на качестве реформ транспортной системы и, как следствие, дискредитируют органы власти в глазах общественности.

Значительную массу из выявленных и раскрытых преступлений экономической направленности в исследуемой сфере составляют преступные деяния:

- против собственности (ст. 159, 160 УК РФ);
- против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 201 УК РФ);
- против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 285, 286, 293 УК РФ);
- против порядка управления (ст. 327 УК РФ).

Следует отметить, что большая часть преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ, являлись дополнением к вышеперечисленным составам. Предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, выступали квитанции об оплатах, паспорта изделий, акты принятых работ, штампы, печати, паспорта.

Данные преступные действия мы разделили на две группы. В первую мы отнесли те, чей преступный умысел (согласно представленной доказательной базе) формировался сразу на этапе заключения договоров строительных подрядов, по проектированию и вводу в эксплуатацию.

Лица изначально фальсифицировали количественные и качественные показатели при приемке товарно-материальных ценностей и их сокрытии при выполнении строительных или эксплуатационных работ; применяли строительные материалы, оборудование, не отвечающие требованиям, заявленным в проектной документации; завышали объем скрытых видов работ (земляные, вспомогательные и т. п.), например, за счет искусственного усложнения условий и увеличения трудоемкости работ (указывалась большая доля ручного труда, искажалась категория грунта: вместо песчаного – глина с гравием и т. д.), неправомерно увеличивали нормы накладных расходов, в сметах применяли различные удорожающие коэффициенты, например, в проектах указывали более дорогостоящие материалы [4, с. 36–41].

Так, 1 июля 2017 г. между ПАО «Аэрофлот» и ООО «Скай Вортекс» заключены договоры купли-продажи на закупку камеры окрасочно-сушильной и поста предкрасочной подготовки для оснащения малярного цеха, расположенного на территории департамента по техническому обслуживанию воздушных судов ПАО «Аэрофлот». Указанный товар поставлен ООО «Скай Вортекс» в авиакомпанию ПАО «Аэрофлот» с завышением рыночной стоимости товаров в размере 16118 782 руб. 06 коп. Таким образом денежные средства в размере 16118 782 руб. 06 коп. были похищены^{**}.

Другой пример, между АО «МКЖД» и АО «РЖДстрой» был заключен договор от 16 апреля 2015 г. № 73 на выполнение работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию транспортно-пересадочных узлов АО «МКЖД» на Малом кольце Московской железной дороги. В ходе проверки оперативными подразделениями установлен факт закупки на поставку подъемно-транспортного оборудования (эскалаторов и подъемников) для целей

^{*} Транспорт России: информационно-статистический бюллетень (январь–декабрь 2017–2019 гг. URL: www.ministry/results/180/documents.pdf).

^{**} Уголовное дело № 11901009625000081 от 25 марта 2019 г. по ч. 4 ст. 159 УК РФ // Архив ГУТ МВД России.

объектов ТПУ АО «МКЖД». Разница между закупочной ценой ООО «Альянс Строй» и последующей ценой продажи оборудования АО «РЖДстрой» составила: по лифтам – 166322 699,88 руб.; по эскалаторам – 334852 570 руб. Таким образом, лицами АО «РЖДстрой» при проведении закупки с последующим выполнением работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию транспортно-пересадочных узлов АО «МКЖД» на Малом кольце Московской железной дороги бюджету г. Москвы нанесен ущерб в размере 501 175 270 руб., что является значительным материальным ущербом*.

Что же касается второй группы, то преступные действия проявлялись на заключительных стадиях строительства, при подписании актов выполненных работ, принятии и утверждении отчетной документации. При заключении таких актов у фигурантов дел была уверенность, что отсутствие работ не будет замечено из-за специфики объекта строительства (например, дорога, эксплуатация которой не сильно повлияла на ее состояние, или реконструкция водных каналов для судоходства). Выявление таких преступлений требует технических познаний, помимо результатов оперативно-розыскных мероприятий и проверок необходимы исследования специалистов в области строительства, геодезии, гидрологии.

Так, например, должностные лица Федерального агентства воздушного транспорта ФГУП «АГА», выполняющие управленческие, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, действуя вопреки законным интересам организации, в целях извлечения выгод и преимуществ для себя и для других лиц, 26 числа в декабре 2012 г. организовали составление и подписание актов о приемке выполненных работ (форма КС-2), актов о стоимости выполненных работ и затрат (форма КС-3), а также подписание и утверждение акта приемки законченного строительством объекта «Реконструкция и развитие аэродрома международного аэропорта Шереметьево, 1-я очередь реконструкции (2006–2009 годы)». Указанные умышленные преступные действия работников ФГУП «АГА» повлекли тяжкие последствия и причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан, а именно гарантированным ст. 41 Конституции РФ правам каждого на благоприятную окружающую среду, охраняемым законом интересам общества и государства, что выразилось в причинении ущерба Российской Федерации в сумме 50856 419,25 руб. в результате необоснованного увеличения стоимости строительства, а также оплаты из средств федерального бюджета невыполненных и некачественно выполненных подрядчиком работ**.

Еще одним примером является факт хищения руководством ООО «Больверк» денежных средств, выделенных ФГУП «Росморпорт» на строительство международного морского терминала для приема круизных и грузопассажирских судов в г. Пионерский Калининградской области, путем нарушения требований проектной документации при бетонировании конструкций восточного мола (фундамента под навигационный знак) (в рамках Государственной программы РФ «Развитие транспортной системы России на 2010–2020 годы», подпрограммы «Морской и речной транспорт»). Так, 19 декабря 2017 г. между ФГУП «Росморпорт» и ООО «Больверк» был заключен государственный контракт на разработку рабочей документации и выполнение работ по строительству международного морского терминала в г. Пионерский на сумму 7313 000 тыс. руб., со сроком окончания работ и сдачи объекта до 31 октября 2019 г. После чего должностные лица ООО «Больверк», заведомо знавшие о том, что часть работ по строительству не выполнена, а часть выполнена с нарушением требований проектной документации, предъявили в ФГУП «Росморпорт» для подписания акты по форме КС-2, КС-3 и незаконно получили денежные средства за ненадлежащие строительные работы в сумме более 12000 000 руб., что является особо крупным размером. Согласно актам формы КС-3, ООО «Больверк» выполнило работы на сумму более 2 млрд руб., при этом

* Уголовное дело № 11902009603000017 от 18 февраля 2019 г. по ч. 3 ст. 286 УК РФ // Архив ГУТ МВД России.

** Уголовное дело № 11902009601000019 от 24 мая 2019 г. по ч. 2 ст. 201 УК РФ // Архив ГУТ МВД России.

расходование 1 578 333 000 руб. на цели строительства указанного объекта не подтверждено, застройщику причинен ущерб на указанную сумму.

Все приведенные факты совершенных преступных деяний были выявлены исключительно оперативным путем, то есть являлись латентными на протяжении долгого времени. Выявление и раскрытие проходило по схеме «от фактов выполненных строительно-ремонтных работ – к процессу освоения денежных средств», в отношении лиц проводилась проверка либо разработка, в рамках которых осуществлялся сбор и систематизация полученной информации, отвечающей на вопросы: как, каким образом, с кем, когда и т. д. Соответственно преступления познавались впервые не в рамках уголовных дел, а в рамках дел оперативного учета.

Совершаемые преступления экономической направленности в сфере строительства на транспорте, связанные с фальсификацией проектно-сметной и отчетной документации, можно отнести к умышленным ввиду тех действий, которые были осуществлены проверяемыми и разрабатываемыми лицами, а именно:

- а) создание благоприятных условий и ситуаций для реализации преступного умысла;
- б) поиск предметов, веществ и документов, необходимых для совершения преступлений;
- в) плановость действий по восприятию преступных событий окружающими как законных;
- г) налаживание знакомств с необходимыми лицами и установление с ними психологического контакта.

Целью данного порядка (схемы) является совершение противоправных действий и сокрытие следов преступления.

Как показывает проведенный нами анализ практики, существенными признаками преступных действий в исследуемой сфере были:

1. Документ, подтверждающий факт освоения денежных средств (договор на выполнение услуг в сфере строительства, акт о приемке выполненных работ), являлся предметом преступления (100 %).

2. Непосредственное отношение преступников (проверяемых или разрабатываемых лиц) к транспортному комплексу РФ (80 %).

3. Групповой характер преступления (40 %).

4. Привлечение соучастников из числа лиц, не имеющих к транспортному комплексу РФ прямого отношения (20 %).

5. Приобретение строительных материалов, оборудования, не отвечающих требованиям, заявленным в проектной документации, в силу сложившихся обстоятельств и добросовестного заблуждения (60 %).

6. Использование в криминальных целях несовершеннолетних технологических процессов и недостатков технического оборудования (отсутствие в контрольно-надзорных и правоохранительных органах специалистов, способных осуществлять исследование, соответственно и экспертизу в сфере строительства) (60 %).

Следует отметить, что лица, представляющие оперативный интерес в исследуемой сфере по линии борьбы с экономическими преступлениями, по данным материалов дел оперативных учетов, отличаются очевидной особенностью: большинство из них (94 %) по «официальной» биографии безупречны и законопослушны, это связано с требованиями, предъявляемыми к занимаемым должностям. В противном случае они не были бы допущены к работе с документами строгой отчетности либо не прошли бы конкурс по занимаемой должности. В действительности же среди них почти нет импульсивных преступников, в большинстве своем это лица, достаточно длительное время активно и квалифицированно совершавшие указанные выше преступления, и в этом плане они могут быть с полным основанием отнесены к привычному, а «начинающие» – к небрежному типу преступников. Этой же особен-

* Уголовное дело № 11902009707000040 от 9 октября 2019 г. по ч. 7 ст. 159 УК РФ // Архив ГУТ МВД России.

ностью обладают лица, не имеющие прямого отношения к транспортному комплексу РФ, но по своим функциональным обязанностям напрямую связанные с ним (представители фирм, поставляющих оборудование, подрядных, субподрядных организаций). Однако в большинстве случаев отсутствуют основания говорить о «профессиональном типе», так как в ходе нашего исследования практически не было выявлено лиц, для которых доход от преступной деятельности являлся основным.

В. Н. Кудрявцев определяет личность преступника как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или неоявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [3, с. 130]. Данное определение достаточно полно охватывает и тех, кто совершил преступление умышленно, и тех, кто виновен в преступной неосторожности.

Преступления, совершенные мужчинами в исследуемой сфере, составляли очевидное большинство, причем большая часть мужчин – это лица, которые имели контрольные функции за выполнением строительных работ, принимали участие в заключении договоров, составлении актов выполненных работ: генеральные директора, их заместители, главные инженеры предприятий (как заказчики, застройщики, так и подрядчики/субподрядчики).

О возрасте преступников (как мужчин, так и женщин) можно сказать следующее: от 25 до 30 лет – 8 %, от 30 до 45 лет – 28 %, от 45 лет и старше – 64 %, т. е. основную часть составляют лица зрелого возраста. Объясняется это тем, что по мере увеличения возраста индивид не только приобретает положительный опыт, но, если окружающая его среда неблагоприятна (что в данном случае и имело место), может приобрести негативную личностную установку. Причем отрицательное влияние социальной среды обладает коммулятивными свойствами, и разрядка отрицательного потенциала личности нередко наступает в зрелом возрасте [1, с. 35].

Стаж работы на объектах, где совершались преступления, до момента разоблачения составлял 1–3 года – 15 %, 3–5 лет – 36 %, свыше 5 лет – 49 %. Таким образом, преступная деятельность рассматриваемой категории лиц в среднем продолжалась около 3 лет до момента разоблачения, этот срок заметно связан с этапами реализации федеральных целевых программ, указанных нами выше.

Необходимо учесть, что 90 % лиц в исследуемой сфере, попавших в поле зрения правоохранительных органов и, в частности, оперативных подразделений, до прихода на объекты в криминальной среде не были замечены. Это доказывает, что преступления, совершенные перечисленной категорией лиц, стали возможны из-за слабого контроля их профессиональной деятельности как со стороны ведомственного контролирующего органа, так и со стороны правоохранительных органов.

Следует отметить, что 89 % обвиняемых (если брать работников железнодорожного транспорта) совершали первое преступление по собственной инициативе; это происходило в среднем, как минимум, после четырех лет работы на одном месте. Остальные 11 % – под влиянием окружения. Что же касается личности преступника, не имеющего прямого отношения к транспортному комплексу РФ (строительные организации, поставщики отдельной продукции), то 30 % таких лиц в результате своей сомнительной деятельности (не обязательно криминальной, но имевшей к этому предпосылки) были замечены оперативными подразделениями.

Необходимо подчеркнуть, что конкретные поведенческие проявления, особенно при дящихся преступлениях, всегда есть некое среднее взаимовлияние побуждающего (толчкового мотивационного) и удерживающего характера. В числе последних, при всем их разнообразии, более всего действенно осознание опасности, страх перед наказанием. Вопрос лишь в том, насколько действенно для конкретного лица осознание правовых последствий его преступного поведения. Во всяком случае, 45 % изученных лиц, по их собственному свидетель-

ству, хорошо понимали последствия своих действий, но твердо рассчитывали, что никогда не будут разоблачены, а 55 % опасались не уголовной ответственности, а потерю должности, но настолько втянулись в этот процесс, что уже не могли остановиться. Здесь мы видим искажения преимущественно в ценностно-волевой сфере, нежелание и неспособность отказаться от противоправной деятельности.

Из пояснений 80 % изученных лиц установлено, что они объективно имели доход, обеспечивающий им нормальный уровень жизни (наличие собственного жилья, автотранспорта, ежегодный отдых за границей). Кроме того, это высокообразованные люди, имеющие богатый опыт работы как руководителя, так и специалиста в сфере строительства, транспорта, пользующиеся авторитетом среди подчиненных, деловых партнеров, а также чиновников, отвечающих за строительство и транспортный комплекс в РФ.

Если говорить об условиях, способствовавших совершению преступлений в исследуемой сфере, то можно обозначить их субъективные и объективные условия.

Условия субъективного характера охватывают явления, связанные с особенностями личности субъекта [2, с. 65].

Применительно к исследуемой сфере к субъективным условиям следует отнести халатное отношение к делу (на всех этапах строительства: заключение договоров, поставка материалов и оборудования, приемка выполненных работ), низкий уровень профессиональной квалификации оперативного состава, следователей. Данные субъективные условия, способствующие совершению преступлений, проявляются обычно в комплексе, в результате недостатков в работе служб и их структурных подразделений.

К объективным условиям, влияющим на формирование преступных действий, следует отнести: низкий контроль со стороны государства за выполнением Федеральных программ в области строительства и модернизации; несовершенство структуры и организации технологических процессов; хранения документов строгой отчетности; предпочтения в выборе подрядных организаций (организация, так или иначе, имеет отношение к транспортному комплексу и до реформ входила в единую структуру); отсутствие аналогов строительного оборудования или сырья, необходимого для выполнения строительных работ, в результате чего трудно дать объективную оценку его качества при заключении договоров на его поставку; отсутствие возможности оценить объем выполненных работ в короткие сроки, без привлечения специалистов и использования технического оборудования.

Подводя итог, следует отметить, что выявление и раскрытие данных преступных действий требует особого внимания.

Приведенные особенности совершения преступных действий экономической направленности в сфере строительства на транспорте, связанные с фальсификацией проектной и отчетной документации, не отражают всего многообразия совершаемых преступлений, появление новых особенностей и исчезновение прежних закономерно и во многом зависит:

- от изменений технологического процесса реализации федеральных программ;
- ужесточения требований, предъявляемых к строительным организациям;
- многоуровневого контроля за лицами, так или иначе связанными с указанной сферой;
- изменений в организационно-правовой основе деятельности транспортного комплекса.

Учитывая особенности совершения и сокрытия преступлений экономической направленности в сфере строительства на транспорте, связанные с фальсификацией проектно-сметной и отчетной документации, оперативный работник способен:

- точно определить источники получения оперативно значимой информации, необходимой для выявления и раскрытия преступлений;
- определить условия, способствующие совершению преступлений, и соответственно применить меры, их устраняющие (реализуя задачу по предупреждению преступности);

- определить порядок проведения мер, направленных на выявление и раскрытие преступлений, с учетом их особенностей;
- провести экономический анализ организационной деятельности субъектов строительства на транспорте и использовать полученные данные при будущем уголовном преследовании;
- определить признаки, свидетельствующие о возможном совершении преступлений.

Литература

1. Иващенко А. П. Индивидуальное криминологическое прогнозирование и профилактика рецидива преступлений: учеб. пособие. М., 1989.
2. Криминология: учебник / под ред. В. Д. Малкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2008.
3. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: Юристъ, 2002.
4. Мерещкий Н. Е. Первоначальный этап расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 4 (36).

УДК 351.745.7

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Святослав Игоревич Иванов, начальник кафедры Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: sviatoslavigor@gmail.ru

В статье рассматриваются принципы, на которых основываются планирование и осуществление оперативно-розыскных операций. Предложена авторская классификация принципов, которая подразумевает взаимосвязь тактических принципов с принципами оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: законность; конспирация; конституционность; операция; оперативно-розыскная тактика; права человека и гражданина; принцип; целесообразность.

PRINCIPLES OF CONDUCTING OPERATIONAL INVESTIGATIVE OPERATIONS

Svyatoslav Igorevich Ivanov, head of the Department of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article discusses the principles on which the planning and implementation of operational search operations are based. The author's classification of principles is proposed, which implies the relationship of tactical principles with the principles of operational search activity.

Keywords: legality; conspiracy; constitutionality; operation; operational investigative tactics; human and civil rights; principle; expediency.

Исходным положением любой теории, науки, мировоззрения, политики, вида общественно полезной деятельности является определенная система принципов. Как известно, принцип – первоначало, руководящая идея, основное правило поведения [16, с. 461].

Принципы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) получили нормативно-правовое закрепление, а именно ОРД основывается «на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств» [1]. Эти принципы представляют собой основные идеи и правила оперативно-розыскной тактики (далее – ОРТ), следовательно, и такой ее организационной формы, как оперативно-розыскная операция, но для реализации на практике требуется их конкретизация, а также целый ряд других дополнительных принципов.

Вопрос о тактических правилах ОРД (по сути, о тактических принципах) поставлен А. И. Алексеевым и Г. К. Сениловым еще в 1972 г. в монографии «Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности», открытый вариант которой опубликован в 2017 г. [2, с. 22–24].

Е. С. Дубоносов насчитывает 7 оперативно-розыскных принципов, реализуемых на основе Федерального закона об ОРД, но составляющих свою специфическую систему (активность в добывании информации, плановость, комплексность, научность, достаточность сил и средств, соответствие интенсивности и напряженности обеспечивающих мероприятий степени опасности расследуемого преступления, использование максимального количества источников информации) [9, с. 104]. Хотя Е. С. Дубоносов относит эти принципы к оперативно-розыскному обеспечению, можно рассматривать их и в качестве принципов ведения оперативно-розыскных операций, но среди них нет свойственных этой организационной форме принципов взаимодействия, внезапности и т. п.

Вместе с тем следует отметить, что научных работ, специально посвященных системе принципов ведения оперативно-розыскных операций, среди опубликованных в последние годы нет, во всяком случае, они не известны автору. Между тем разработка системы принципов оперативно-розыскной операции, на наш взгляд, является актуальной, поскольку полное отсутствие каких-либо ведомственных нормативных актов по вопросам операций, осуществляемых силами и средствами ОРД по предотвращению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых организованными преступными группировками (ОПГ) или особо изоциренными преступниками, может отрицательно сказаться на состоянии борьбы с преступностью, вести к неуспеху операций, потерям оперативного состава.

По нашему убеждению, наиболее эффективной организационно-тактической формой борьбы с организованной преступностью является именно оперативно-розыскная операция с широким использованием оперативных комбинаций и оперативной игры. На практике такая форма применяется, но не всегда осознанно, часто с подменой понятий. Например, под терминами «оперативная игра», «оперативная комбинация», «сложное оперативно-розыскное мероприятие» (ОРМ) иногда понимается фактически проведенная операция. Анкетные опросы проходящих переподготовку сотрудников уголовного розыска показали, что понимания сущности операции у них практически нет. Так, в начале обучения только 40 % опрошенных ответили, что за время службы в розыске принимали участие в операциях, при этом все 100 % рассматривали принцип конспиративности обязательным, но только 22 и 29 % сотрудников указали соответственно на такие обязательные принципы, как взаимодействие и внезапность. Перед окончанием обучения, отвечая на вопросы той же анкеты, уже 76 % указали, что участвовали в операциях, а 96 и 92 % признали необходимыми принципами взаимодействие и внезапность. Это свидетельствует о правильном понимании значения принципа конспирации в целом для ОРД (при строгом соблюдении принципа конспирации во время проведения многих ОРМ, например, наблюдения, принципы взаимодействия и внезапности могут не иметь никакого значения), но вместе с тем и о незнании сути операции. Второе анкетирование свидетельствует об изменении взгляда на проблему под влиянием обучения, причем многие из анкетированных обнаружили свое участие в таких операциях. Одновременно подтвердилось, что форма операции менее всего применяется подразделениями уголовного розыска, в то время как в подразделениях борьбы с экономическими преступлениями, особенно в подразделениях по контролю за незаконным оборотом наркотиков, она применяется достаточно широко.

Под термином «оперативно-розыскная операция» мы понимаем систему оперативно-розыскных мероприятий и других действий, направленных на решение задач ОРД, осуществляемых на основе единых замысла и плана и согласованных по цели, месту (объектам), времени и способам действий. Так, для операций характерна организация взаимодействия между всеми ее участниками, использование фактора внезапности, введение противоборствующей стороны в заблуждение, скрытность действий и т. п. Таким образом, система принципов осуществления оперативно-розыскных операций (далее – ОРО) по своему составу является значительно более широкой, чем система принципов ОРД. Принципы ведения ОРО во многом совпадают с принципами ведения органами внутренних дел специальных и оперативно-профилактических операций, частично включают некоторые принципы криминалистической и военной тактики. Однако простое заимствование принципов недопустимо, поскольку «категориальные положения теории оперативно-розыскной деятельности на уровне сходства» переходят «в подобие (но не тождество)» [4, с. 153].

Принципы не могут отражать незначительные и второстепенные обстоятельства. Для их формулирования необходимо анализировать долгий, многогранный опыт деятельности в соответствующей области общественных отношений. Так, принципы ведения ОРО должны отражать объективные закономерности, устойчивые взаимосвязи, которые свойственны процессу противодействия оперативных подразделений организованным преступным груп-

пам или отдельным преступникам, сознательно и активно препятствующим осуществлению тех или иных оперативно-розыскных мероприятий. В этом отношении показателен опыт создания системы принципов специальной тактики, последовательно отраженный в различных наставлениях и теоретических работах исследователей.

В первых работах по специальной тактике (1970-е гг.) еще нет описания системы принципов, лишь называются отдельные из них: законности, внезапности, необходимости согласования усилий (взаимодействие). Спустя некоторое время стали выделять пять принципов: законности; обеспечения безопасности посторонних граждан; обеспечения максимальной безопасности всех участников операции; стремления причинить преступнику минимальный, из возможного в данной ситуации, вред; осуществления операции с использованием минимального количества сил, средств и времени [13, с. 9–11]. В дальнейшем в исследованиях Ю. В. Дубко, А. А. Жижко, В. Б. Княжева, В. М. Корниенко, В. А. Лаптия, А. Ф. Майдыкова и многих других система принципов совершенствовалась, а их количество увеличилось до 12–17. При этом Ю. В. Дубко разделяет принципы специальной тактики на общие (организационные), тактические и специфические [8, с. 290–300], В. Б. Княжев выделяет общие и частные принципы, свойственные различным направлениям оперативно-служебной деятельности, указывая на то, что процесс выбора принципов имеет объективно-субъективный характер [10, с. 46]. В свою очередь А. Ф. Майдыков обращает внимание на невозможность ограничения числа принципов [11, с. 17].

Наставления и инструкции по ведению различных специальных операций («Гром», «Волна», «Набат» и т. п.) также указывают на такие принципы, как устойчивое централизованное управление силами и средствами; поддержание постоянного взаимодействия; высокая боевая и оперативная готовность сил и средств; быстрый скрытый маневр; внезапность, быстрота и решительность; максимальная безопасность граждан и личного состава; строгое соблюдение законности. Правда, ранее эти принципы именовались условиями успеха. Позже появился принцип разумной достаточности силовых действий. Поскольку эти принципы, по сути, являются либо военно-тактическими, либо прямо производными от требований Конституции РФ и Федеральных законов «Об ОРД», «О полиции», они отражают закономерности вооруженной борьбы и предписания действующего законодательства. Вместе с тем, на наш взгляд, для ОРТ необходимо учитывать и опыт оперативной работы органов внутренних дел, контрразведывательных и разведывательных органов.

Таким образом, принципы оперативно-розыскной операции – это основные положения, объективно отражающие закономерности отношений, возникающих в процессе оперативно-розыскной деятельности, которыми руководствуются на основе действующего законодательства при подготовке и ведении ОРО.

Мы предлагаем классификацию, подразделяющую принципы ОРО на следующие группы: 1) общие организационные; 2) оперативные; 3) тактические. Поскольку принципы ОРД не тождественны принципам ОРО, но являются нормативными (обязательными), они отнесены нами к первой и второй группам, однако, как превалирующие, имеют влияние и на третью группу. Это значит, например, что все тактические принципы, как и другие, должны применяться на практике только при условии сочетания с принципами ОРД, т. е. должны соответствовать закону, обеспечивать соблюдение прав и свобод человека и гражданина и т. д. Этим принципам не могут противоречить все остальные. Но принципы, относящиеся ко второй и третьей группам, при применении на практике могут противоречить друг другу. Поэтому в зависимости от конкретной обстановки представляется возможным иногда пожертвовать тем или иным оперативным или тактическим принципом в пользу осуществления более эффективного. К более эффективным принципам считаем целесообразным относить взаимодействие и внезапность.

Рассмотрим основные принципы осуществления ОРО. На наш взгляд, на первом месте должны находиться принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина и принцип законности. Эти принципы являются основными и актуальными на всех этапах проведения ОРО.

Планирование и ведение ОРО возможно только на основе требований федерального законодательства и ведомственных нормативных актов. В противном случае операция либо те или иные оперативно-розыскные действия будут признаны незаконными или совершенными с нарушением положений закона, что повлечет дисциплинарную или уголовную ответственность допустивших отступления от требований законов или иных руководящих нормативных актов руководителей оперативных аппаратов и оперативных сотрудников. Вместе с тем, как справедливо отметил С. А. Буткевич, при планировании операции «допустимы разумная инициатива и креативность при обсуждении прогнозируемых событий и реальной оперативной обстановки» [5, с. 68]. В ходе ОРО возможны действия оперативных сотрудников в состоянии крайней необходимости в отношении преступников, например, причинение телесных повреждений преступнику в результате предотвращения активизации взрывных устройств, применения оружия, уничтожения вещественных доказательств и т. п. Эти принципы относятся к общим (организационным). К той же группе следует отнести и принципы плановости и оперативности; единоначалия и иерархичности управления.

Оперативные принципы конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств выражают суть ОРТ, что позволяет считать их специфическими принципами ОРО и ОРТ. Нормативно-правовые акты не содержат определения конспирации, считая его общепризнанным [14, с. 116].

Полагаем, что планирование ОРО должно происходить со строгим соблюдением правил конспирации. Сам факт ведения операции, принадлежность ее участников к правоохранительным органам маскируются различными тактическими приемами. Силы, средства, методы, планы ОРО, ее тактика, сведения о лицах, негласно сотрудничающих с оперативными подразделениями, засекречиваются. Вековая практика использования негласных сил, средств, методов свидетельствует, что «первое место среди них, даже при результативности современной электронной разведки, справедливо занимает агентурный метод» [3, с. 89].

Следующий принцип – своевременность и целесообразность ОРО – вытекает из опыта оперативно-розыскной, контрразведывательной и разведывательной деятельности. Он означает, что ОРО проводится только в тот момент, когда является целесообразной, поскольку преждевременность ее проведения вызывает целый ряд нежелательных последствий: не все преступные действия оказываются задокументированы, часть разрабатываемых фигурантов оказываются на свободе и продолжают преступную деятельность, материальный ущерб от их действий может быть укрыт от дальнейшего следствия, ликвидированная в ходе операции ОПГ может дать несколько отпочковавшихся группировок и т. д. При этом не может быть оправдано опоздание с проведением ОРО, которое может повлечь материальный ущерб, человеческие жертвы и т. п.

Опыт борьбы охранных отделений с революционными организациями России в 1905–1908 гг. показал, что вовремя ликвидируя эти организации, но оставляя свою агентуру в остаточных революционных формированиях, жандармской полиции удавалось свести на нет их активность и осуществлять постоянный контроль за их деятельностью. Как свидетельствовал бывший начальник нескольких охранных отделений полковник Мартынов, «в области чисто подпольных революционных партий положение было донельзя простое и понятное; в революционном подполье «барахталась» под полным контролем жандармской и охранной полиции одна только фракция Российской социал-демократической партии с ее организациями, рассеянными по наиболее крупным городам; этим организациям мы, жандармская полиция, позволяли едва дышать, и только в интересах политического розыска» [12, с. 39].

Успешно выбирали время, используя благоприятные обстоятельства, органы ОГПУ, НКВД, Смерш для проведения операций «Трест», «Снег», «Монастырь», «Березино» и др. Этот принцип сохраняется как актуальный и в настоящее время. Однако на первый план выдвигаются соображения возможной утраты доказательств в результате промедления, а также возможности задержания виновных с поличным и обеспечения полного возмещения материального ущерба.

Следующий важный принцип – принцип превентивности – отражает необходимость опережающих оперативно-розыскных мер по сравнению с иными действиями, включая и боевые (силовые) действия по борьбе с терроризмом, вооруженными преступниками, массовыми беспорядками. Его правильное применение позволяет во многих случаях либо вообще избежать масштабных силовых действий, либо перехватить инициативу, навязать противоборствующей стороне место, время операции, влияя на оперативную ситуацию с помощью оперативных комбинаций и оперативных игр, избежать потерь или свести их к минимуму. Конечно, это зависит от постоянного ведения оперативного поиска в криминогенной среде, от применения мер по обеспечению оперативной «освещенности» тех или иных объектов.

Принцип темпа операции выведен нами аналогично открытому М. Галактионовым в книге «Париж, 1914. Темп операций» принципу на основе сравнения маневра 6-й французской армии, не отличавшегося оперативной и тактической подвижностью, но благодаря которому союзники выиграли темп [7, с. 51–57]. В ОРТ выигрыш в темпе означает и выигрыш во времени, но еще важны обычно большие, в сравнении с противоборствующей стороной, возможности оперативных подразделений для создания такой обстановки, когда члены ОПГ вынуждены лишь успевать реагировать на шквал постоянно усложняющих обстановку обстоятельств, искусственно создаваемых для них оперативниками. Динамичность действий обычно соседствует и с принципом минимального срока проведения ОРО. Сюда же необходимо отнести принцип инновационности – использование новых, ранее не известных противнику оперативно-технических средств, новых оперативных комбинаций и тактических способов действий. Принцип научности состоит в использовании в этих же целях рекомендаций науки ОРД и опыта оперативной работы.

Тактические принципы ОРО соответствуют определенной части криминалистической тактики, разработка принципов которой начата еще в 1969 г. Р. С. Белкиным и А. И. Винбергом, а в дальнейшем эта работа продолжена уже как над системой следственной тактики А. В. Дуловым, П. Д. Нестеренко и другими. К этой системе относятся принципы этичности, научности, эффективности, планомерности, экономичности, оперативности, избирательности, динамичности и внезапности. Нетрудно заметить, что они во многом совпадают с принципами ОРТ, а также военной тактики. Многие авторы, как и уставы разных армий, называют различные системы принципов, но сравнение их позволяет выделить те принципы, которые наиболее часто называются, а следовательно, обязательно учитываются при подготовке и ведении боевых действий.

Такие принципы, как взаимодействие и внезапность, действуют в той или иной форме во всех уставах современных армий [6, с. 86–87]. Внезапность признается необходимой и в следственной тактике, ссылки на ее применение так или иначе содержатся в наставлениях и инструкциях по специальной тактике (ведению специальных операций). Внезапность (неожиданность, неожиданность) тех или иных действий оказывает ошеломляющее воздействие на противника, не оставляет у него времени для выбора ответных мер, а с точки зрения следственной тактики является основой получения правдивых показаний, иначе говоря, способствует достижению «момента истины». На этих же основаниях этот принцип должен быть включен в систему принципов ОРО и ОРТ. Что касается взаимодействия, то оно является одним из обязательных признаков операции. Несоблюдение принципа взаимодействия (согласования действий всех участников ОРО по времени, месту, способам действий) неминуемо приведет к срыву операции. При организации ОРО приходится согласовывать действия различных

оперативных, оперативно-технических подразделений, часто и иных подразделений полиции, а также рядовых участников и агентуры. В силу этого процесс организации взаимодействия, его осуществления в ходе ОРО, восстановления нарушенного взаимодействия представляется особо важным и довольно сложным на практике.

Военной, специальной и оперативно-тактической тактике давно известен древнейший «принцип Эпаминонда» – сосредоточения максимальных сил на решающем направлении (участке) в сочетании с экономией сил на второстепенных направлениях (участках). Казалось бы, применительно к ОРО этот принцип может рассматриваться как второстепенный, поскольку силы и средства правоохранительных органов изначально многократно превосходят ту или иную ОПГ. Однако на практике всегда наблюдаются трудности при выделении необходимых сил и выдвижении их к месту (местам) действий. В то же время в любом случае силы и средства изначально ограничены. Поэтому игнорирование этого принципа влечет неудачу.

Однажды собеседник Наполеона сказал: «Вы часто с меньшими силами разбивали сильнейшего неприятеля», на что Наполеон возразил: «Имея против себя превосходящую по числу неприятельскую армию, я, как молния, бросался на фланг ее, разбивал его, пользовался смятением неприятеля и кидался опять со всеми силами на другие пункты. Таким образом, наносил я поражение по частям, и победа, которую одерживал я, была, как видите, не что иное, как победа сильнейшего над слабейшим» [15, с. 25–26]. Из этой цитаты можно усмотреть еще один важный тактический принцип – маневр. Относительно ОРО под маневром следует подразумевать как маневр силами и средствами в пространстве, так и маневр путем неизбежного для ОРО переключения оперативного состава и подсобного аппарата на выполнение новых, не свойственных обычной обстановке задач. Но в подавляющем большинстве случаев приходится иметь дело и с маневром в пространстве, часто связанным с совершением многокилометровых маршей.

При ОРО любого масштаба необходим резерв руководителя как для парирования различных случайностей, так и для неожиданных действий противоборствующей стороны. Руководитель операции должен иметь возможность для своевременного реагирования на изменения обстановки и для воздействия на оперативную ситуацию. Такие возможности предоставляет наличие хотя бы минимального (при крайней немногочисленности имеющихся сил) резерва. Ведение операции нуждается в стойком управлении оперативными аппаратами, оперативными группами и рядовыми участниками ОРО, в системе связи, исполнительской дисциплине, во всестороннем обеспечении действий (информационное, оперативное, ресурсное, некоторые элементы боевого обеспечения и т. п.).

Мы рассмотрели лишь основные принципы ОРО, существует целый ряд иных принципов, но следует учесть, что «от знания принципов до умелого воплощения их требований в жизнь – большая дистанция, и преодолевается она непросто» [6, с. 93]. Однако точное и неуклонное соблюдение принципов в оперативной обстановке, в соответствии с накопленным опытом и наукой, делает оперативно-розыскную деятельность подлинным искусством.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. тр. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2017.
3. Бакин А. А. Роль оперативно-розыскной тактики в расследовании насильственных преступлений, совершаемых на религиозной почве в отношении малолетних и несовершеннолетних граждан // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9.
4. Большов И. В. Вновь к вопросу определения понятия оперативно-розыскного обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5.
5. Буткевич С. А. Принципы деятельности войск национальной гвардии России: оценка проблемных моментов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4.
6. Воробьев И. Н. Тактика – искусство боя. М.: ОВА ВС РФ, 2002.
7. Галактионов М. Париж, 1914. Темпы операций. М.-СПб.: АСТ-Terra Fantastica, 2001.

8. Дубко Ю. В. Управление органами внутренних дел в особых условиях. Луганск: РИО ЛАВД, 2004.
9. Дубоносов Е. С. К вопросу о развитии учения об оперативно-розыском обеспечении расследования преступлений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2.
10. Княжев В. Б. Принципы оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и их применение при выполнении возложенных задач // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3.
11. Майдыков А. Ф. Проблемы научного управления органами внутренних дел в особых условиях // Совершенствование управления ОВД в особых условиях: Труды Академии МВД СССР. М., 1991.
12. Микитюк Ю. В., Иванов С. И. Организационные формы деятельности охранных и розыскных отделений полиции во второй половине XIX века и в преддверии революций 1905–1907 и 1917 гг. в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2.
13. Организация задержания вооруженных преступников: учеб. пособие / под ред. А. К. Кавалиериса. М.: УУЗ МВД СССР, 1981.
14. Пономаренко Н. Ю. Конспирация как принцип проведения оперативно-тактической комбинации // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2016. № 24. Вып. 38.
15. Савкин В. Е. Основные принципы оперативного искусства и тактики. М.: Воениздат, 1972.
16. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.5

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ДЕЙСТВИЕМ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С COVID-19 В РОССИИ

Виктор Николаевич Шмаков, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: shmakov.v.n@mail.ru

В настоящей статье автор исследует актуальные вопросы возмещения (компенсации) вреда, причиненного действием ограничительных мер чрезвычайного характера, вводимых органами публичной власти с целью предотвращения распространения COVID-19 в России, и заключает, что действующее российское законодательство не соответствует конституционно-правовым основам установления ограничений субъективных прав в чрезвычайных ситуациях и не гарантирует возмещение (компенсацию) имущественного вреда (ущерба), причиненного физическим и юридическим лицам правомерными действиями органов публичной власти в этих условиях.

В итоге автор констатирует, что в настоящее время вопросы возмещения вреда действиями публично-правового характера в условиях борьбы с COVID-19 в России разрешаются сугубо в рамках функционирования универсального частноправового института обязательств вследствие причинения вреда, а также предлагает на законодательном уровне закрепить право на компенсацию имущественных потерь, причиненных правомерными действиями органов публичной власти в условиях режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации.

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция; ограничительные меры; чрезвычайная ситуация; возмещение вреда; гражданско-правовые обязательства вследствие причинения вреда.

ON THE ISSUE OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY THE ACTION OF RESTRICTIVE MEASURES OF AN EMERGENCY NATURE IN THE FIGHT AGAINST COVID-19 IN RUSSIA

Viktor Nikolaevich Shmakov, head of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

In this article, the author examines topical issues of compensation for damage caused by the action of restrictive measures of an emergency nature imposed by public authorities in order to

prevent the spread of COVID-19 in Russia, where he concludes that the current Russian legislation does not comply with the constitutional and legal framework for establishing restrictions on subjective rights in emergency situations and does not guarantee compensation for property damage (damage) caused to individuals and legal entities by lawful actions of public authorities in these conditions.

In the end, the author States that currently the issues of compensation of harm by the actions of a public law nature in the fight against COVID-19 in Russia are resolved purely by the universal framework of private-legal Institute of obligations tort, and also offers at the legislative level to secure the right to compensation for property damage caused by lawful actions of public authorities in terms of high alert and emergency.

Keywords: new coronavirus infection; restrictive measures; emergency situation; compensation for harm; civil obligations due to harm.

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила вспышку нового коронавируса пандемией. Распространение инфекции в виде нового коронавируса SARS-CoV-2, порождающей болезнь под международным названием COVID-19 (CoronaVirus Disease-19), стало причиной введения публичной властью многих государств, включая и Российскую Федерацию, на своих территориях и в различных сферах деятельности ограничительных мер.

Органы государственной власти РФ (местного самоуправления), их должностные лица, мотивированные необходимостью предотвращения (локализации) распространения новой коронавирусной инфекции, вынуждены применять непопулярные меры в виде установления различного рода ограничений и запретов как правового, так и фактического характера: приостановление (ограничение) отдельных видов деятельности, ограничение передвижения (прогулок), запрет проведения массовых мероприятий либо участия в отдельных мероприятиях и т. д. В силу этого граждане (физические лица), индивидуальные предприниматели и юридические лица, иные организации (хозяйствующие субъекты) лишаются на определенный период времени своего обычного уклада жизни и деятельности, претерпевая при этом значительные убытки в сфере хозяйственной деятельности, а также иного имущественного либо неимущественного вреда в сфере обычных (семейно-бытовых) отношений.

С позиции конституционных и международно-правовых основ существования социально ориентированного и правового Российского государства его органы власти, их должностные лица не только имеют право, но и обязаны действовать наиболее эффективным образом для сохранения жизни (здоровья) людей в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций посредством установления отдельными федеральными законами различных по содержанию ограничений субъективных прав и свобод человека и гражданина (п. 3 ст. 55 Конституции РФ, ст. 8–11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1]).

В этом контексте представляются вполне закономерными вопросы о перспективах возмещения (компенсации) вреда, причиненного физическим и юридическим лицам последствиями установления органами власти и их должностными лицами запретов (ограничений), иных предписаний (принуждений) в различных сферах деятельности данных лиц и в условиях существования чрезвычайных ситуаций либо рисков их возникновения, а также о пределах такой компенсации и о правовой природе (конструкции) соответствующего правового механизма возмещения.

Всякое поведение органов власти и их должностных лиц, причиняющее вред, имеет публично-правовую природу, так как оно всегда оценивается как действие соответствующего публично-территориального образования. Именно из этого исходит конституционно закрепленное право каждого «на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц» (ст. 53 Конституции РФ).

Принципиальным и конститутивным в части безусловного удовлетворения требований лиц, претерпевших убытки и иной вред от действий публичных органов власти в условиях борьбы с болезнью CoronaVirus Disease-19, о возмещении данного вреда является признание данных действий незаконными. Оценивать содержание данного поведения причинителей вреда необходимо с позиции соответствия требованиям нормативно-правовых актов, регламентирующих действия публичной власти в условиях распространения COVID-19 в России, которые, в свою очередь, должны соответствовать конституционным началам регулирования отношений, проистекающих в условиях чрезвычайной ситуации и допускающих соответствующие ограничения прав и свобод.

Рамками настоящей статьи не представляется возможным содержательно исследовать теоретико-правовые и правоприменительные аспекты основополагающих начал (принципов) правомерного ограничения прав, обозначим лишь тезисно соответствующие конституционные начала, включая правовые позиции по этим вопросам Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ).

Как было ранее отмечено, Конституция РФ допускает ограничения прав, но только на уровне федерального закона и только в целях защиты, в нашем случае, здоровья. Гражданский кодекс РФ в ст. 1 обозначенные конституционно-правовые гарантии допустимого правомерного ограничения прав развивает и детализирует в отношении субъективных гражданских, а также экономических прав (допуская ограничения перемещения товаров и услуг), если это необходимо для обеспечения защиты жизни и здоровья людей.

Однако в аспекте исследуемых проблем особое значение имеют положения ст. 56 Конституции РФ, где законодатель непосредственно сформулировал конституционно-правовые основы (правила) введения режима чрезвычайного положения, установления его территориального правового статуса, а также особого порядка реализации прав и свобод в этих условиях. Данные конституционно-правовые установления сводятся к тому, что чрезвычайное положение в Российской Федерации в целом либо на ее отдельной территории может вводиться (здесь и далее курсив наш – В.Ш.) *лишь при наличии обстоятельств* (например, чрезвычайное распространение COVID-19 в России) *и в порядке, установленных, но уже не федеральным, а федеральным конституционным законом*, а главное, что касается ограничений прав и свобод, то даже в условиях чрезвычайного положения *такие ограничения могут иметь место только для обеспечения безопасности граждан* (например, для защиты жизни и здоровья населения РФ), *с обязательным указанием пределов и срока их действия и в соответствии с федеральным конституционным законом*, а из этого достаточно определенно следует, что вопросы чрезвычайного положения, а также допустимости ограничений в этот период имеют сугубо конституционно-правовой статус. Данные правила, безусловно, имеют целью не допустить так называемого «произвола властей» в условиях какой бы то ни было чрезвычайной ситуации.

Общепризнано, что правовые либо неправовые ограничения субъективных гражданских прав проявляют себя таковыми исходя из установления их соответствия объективному праву. При этом сразу оговоримся, что сама постановка вопроса о существовании неправомερных ограничений прав и свобод юридически некорректна, в случае установления таких юридических ситуаций (казусов), они должны оперативно устраняться путем признания их таковыми и отменяться со всеми вытекающими из этого последствиями в части восстановления нарушенных (ограниченных) прав и возмещения вреда, причиненного таким неправомερным ограничением.

Правомерные ограничения, как правило, реализуются в виде запретов и предписаний, имеют строго целевое назначение (например, охрана жизни и здоровья) и временные пределы существования, но в любом случае они никогда не влекут утраты самого этого субъективного права. При этом, согласно правоприменительным позициям КС РФ, законодательные и исполнительные органы власти в вопросах допустимого ограничения прав и свобод обязаны

исходить из того, что данные ограничения должны: во-первых, иметь оформление на уровне не ниже федерального закона [5]; во-вторых, обеспечивать баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры, соблюдая при этом принципы *справедливости, равенства и соразмерности*; исключать возможность *несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации* [3; 4]. При этом допускаясь правомерные ограничения, приводящие к имущественным потерям (ущербу) физических и юридических лиц, должны базироваться на безусловных гарантиях со стороны государства по их компенсации.

Таким образом, в ситуации чрезвычайного распространения COVID-19 в России действия органов государственной власти и их должностных лиц, включая органы внутренних дел, по реализации ограничительных (запретительных) мер с целью предотвращения распространения данной новой инфекционной болезни могут быть признаны как правомерными, так и неправомерными. При этом данный вопрос должен решаться с учетом фактически складывающейся ситуации, в которой данные запретительные меры реализуются (неудовлетворительное санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, угроза его здоровью (жизни), необходимость защиты населения от чрезвычайных ситуаций), и уровня ее нормативно-правового оформления.

В настоящее время базовым законом, регулирующим отношения в РФ в условиях чрезвычайного распространения COVID-19 и имеющим целью защиту от чрезвычайных ситуаций, выступает Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ «О защите от ЧС») [2].

ФЗ «О защите от ЧС» закрепляет организационно-правовые основы защиты населения РФ от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в части определения оснований (обстоятельств) возникновения соответствующих ситуаций, установления различных режимов функционирования органов власти в этих условиях и т. д. В частности, распространение COVID-19 в целом в России или на ее отдельной территории по своим последствиям представляет опасность для окружающих в форме причинения смерти либо иного ущерба здоровью людей, влечет значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Данная ситуация, согласно ст. 1 названного закона, классически подпадает под понятие «чрезвычайная ситуация».

Комментируемый федеральный закон устанавливает несколько режимов функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: режим повседневной деятельности (при отсутствии угрозы возникновения чрезвычайной ситуации); режим повышенной готовности (при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации); режим чрезвычайной ситуации (при возникновении и ликвидации чрезвычайной ситуации). Но при этом соответствующие органы управления имеют право применять отдельные меры (по своей природе имеющие характер ограничений) по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций *лишь в условиях режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации* (ограничивать доступ людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации; определять порядок использования транспортных средств, средств связи и оповещения, а также иного имущества органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций; приостанавливать деятельность организации, оказавшейся в зоне чрезвычайной ситуации, если существует угроза безопасности жизнедеятельности работников данной организации и иных граждан, находящихся на ее территории) и осуществлять меры, обусловленные развитием чрезвычайной ситуации, *но не ограничивающие прав и свобод человека и гражданина*, и направленные на защиту населения и территорий от чрезвычайной ситуации, на создание необходимых условий для предупреждения

дения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия. Таким образом, даже в условиях чрезвычайной ситуации меры, осуществляемые органами управления, *не должны ограничивать права и свободы человека и гражданина.*

Продолжающееся распространение COVID-19 на территории Российской Федерации послужило основанием оперативного внесения изменений в ФЗ «О защите от ЧС» (ред. от 01.04.2020) в части расширения полномочий Правительства РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. С 1 апреля 2020 г. соответствующие органы вправе устанавливать «обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации», данная достаточно общая формулировка не исключает возможности публичных органов власти, устанавливая некие обязательные правила поведения для граждан и организаций, приводить в действие различные меры ограничительного характера в форме прямых ограничений и запретов.

В частности, распоряжением правительства Хабаровского края от 13 февраля 2020 г. № 120-рп в целях недопущения завоза и распространения коронавирусной инфекции нового типа на территории Хабаровского края был введен впервые режим повышенной готовности, который обосновывался ФЗ «О защите от ЧС» и определял соответствующий алгоритм действий региональных властей в границах Хабаровского края для достижения обозначенной цели, не устанавливая гражданам и юридическим лицам обязательные для соблюдения ограничения и запреты.

Однако уже следующим распоряжением правительства Хабаровского края от 26 марта 2020 г. № 97-пр «О мероприятиях по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции на территории Хабаровского края» правительство края вводит широкий спектр мер ограничительного характера, который значительно пополнился после 1 апреля 2020 г. (после внесения изменений в ФЗ «О защите от ЧС»).

Из приведенного тезисного комментария отдельных нормативных правовых актов, оформивших и запустивших реализацию мероприятий по предупреждению распространения коронавирусной инфекции нового типа на территории РФ в целом и на территории Хабаровского края в частности, следует вывод, что данное правовое оформление отдельных ограничений субъективных прав и свобод на территории России не вписывается в их конституционно-правовые основы. Основания и условия реализации органами публичной власти мероприятий по предупреждению распространения инфекционной болезни, предусмотренные ограничительные меры базировались на требованиях ФЗ «О защите от ЧС», не имеющего статуса федерального конституционного закона, при этом значительный перечень ограничительных мер и запретов предусмотрен был в условиях режима повышенной готовности, а не в условиях режима чрезвычайной ситуации, при этом сам ФЗ «О защите от ЧС» не раскрывает содержание правовой категории «режим повышенной готовности» в части поведения населения.

Выявленные правовые коллизии нуждаются в устранении посредством законодательного придания так называемым чрезвычайным законам статуса федерального конституционного закона с установлением, учитывая реалии последствий распространения новой инфекционной болезни в России, примерного перечня ограничений и запретов, связанных с природой данного инфекционного заболевания. А пока же обозначенная правовая и фактическая ситуация, связанная с реализацией публичной властью мер по борьбе с COVID-19 в целом в России или на ее отдельной территории, порождает немало судебных тяжб (гражданско-правовых споров) в части правомерности установленных ограничений (запретов) и устранения последствий их применения в форме возмещения убытков.

Конституционно-правовые гарантии реализации субъективного права потерпевшего на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ),

получили развитие в гражданском законодательстве, где сконструирован и нормативно закреплён гражданско-правовой механизм возмещения причиненного вреда неправомерными действиями органов публичной власти (ст. 16 и 1069 ГК РФ) и в соответствии с которым вред (убытки), причиненные в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием. Данный правовой механизм возмещения вреда основан на функционировании универсального гражданско-правового института деликтных обязательств или, иначе, обязательств вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК РФ).

Перспективы же возмещения причиненного вреда в условиях ограничения распространения COVID-19 на территории Российской Федерации правомерными действиями властных публичных структур необходимо рассматривать с учетом правил ст. 16.1 ГК РФ, допускающих компенсацию ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина (имуществу юридического лица) правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или их должностными лицами, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, в случаях и в порядке, предусмотренных отдельным законом, иначе говоря, перспектива реализации данного правила зависит от того, закреплено ли оно ФЗ «О защите от ЧС».

ФЗ «О защите от ЧС» предусматривает в ст. 18 право граждан Российской Федерации на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций, что служит определенной гарантией возмещения ущерба, причиненного правомерными публичными действиями органов власти РФ, их должностными лицами, включая органы внутренних дел, по противодействию и локализации распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 (п. 1). Однако порядок и условия, виды и размеры соответствующих компенсаций и социальных гарантий, предоставляемых гражданам Российской Федерации, устанавливаются отдельным законодательством РФ либо законодательством субъектов РФ (п. 2), а главное, исходя из анализа ст. 18 ФЗ «О защите от ЧС» во взаимосвязи со ст. 16.1 ГК РФ, право граждан Российской Федерации на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, может быть реализовано в форме компенсации при условии *причинения соответствующего вреда только в условиях режима чрезвычайной ситуации*. Но, как было нами установлено, реализация мероприятий по предупреждению распространения COVID-19 как на территории РФ в целом, так и на территории Хабаровского края, а также предусмотренные ограничительные меры в формате требований ФЗ «О защите от ЧС» происходили в условиях введения режима повышенной готовности, а не в условиях режима чрезвычайной ситуации.

Таким образом, комментируемый так называемый чрезвычайный закон не гарантирует возмещение вреда, причиненного органами публичной власти при непосредственной реализации ограничительных мер по предупреждению распространения COVID-19 в РФ либо в условиях сопровождения правомерных ограничений (например, действиями ОВД РФ), так как, признавая ситуацию с распространением инфекционной болезни нового типа чрезвычайной, органы публичной власти режим ЧС не вводили. По сути, государство объективно не обременяет себя обязанностью по возмещению (компенсации) вреда, причиненного публично-правовыми (правомерными) действиями в условиях распространения инфекции COVID-19, не имеющих статуса чрезвычайного положения. Государство оставляет за собой лишь право на компенсацию причиненного такими ограничениями (запретами) вреда физическим и юри-

дическим лицам в форме мер по материальной поддержке отдельных категорий граждан либо отдельных сфер хозяйствования (оказания услуг).

Как итог, представляется целесообразным на уровне законодательных мер рассмотреть вопрос о внесении изменений в ФЗ «О защите от ЧС» в части закрепления права граждан и юридических лиц на компенсацию имущественных потерь от ограничений и запретов не только в условиях введения режима чрезвычайной ситуации, но и в условиях введения режима повышенной готовности. А пока же ФЗ «О защите от ЧС», в случаях причинения вреда вследствие реализации мероприятий по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции, для целей разрешения вопросов возмещения данного вреда отсылает к гражданскому законодательству Российской Федерации, а именно к ГК РФ, в рамках которого универсальным образом реализуются правовые средства (способы) возмещения (восстановления) в полном объеме вреда, причиненного как действиями публично-правового, так и действиями частноправового характера. Эти средства имеют конструкцию гражданско-правового института обязательств вследствие причинения вреда (ст. 16 гл. 59 ГК РФ), а порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов публичной власти вследствие реализации мероприятий по предупреждению распространения COVID-19 в РФ, непосредственно закреплен на уровне специального деликта в ст. 1069 ГК РФ.

В данном случае, как считают некоторые ученые-цивилисты, «современное правовое регулирование основано на убеждении законодателя в том, что вред, являющийся результатом незаконного действия властвующего субъекта, – исключительно цивилистическая категория, где на первый план выдвигается причинение вреда, изолированная оценка которого (вне зависимости от незаконного действия) порождает иллюзию универсальности гражданско-правовых способов защиты нарушенных прав» [6, с. 118].

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 01.04.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 г. № 4-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики: постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2014 г. № 26-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Городилова И. А., Соколова Т. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину государством: институт публичного права или частноправовая монополия? // Российский юридический журнал. 2016. № 1.

УДК 347.6

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ НАСЛЕДНИКОВ ВОЗМЕСТИТЬ ЗАТРАТЫ НА УХОД, ЛЕЧЕНИЕ И ПОГРЕБЕНИЕ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ

Лидия Ивановна Кулицкая, доцент кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: kulitskaya@mail.ru

В статье автор обращает внимание на то, что пункт 2 ст. 1174 ГК РФ предоставляет возможность предъявления требований к наследникам, принявшим наследство, о возмещении расходов, вызванных предсмертной болезнью и смертью наследодателя, определяет это право понесшего убытки лица как безусловное, не зависящее от каких бы то ни было обстоятельств. Судебная практика обязывает наследников возместить затраты на уход, лечение и погребение наследодателя ставит в зависимость от установленной судом либо соглашением сторон обязанности лиц, получивших наследство, содержать наследодателя перед смертью. Предлагается пункт 1 ст. 1174 ГК РФ трактовать более широко, имея в виду, что указанные необходимые расходы должны возмещаться любыми наследниками умершего за счет наследства в пределах его стоимости, независимо от установленной судом либо соглашением сторон обязанности лиц, получивших наследство, содержать наследодателя перед смертью. Для этих целей достаточно факта принятия наследства.

Ключевые слова: затраты на уход, лечение и погребение наследодателя; обязанность наследников возместить расходы; необходимые расходы, вызванные предсмертной болезнью и похоронами наследодателя.

LEGAL GUARANTEES OF ENSURING THE OBLIGATION OF HEIRS TO REIMBURSE THE COSTS OF CARE, TREATMENT AND BURIAL OF THE TESTATOR

Lidia Ivanovna Kulitskaya, department associate professor of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

In the article the author draws attention to the fact that paragraph 2 of article 1174 of the civil code the possibility of claims to the heirs who accepted the inheritance, reimbursement, caused by death illness and death of the testator, defines this right have suffered the loss of a person as unconditional, not dependent on any circumstances. However, judicial practice obliges the heirs to reimburse the expenses for the care, treatment and burial of the testator, depending on the obligation established by the court, or by agreement of the parties, of the persons who received the inheritance to support the testator before death. It is proposed to interpret paragraph 1 of article 1174 of the civil code more broadly, bearing in mind that these necessary expenses should be reimbursed by any heirs of the deceased at the expense of the inheritance within its value, regardless of the obligation established by the court, or by agreement of the parties of the persons who received the inheritance, to support the testator before death. For these purposes, the fact of accepting the inheritance is sufficient.

Keywords: expenses for the care, treatment and burial of the testator; the obligation of the heirs to reimburse expenses; necessary expenses caused by the testator's deathbed illness and funeral.

Законом (ст. 1174 ГК РФ) предусмотрена обязанность наследников, принявших наследство, возместить затраты на уход, лечение и погребение наследодателя. Указанные затраты определяются как «необходимые расходы (здесь и далее курсив наш – Л.К.), вызванные предсмертной болезнью наследодателя, расходы на его достойные похороны, включая необ-

ходимые расходы на оплату места погребения наследодателя, расходы на охрану наследства и управление им, а также расходы, связанные с исполнением завещания». Как видим, в первую очередь возмещаются необходимые расходы, вызванные предсмертной болезнью и похоронами наследодателя, во вторую – расходы на охрану наследства и управление им и в третью очередь – расходы, связанные с исполнением завещания.

Расходы, которые возмещаются в первую очередь и являются необходимыми, можно разделить на две группы: 1) *необходимые расходы*, вызванные *предсмертной болезнью* наследодателя; 2) *необходимые расходы*, вызванные *похоронами* наследодателя.

Исполнение наследниками обязанности возместить указанные в законе затраты зависит от многих обстоятельств, к числу которых относятся: толкование понятия «необходимости» несения расходов; перечень расходов, подлежащих возмещению; основания возмещения.

Что понимать под «необходимыми расходами», о которых идет речь в п. 1 ст. 1174 ГК РФ? Границы этой доктрины в настоящее время в полной мере еще не определены. Так, А. В. Фиошин понятия «необходимые расходы, вызванные предсмертной болезнью наследодателя», «достойные похороны» и «необходимые расходы на оплату места погребения наследодателя» правомерно относит к категории оценочных и считает, что необходимость несения таких расходов должна иметь объективный характер и быть обусловленной болезнью наследодателя, которая повлекла его смерть [5, с. 21–24].

Правовая доктрина не содержит понятия *предсмертной болезни*. Что это, болезнь, в результате которой наступила смерть наследодателя, или любая болезнь перед смертью, которой болел умерший? Нужно ли устанавливать причинную связь между определенным заболеванием и смертью умершего или подлежат взысканию и расходы, вызванные сопутствующими заболеваниями, которые имели место перед смертью лица? Возникает и вопрос, за какой период болезни перед смертью расходы подлежат взысканию, поскольку некоторые виды болезней могут длиться годами? Целесообразно ли период взыскания связывать со сроком исковой давности? Понятно, что несение предсмертных расходов – это правоотношение длящееся, которое неизвестно когда прекратится, и поэтому связывать период несения таких расходов и взыскание их с наследников со сроком исковой давности вряд ли целесообразно.

Чтобы разобраться в этом вопросе, мы обратились к определению понятий «болезнь» и «заболевание». Болезнь, не указанная как причина смерти, предсмертной считается не может, хотя организм человека – это сложное образование и в нем все взаимосвязано. Болезнь (лат. *morbus*) – это состояние организма, выраженное в нарушении его нормальной жизнедеятельности, продолжительности жизни и его способности поддерживать свой гомеостаз*.

Заболевание – это нарушения нормальной жизнедеятельности, возникающие в ответ на действие патогенных факторов, нарушения работоспособности, социально полезной деятельности, продолжительности жизни организма и его способности адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям внешней и внутренней среды**.

И в одном и в другом определении содержится указание на *нарушения нормальной жизнедеятельности* организма человека, *нарушения работоспособности* и *продолжительности жизни* организма. Таким образом, понятия «болезнь» и «заболевание» как юридические факты, влекущие определенные гражданско-правовые последствия, значительным образом друг от друга не отличаются. Определение объема расходов, подлежащих возмещению наследниками, напрямую не зависит от того, какой болезнью болел наследодатель перед смертью и от какой болезни он умер.

Возможность и объем взыскания расходов, связанных с предсмертной болезнью наследодателя, суды связывают с наличием медицинских документов, подтверждающих необходи-

* URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D1%8C> (дата обращения: 01.10.2019).

** Там же.

мость несения этих расходов. Должны быть представлены рецепты и копии чеков о приобретении препаратов по данным рецептам. Отказ в удовлетворении требований происходит по тем основаниям, что из представленных медицинских документов судам не удается установить, что расходы понесены именно в связи с необходимостью лечения наследодателя перед смертью*. Следовательно, суды исходят из того, что предсмертной является болезнь, которая предшествовала смерти, от которой наследодатель умер и которая указана в медицинской справке о смерти.

Судебная практика к расходам, связанным с предсмертной болезнью наследодателя, относит: расходы на лекарства, которые приобретались по рецептам лечащих врачей наследодателя** ; расходы на оплату операций, вызванных предсмертной болезнью наследодателя, медицинских средств для таких операций*** ; расходы на оплату услуг сиделок, когда это необходимо в соответствии с медицинскими предписаниями**** .

Очевидно, что отсутствие четкой регламентации понятия и (или) четкого определения перечня расходов, подлежащих возмещению наследниками, влечет невозможность единообразного применения положений данной статьи.

В законе предусмотрена обязанность наследников возместить потерпевшему затраты на *достойные похороны*, включая необходимые расходы на оплату места погребения наследодателя. Что такое «достойные похороны» и сколько они стоят? Мы уже пытались разобраться с понятием достойных похорон [1, с. 41–43] и пришли к выводу, что это понятие тесно связано с достойным отношением к телу умершего и с тем, что погребение умершего должно осуществляться с соблюдением его пожеланий, выраженных им при жизни, и с учетом пожеланий родственников. Достойное отношение к телу умершего предполагает исполнение его воли о возможности (или невозможности) патолого-анатомического вскрытия, изъятия органов и (или) тканей из его тела, определения места погребения, использование определенных обычаев или обрядов, кремации, а также доверие определенному лицу взять на себя обязанность по организации похорон. В самом простом понимании достойные похороны – это похороны, при которых исполняется последняя воля умершего, хотя не исключено, что это еще и дорогие похороны и их стоимость может варьироваться в зависимости от многих составляющих. Причем расходы на достойные похороны, как правило, осуществляются из денежных средств наследодателя либо из средств его наследников.

Разрешая вопросы о взыскании расходов на достойное погребение наследодателя, судебная практика исходит из *необходимости* несения таких расходов, но, опять же, при наличии их документального подтверждения истцом. Суды взыскивают расходы на покупку гроба, венка, ленточек, подушки, на оказание ритуальных услуг, на отпевание, на медальон с надписью, на перевозку покойного, на оплату поминок в кафе, на расходы по облагораживанию места захоронения, на расходы по изготовлению памятника. Обращается внимание на то, чтобы был подтвержден факт несения таких расходов, и на то, чтобы расходы были понесены за счет личных денежных средств лица, предъявившего требование об их возмещении наследниками***** .

Но не всегда суды принимают во внимание то, что расходы истцом были понесены в соответствии с действующими обычаями и традициями. Как считает А. В. Мальшкин, «знание обычаев и традиций в данном случае необходимо для определения объема ритуальных дей-

* Апелляционное определение Московского городского суда от 16 мая 2019 г. по делу № 33–12280/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Апелляционное определение Омского областного суда от 4 июня 2014 г. по делу № 33–3646/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

*** Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июля 2013 г. по делу № 11–20693. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

**** Апелляционное определение Омского областного суда от 4 июня 2014 г. по делу № 33–3646/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

***** Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 10 сентября 2018 г. № 33–3037/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ствий (услуг), предметов, традиционно используемых при погребении» [2, с. 7], то есть понятие необходимости расходов должно сопоставляться с обычаями и традициями в каждом конкретном случае. Если обычай предусматривает такое действие, следовательно, расходы на его осуществление можно относить к необходимым. Тем не менее, суды по-разному оценивают необходимость взыскания отдельных видов расходов, произведенных потерпевшей стороной.

А. В. Фиошин, рассуждая об оценочных категориях в наследственном праве России, приводит пример, когда расходы на установку памятника и благоустройство могилы Санкт-Петербургского городского суд посчитал необходимыми расходами, поскольку установка памятника на могиле умершего и благоустройство могилы соответствуют традициям населения России и являются общепринятыми, а Челябинский областной суд установление надгробной плиты и благоустройство могилы не признал необходимыми расходами и изменил решение суда, исключив эти расходы из суммы расходов, взысканных судом первой инстанции. Разнообразной является практика судов и по взысканию расходов на поминальные обеды. В одних случаях, указывает А. В. Фиошин, суды взыскивают с наследников такие расходы, а в других случаях во взыскании отказывают. Судебная практика по взысканию расходов на приобретение спиртных напитков на поминальный обед также является разнообразной.

Таким образом, А. В. Фиошин категорию «необходимые расходы» правомерно соотносит с обычаями и традициями. Если конкретное действие проводится в соответствии с обычаями и традициями, то оно должно расцениваться как «необходимые расходы» [4, с. 21–24]. В данном случае источником права будет выступать обычай делового оборота.

Очевидно, что необходимые расходы – это такие расходы, которые диктуются необходимостью или обязательностью их предоставления. В толковом словаре Владимира Даля «необходимый» определяется как «нужный, надобный, без чего нельзя быть, нельзя обойтись», а также сказано, что «всякая необходимость есть следствие чужой (не своей) воли».

Таким образом, необходимость расходов, вызванных болезнью и похоронами наследодателя, в данном контексте должна пониматься, как вызванная не волей лица, понесшего расходы, а наличием определенных обстоятельств, наличием необходимости несения этих расходов в связи с обычаями и традициями. И только необходимость произвести расходы, вызванные болезнью и достойными похоронами наследодателя, может повлечь возникновение обязательства между лицом, которое понесло эти расходы, и наследниками.

Но о каком обязательстве в данном случае идет речь? С. Ю. Чашкова утверждает, что если лицо понесло расходы на лечение наследодателя, не имея обязанности его содержать, или расходы на достойные похороны наследодателя, то такие расходы, по сути, имеют одни корни с обязательствами из неосновательного обогащения [5, с. 23–29]. Автор обосновывает свою позицию тем, что произведенные расходы подлежат компенсации за счет того лица, которое должно было произвести расходы на погребение наследодателя, но не произвело их, и тем самым сберегло свое имущество, то есть неосновательно обогатилось за счет имущества, которое после смерти наследодателя стало наследственной массой. Универсальность правопреемства позволяет законодателю прямо указать в законе на лиц, обязанных компенсировать такие расходы после смерти наследодателя, а также установить имущество, за счет которого будут удовлетворены требования о компенсации. Статья 1174 ГК РФ этих лиц и указывает. Это наследники, принявшие наследство. Они обязаны возместить затраты на уход, лечение

* Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 26 марта 2014 г. № 33–4426 по делу № 2–53/14. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Апелляционное определение Челябинского областного суда от 4 июля 2014 г. по делу № 11–6516/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

*** Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 11 февраля 2014 г. по делу № 33–123/14. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

**** Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=19665> (дата обращения: 19.09.2019).

и погребение наследодателя лицу, понесшему такие расходы. И несмотря на то, что в законе содержится прямое указание на наследников, принявших наследство, о взыскании с них необходимых расходов, вызванных болезнью и похоронами наследодателя, правоприменители по-разному толкуют нормы ст. 1174 ГК РФ.

Предусмотренная законом обязанность наследников возместить расходы, вызванные болезнью и похоронами наследодателя, разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», который в п. 12 указал, что «по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда... (п. 2 ст. 15 ГК РФ)». Таким образом, судебная практика указанное обязательство определяет не как обязательство их неосновательного обогащения, а как обязательство, возникающее вследствие причинения вреда, и возможность обязать наследников возместить расходы на уход, лечение и погребение наследодателя ставит в зависимость от обязанности наследников содержать наследодателя перед его смертью. Если судом такая обязанность на наследников не возложена, то они и не обязаны возмещать указанные расходы, обязательство из причинения вреда, по мнению суда, не возникает. Например, апелляционным определением Омского областного суда истцу было отказано во взыскании убытков, связанных с проживанием умершего в квартире истца и уходом за ним перед смертью, и в компенсации морального вреда в связи с тем, что не представлено доказательств того, что в судебном порядке на ответчика (на дочь умершего, которая стала его наследницей) была возложена обязанность уплачивать алименты, которую она не исполняла, что повлекло несение истцом убытков. Суд указал, что ссыла на то, что дочь «не осуществляла уход за своим престарелым отцом, на выводы суда не влияет, поскольку указанные отношения, в том числе касающиеся уплаты трудоспособными детьми алиментов на содержание своих нетрудоспособных родителей, регулируются нормами семейного права и в предмет настоящего иска не входят».

Таким образом, обязанность наследников возместить затраты на уход, лечение и погребение наследодателя ставится в зависимость от установленной судом либо соглашением сторон обязанности лиц, получивших наследство, содержать наследодателя перед смертью. Однако пункт 2 ст. 1174 ГК РФ возможность предъявления требований к наследникам, принявшим наследство, о возмещении расходов, вызванных смертью наследодателя, определяет это право понесшего убытки лица как безусловное, не зависящее от каких бы то ни было обстоятельств. Поскольку наследниками могут быть лица, не входящие в круг наследников по закону и по закону не обязанные содержать наследодателя перед смертью, то, следуя судебной практике, с них нельзя взыскать расходы, вызванные предсмертной болезнью и смертью наследодателя. Представляется, что толкование исследуемой нормы в таком ракурсе является чрезвычайно узким. Пункт 1 ст. 1174 ГК РФ необходимо трактовать более широко, имея в виду, что необходимые расходы, вызванные предсмертной болезнью наследодателя, и расходы на его достойные похороны возмещаются наследниками умершего за счет наследства в пределах его стоимости, независимо от установленной судом либо соглашением сторон обязанности лиц, получивших наследство, содержать наследодателя перед смертью. Для этих целей должно быть достаточно факта принятия наследства.

Существует еще одна неразрешенная проблема при исполнении наследниками обязанности возместить потерпевшему затраты на уход, лечение и погребение наследодателя. Статья 1175 ГК РФ устанавливает пределы обращения взыскания и определяет установление ограниченной ответственности наследников по обязательствам наследодателя суммой полученного наследства. Однако некоторые авторы считают, что установленное законодате-

* Апелляционное определение Омского областного суда от 6 июня 2018 г. по делу № 33–3433/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

лем ограничение ответственности наследников не является «бесспорно верным» [3, с. 114]. Действительно, в тех случаях, когда наследственной массы не достаточно для удовлетворения требований потерпевшего, суд может обратиться взыскание и на личное имущество наследников, но в пределах стоимости унаследованного имущества и при наличии акта описи наследственной массы с указанием ее стоимости. Это случаи, когда часть наследства утрачена, пришла в негодность либо была отчуждена наследниками до предъявления иска о взыскании расходов. Правомерно ли такое решение суда и соответствует ли оно ст. 1175 ГК РФ, сказать сложно, поскольку указанная статья не содержит оговорок относительно возможности обращения взыскания на имущество наследников в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества.

Таким образом, устанавливая гарантии обеспечения обязанности наследников возместить затраты на уход, лечение и погребение наследодателя лицу, понесшему такие расходы, законодатель не вполне конкретно определяет основания исполнения этой обязанности и ее пределы, что может привести к различному толкованию закона и разному применению указанных норм на практике. Очевидно, что эти и другие вопросы возмещения затрат наследниками требуют дальнейшего осмысления.

Литература

1. Кулицкая Л. И. Сколько стоят «достойные похороны»? Проблемы правового регулирования // Бизнес в законе. 2015. № 6.
2. Малышкин А. В. Обычаи и традиции в судебной практике судов общей юрисдикции // Российский судья. 2013. № 3.
3. Мочалова В. А. Ответственность наследников по долгам наследодателя: проблемы и перспективы развития института // Евразийская адвокатура. 2019. № 2 (39).
4. Фиошин А. В. К вопросу об оценочных категориях в наследственном праве России // Наследственное право. 2015. № 2.
5. Чашкова С. Ю. Правовая природа и виды односторонних волеизъявлений, совершаемых после открытия наследства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12.

УДК 347.412.92

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Валерия Владимировна Кудряшова, преподаватель Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия

E-mail: lera_patrakova@mail.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы понятия «объект культурного наследия народов Российской Федерации» и определения его взаимосвязи с иными родственными терминами (памятник истории и культуры, культурная ценность). Сформулирован вывод о тождественности понятий «памятник истории и культуры» и «объект культурного наследия». Отмечается, что действующее законодательство не содержит правовых норм, позволяющих считать объекты культурного наследия разновидностью культурных ценностей, в связи с чем существует законодательный пробел: формально законодательство о культуре не может быть применено к отношениям, связанным с объектами культурного наследия. Автором сформулированы предложения по внесению изменений в действующее законодательство, направленных на устранение пробела и унификацию используемой терминологии.

Ключевые слова: объекты гражданских прав; объекты культурного наследия; памятники истории и культуры; культурные ценности; правовая коллизия; пробел в праве; юридическая терминология.

CULTURAL HERITAGE SITES: APPLICATION PROBLEM OF THE LEGAL NOTION

Valeria Vladimirovna Kudryashova, lecturer of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice

The article is devoted to the study of legal nature of the notion «cultural heritage site of peoples of the Russian Federation» and definition of its correlation with other related terms (historical and cultural monument, cultural property). A conclusion is formed concerning the equality of notions «historical and cultural monument» and «cultural heritage site». It is noted that current law does not contain any legal provisions that let understand cultural heritage sites as a variation of cultural properties, causing a legislative gap: formally, culture legislation may not apply to relations related to cultural heritage sites. The author forms proposals to make amendments to current laws aimed at filling the gap and unification of the terms used.

Keywords: objects of civil law rights; cultural heritage sites; historical and cultural monuments; cultural properties; conflict of law; legislative gap; terms of law.

Во всем мире защита объектов культурного наследия является основой сохранения культурного и исторического самосознания общества.

Дальний Восток выделяется среди всех российских регионов своей значительной территорией, на которой в силу географических и климатических особенностей развития формирование очагов культуры происходило не так активно, как в центральной части страны, поэтому сохранение культурного наследия Востока России особенно актуально. Задача сохранения объектов культурного наследия решается не только практически (например, их реставрация), но и путем создания правовой базы, которая является необходимой основой применения мер по сохранению и защите таких объектов. Для этого в первую очередь необходимо разработать и внедрить в практику применения единую и непротиворечивую терминологию.

Статьей 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [1] (далее – Закон об объектах культурного

наследия) объекты культурного наследия определены как объекты недвижимого имущества и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры.

При этом в Конституции Российской Федерации употребляются иные термины: культурные ценности (ч. 2 ст. 74, ч. 2 ст. 44) и памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44), что приводит к спорам о соотношении указанных терминов с термином «объект культурного наследия».

Так, Правовое управление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в заключении от 24 апреля 2000 г. на проект федерального закона № 97803305–2 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» указало, что отождествление понятий «объект культурного наследия» и «памятник истории и культуры» недопустимо, так как понятие «объект культурного наследия» имеет более широкий смысл.

Однако в заключении от 23 мая 2001 г. на проект действующего Закона об объектах культурного наследия Правовое управление посчитало, что определение объекта культурного наследия нуждается в уточнении и доработке, так как оно «ориентировано, скорее, на простое перечисление всех возможных объектов культурного наследия, а не на выделение их существенных, качественных характеристик». При этом, в данном заключении ранее названные замечания относительно тождественности терминов «памятник истории и культуры» и «объект культурного наследия» отсутствуют.

В ходе рассмотрения проекта закона согласительной комиссией законодатель принял окончательное решение о единстве понятий «объект культурного наследия» и «памятник истории и культуры».

В дальнейшем ученые стали высказываться о наличии принципиальных различий между указанными терминами. В частности, А. Б. Шухободский считает, что «произошла подмена понятия «памятник» на понятие «объект культурного наследия», объясняя это тем, что «памятник» имеет как ценностную, так и историческую составляющую, в то время как «объект культурного наследия» не отражает действительной природы объекта [11, с. 356–365].

Полагаем, что исследование вопроса о тождественности понятий «объект культурного наследия» и «памятник истории и культуры», возможно, имеет значение с позиции культурологи или философии, однако на правовой статус исследуемых объектов не влияет и не приводит к возникновению разнородной судебной практики. «Ценностное наполнение» анализируемых терминов не влияет на правоприменительную практику и не принижает статус охраняемых объектов. В связи с этим считаем возможным согласиться с официальной позицией законодателя о синонимичности терминов «объект культурного наследия» и «памятник истории и культуры».

Кроме данной дихотомии споры в научной среде вызывает и вопрос о соотношении терминов «культурная ценность» и «объект культурного наследия».

Закрепленное ст. 3 Закона об объектах культурного наследия определение, с позиции его буквального толкования, позволяет отнести все объекты культурного наследия только к объектам недвижимости (и связанным с ними движимым объектам), однако не дает никаких оснований для отнесения их к какой-либо иной группе объектов. Вместе с тем, при более детальном анализе положений Закона об объектах культурного наследия, поверхностный и преждевременный характер такого вывода становится очевиден.

Так, например, в преамбуле Закона об объектах культурного наследия законодатель использует термин «культурная ценность», указывая на то, что Закон направлен на реализацию конституционного права граждан на доступ к культурным ценностям; в дальнейшем данное положение развивается в п. 2 ст. 47.4 Закона об объектах культурного наследия. В связи с этим возникает вопрос: являются ли объекты культурного наследия разновидностью культурных

ценностей? Ответ на этот вопрос имеет как доктринальное, так и практическое значение: во-первых, для корректного использования терминов необходимо уяснить их правовую природу, а, во-вторых, определение правовой природы какого-либо явления служит основанием для выбора подлежащих применению норм права.

В статье 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре [5] (далее – Основы) культурные ценности определяются как нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

Примечательно, что это не единственное легальное определение культурных ценностей. Например, в ст. 5 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [3] и в ст. 3 Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [4] культурные ценности определяются как движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение.

Вопрос о целесообразности и обоснованности существования различных определений одного и того же термина не является предметом рассмотрения настоящей статьи, в связи с этим мы, соглашаясь с мнением Т. Е. Мельник о том, что «основы ... закрепляют универсальное для всей отрасли законодательства о культуре понятие» [8, с. 33–39], при проведении анализа будем использовать определение, закрепленное в ст. 3 Основ.

Так, Н. В. Медведева и А. С. Стоналова утверждают, что многие российские исследователи отождествляют термины «объект культурного наследия» и «культурная ценность» [7, с. 138–143]. В свою очередь, А. Н. Панфилов считает, что «не всякая культурная ценность может относиться к культурному наследию, однако все, что относится к культурному наследию, – есть культурная ценность» [10, с. 13–27]. М. М. Монастырев полагает, что термин «культурные ценности» законодатель использует вместо термина «движимые памятники истории и культуры» [9, с. 66–75].

Анализируя федеральное и региональное законодательство, практику его применения и позиции ученых, А. Н. Панфилов приходит к выводу о том, что в настоящее время понятие «культурные ценности» является родовым по отношению к остальным. Т. Е. Мельник, анализируя положения Основ и Закона об объектах культурного наследия, выдвигает предположение, что, видимо «имеющие историко-культурную значимость здания... есть не что иное, как объекты культурного наследия».

Министерство культуры Российской Федерации в своих методических рекомендациях по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательного места [6] представило позицию о том, что объект культурного наследия является разновидностью культурных ценностей, так как входит в объем понятия «уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты».

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что ни в одном нормативном правовом акте законодателем не установлена прямая связь терминов «культурная ценность» и «объект культурного наследия». Правовая доктрина и указания Министерства культуры РФ не являются источниками официального толкования законодательства и не могут иметь юридической силы. Предположение о возможности отнесения объектов культурного наследия к числу культурных ценностей выдвинуто нами только исходя из косвенных признаков.

Таким образом, в настоящее время с позиции буквального юридического толкования отсутствуют достаточные правовые основания для утверждения о том, что объекты культурного наследия являются видом культурной ценности. Действующее законодательство не со-

держит норм, из которых бы очевидно следовала правовая взаимосвязь между исследуемыми понятиями.

Вместе с тем, существующее законодательное регулирование не свидетельствует о правильности и справедливости такого подхода, а подтверждает лишь наличие правового пробела в рассматриваемой сфере.

Мы полагаем, что понятие «объект культурного наследия» входит в объем понятия «культурная ценность», то есть исследуемые понятия соотносятся как часть и целое, однако такой вывод, основанный на анализе и толковании законодательства, нуждается в законодательном закреплении. Вероятно, при введении в юридический оборот терминологии «памятник истории и культуры», «объект культурного наследия», «культурная ценность» законодатель не оценил надлежащим образом их соотношение и возможность употребления, что привело к коллизии правовых норм.

В статье 3 Основ законодатель определил, что к числу культурных ценностей относятся в том числе имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты. Здесь следует отметить, что при формулировании понятия «объект культурного наследия» законодатель не использует терминологию, примененную в Основах.

Если считать, что под этим определением («здания...») законодатель имел в виду именно объекты культурного наследия, становится непонятным, почему при разработке данного определения законодатель не использовал имеющееся на тот момент определение термина «памятник истории и культуры», содержащееся в Законе РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [2].

С учетом изложенного юридическая корректность термина «объекты культурного наследия» вызывает сомнения. Закон об объектах культурного наследия является специальным, следовательно, закрепленный им термин «объект культурного наследия» должен четко устанавливать связь с родовым термином (культурные ценности) и специфику (юридические границы) специального термина.

Для устранения существующего законодательного пробела необходимо внести следующие изменения в Основы законодательства о культуре:

Действующая редакция	Предлагаемые изменения
часть 3 статьи 3	
Культурные ценности – нравственные и эстетические идеалы, ... имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, ...	Культурные ценности – нравственные и эстетические идеалы, ... объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, предметы и технологии, ...
часть 8 статьи 3	
Культурное наследие народов Российской Федерации – материальные и духовные ценности, ..., а также памятники и историко-культурные территории и объекты...	Культурное наследие народов Российской Федерации – материальные и духовные ценности, ..., а также объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации и историко-культурные территории и объекты...
часть 2 статьи 4	
... выявление, изучение, охрана, реставрация и использование памятников истории и культуры	... выявление, изучение, охрана, реставрация и использование объектов культурного наследия

Данные предложения не следует рассматривать как игру слов. Предлагаемые изменения направлены на унификацию используемой законодателем терминологии, что является

гарантией обеспечения прямого действия законов и их правильной реализации на территории государства. Так, например, ст. 2 Основ исчерпывающим образом определен состав законодательства о культуре. Учитывая отсутствие легально закрепленной взаимосвязи между терминами «культурная ценность» и «объект культурного наследия», невозможно дать точный ответ на вопрос, входит ли Закон об объектах культурного наследия в систему законодательства о культуре. Некорректное использование законодателем терминологии является не только доктринальной проблемой, но и на практике затрудняет возможность применения Основ к отношениям, связанным с объектами культурного наследия.

Терминологическая оптимизация не является единственным предложением при решении указанных в настоящей статье проблем. Проведенный анализ позволяет сформулировать более общий теоретический подход. Защита и использование исторического наследия не должны быть связаны исключительно с недвижимыми вещами. С этой точки зрения ограниченным представляется определение объекта культурного наследия исключительно как недвижимости. В Законе об объектах культурного наследия необходимо отразить идею о многообразии форм культурного наследия и, соответственно, регламентировать особенности владения, пользования и распоряжения как недвижимыми, так и движимыми объектами культурного наследия.

Внесение предлагаемых изменений не повлечет за собой необходимости внесения изменений в другие законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов, а также не возложит дополнительных финансовых обременений на бюджеты всех уровней, что, безусловно, важно для дотационных дальневосточных регионов. При этом реализация указанных предложений позволит установить прочную юридическую взаимосвязь между Основами и Законом об объектах культурного наследия и точно определит правовую природу объектов культурного наследия.

Литература

1. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 18.07.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об охране и использовании памятников истории и культуры: закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. (ред. от 25.06.2002). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О вывозе и ввозе культурных ценностей: федеральный закон от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 (ред. от 28.12.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О Музейном фонде в Российской Федерации и музеях Российской Федерации: федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. Верховным Советом РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ред. от 18.07.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О направлении Методических рекомендаций по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательного места: письмо Министерства культуры РФ от 28 февраля 2017 г. № 49-01.1-39-НМ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Медведева Н. В., Стоналова А. С. Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 3 (16).
8. Мельник Т. Е. Право на доступ к материальным культурным ценностям // Журнал российского права. 2006. № 4 (112).
9. Монастырев М. М. Движимые объекты культурного наследия: особенности законодательного регулирования // Современное право. 2015. № 6.
10. Панфилов А. Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий // Право и политика. 2011. № 2.
11. Шухободский А. Б. Памятник истории и культуры как специфический вид культурной ценности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 97.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

Текст представленной работы должен содержать: введение (вводную часть), основную часть и заключение (заключительная часть). Объем каждой из частей и их соотношение определяются автором, исходя из особенностей статьи.

Вводная часть работы, как правило, служит для обоснования автором целесообразности и/или актуальности темы (научной разработки, проблемы, вопроса или задачи). В ней же формулируется основной замысел или причина, побудившая автора к проведению углубленного исследования темы и поиску решения проблемного вопроса (ситуации).

Основная часть служит для раскрытия содержательных и/или доказательных аспектов рассматриваемой темы (проблемы, вопроса или задачи) исследования. Здесь необходимо подробно изложить суть проблемы, провести ее анализ, обосновать решения и конкретные приемы (способы, методы), предлагаемые автором, отразить результаты, полученные путем анализа и синтеза, а также привести достаточные основания и доказательства, подтверждающие их достоверность.

В заключении (заключительной части) автором формулируются обобщенные выводы, основные рекомендации или предложения; приводятся иные итоги проведенного исследования; прогнозы и/или перспективы развития темы, а также возможности и сферы их использования; могут указываться направления дальнейших исследований и разработок автора.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: <https://media.mvd.ru/files/application/1584044>) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники. При этом список библиографических ссылок вначале содержит перечень использованных официальных документов, расположенных по юридической силе, затем – перечень печатных источников (книги, статьи в журналах и газетах и т. д.), а в конце списка литературы приводятся ссылки на интернет-ресурсы. В пределах каждой такой подгруппы библиографические записи сортируются по алфавиту. Пристатейный нумерованный список литературы следует оформлять в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России,

редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник ДВЮИ МВД России».